Эд.

ЛИМОНОВ

ГЛАГОЛ 9·1992

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВАРВАРОВ

ГЛАГОЛ

ГЛАГОЛ
9·1992
Литературно-художественный журнал

ЭДУАРД
ЛИМОНОВ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВАРВАРОВ

статьи, эссе

ББК 84. Р6
Л58

Оформление *Дмитрия КЕДРИНА*

Предисловие *Александра ШАТАЛОВА*

ISBN 5—87532—002—8

КРУШЕНИЕ МИФОВ

Предисловие

"Скотный двор" и "1984" — антиутопии Джорджа Оруэлла, создавшие яркую, но как бы искаженную проекцию современных социумов, в том числе и социализма, служили до сих пор весомым аргументом в пользу необходимости реформ в странах социализма. Однако, став "аргументом", художественное произведение наделяется неадекватными ему программными функциями. В предисловии к изданию "Скотного двора" на украинском языке (1947) Оруэлл писал, что убежден в необходимости развеять миф о Советском Союзе: "Ничто так не способствовало искажению исходных социалистических идей, как вера, будто нынешняя Россия есть образец социализма".

Но существенно продолжение цитаты — "развеять", чтобы "возродить социалистическое движение". Восприняв гиперболы Оруэлла, многие и сегодня спешат разрушить этот миф, фактически уже давно разрушенный, вовсе не желая возрождения вместо него какого-либо нового социализма или его модификации. Когда же начинаешь интересоваться, что предлагается взамен, то это все тот же Великий Скачок в одно из западных "образцовых" обществ, причем скачок, осуществляемый любыми средствами и любыми жертвами. Но может ли служить тот же Оруэлл образцом для следования? Французский гражданин, писатель Эдуард Лимонов начинает размышлять на эту тему и приходит к выводу, что оруэлловский миф о грядущем в наше время актуальнее перенести на райские кущи Запада, сходство будет заметней.

Критика Запада из уст западного гражданина, столь расходящаяся с восторгами из уст ряда советских деятелей, выглядит для нас непривычно. В этом смысле мы все еще за железным занавесом: трезвый скепсис по поводу западного жизнеустройства до нас не доходит или мы ему не доверяем.

Эдуард Лимонов — наш соотечественник, испытавший "прелести" и социалистического, и капиталистического образа жизни на себе, поэтому к его мнениям вполне резонно прислушаться.

Размышляя о бывших советских, вынужденных по разным причинам покинуть СССР, невольно удивляешься: и чего им там не живется, все у них есть, и книги их издают, если они писатели, и картины покупают, если художники... Во всяком случае, во многих письмах, приходящих в редакции в ответ на публикацию статей Лимонова, эти упреки проходят лейтмотивом. Ему предлагают постоять в наших очередях, помаяться на крошечную зарплату и т. п. Люди не слышат Лимонова, не слушают. Не выдержали они напряженного ожидания "новой" жизни и сломались. Но те, кого писатель выбрал себе в оппоненты, а это (как на подбор!) весь цвет нынешней демократической интеллигенции, слышат его прекрасно. Ведь если народ вдруг воскликнет: "А король-то голый!" — ох и неприятно станет королю.

Режиссер Марк Захаров в телевизионной беседе ехидно замечает Лимонову, что он-то наверняка теперь после беседы с ним, Марком Захаровым, бросит свой Париж и тотчас вернется в Россию — "вы нам нужны". (Еще в сентябре 1990 года, не обнаружив своей фамилии в списке 25 "реабилитированных" Верховным Советом СССР изгнанников семидесятых, тот обратился в советское консульство с требованием вернуть ему гражданство, что было сделано только в сентябре 1991-го.) Захаров ехидничает, будучи твердо уверенным, что не возвратится Лимонов на пепелище, изгнанный отсюда и добившийся уже стабильного положения на Западе. Ведь и сам режиссер не уезжает на Запад от своего нынешнего благополучия (затрудняюсь сказать, какой из театральных деятелей

мог бы стать там членом парламента страны). По себе судит.

Другой демократически настроенный интеллигент, пародист Александр Иванов, в ответ на статьи Лимонова пытается по-иному уличить своего противника: "С художественным творчеством Лимонова я, честно говоря, незнаком, хотя наслышан немало, прежде всего об эпатирующей книженции с претенциозным названием "Это я — Эдичка", прочно обеспечившей автору пренебрежение со стороны людей со вкусом". Вот вам и вся недолга — "не знаком, хотя...". Подобные "глубокомысленные" сентенции оживляют в памяти печально известные эпизоды из 30-х или 70-х годов, когда на обитую кумачом сцену выходили разгневанные поборники попранной якобы нравственности и говорили о том, что они "не читали, но считают своим долгом...". "Демократ" Александр Иванов из того времени и из тех людей.

Впрочем, и режиссеру, и пародисту жаловаться не на что — из страны их не выгоняли, наоборот, они всегда имели самую обширную читательскую и зрительскую аудиторию — массовые тиражи, гастроли, теле- и киноэкран. И если народ наш, по их мнению, сейчас оглуплен, то немалая ответственность за это ложится и на них.

Поэтому и раздражает их Лимонов — кажется, почти свой брат-писатель, "пострадавший" от "тоталитарного" режима, а не нравится ему то, что происходит в стране, не хочет сводить счеты со своим бывшим государством. Самым весомым аргументом стало то, что нехорошие романы у него, что плох тот человек, который печатает автора этих романов. Об этом не вспоминали, когда интервью с ним публиковалось на страницах "Московских новостей", "Огонька" или "Комсомольской правды" — тогда он был "свой". А Лимонов вдруг не захотел стать с в о и м. Обманув ожидания некоторых изданий, писатель ввязался в ожесточенную политическую полемику, цифрами и фактами опровергая высказывания лидеров перестройки или споря с ними, доказывая несостоятельность их идей. С цифрами эти лидеры спорить не хотят и не умеют — лучше не спорить, а "говорить про жизнь". (Лимонов, да

какой же он русский? Пусть приезжает сюда — вот тогда и поспорим!) Удивительно, до какой степени боятся у нас конкретных противников, предпочитая бороться с невидимыми или отсутствующими, разрушая уже и без них рухнувшее. Известный прием — аргументы кухарки, начавшей управлять государством.

Чем кончились эти настроения накануне Великой Отечественной — знаем. Чем кончаются нынешние — крушение не строя, а государственности, — свидетелями этого являемся сейчас.

В интервью "Правде" Лимонов писал: "Сейчас... я оказался в беспокойном положении человека, который, будучи русским, с определенным воспитанием, не может не ощутить себя на перепутье. Потому что душа моя принадлежит России. Я ощущаю зов крови. А это далеко не все понимают. Я был и остался русским патриотом, таким же, какими были М. Ю. Лермонтов, Л. Н. Толстой. Родина есть родина, и абсолютно ненормально не защищать ее".

...Но, собственно говоря, кто такой Эдуард Лимонов?

Упоминая статьи писателя, появившиеся в советской периодике, уже довелось вспомнить его роман "Это я — Эдичка" — первую книгу, переведенную ныне едва ли не на все европейские языки. Именно она принесла Эдуарду Лимонову известность, вызвав резкие споры и одновременно весьма лестные отклики в критике. Проза писателя автобиографична (конечно, с определенными допусками). Написанные от первого лица, его произведения создают особый эффект доверительности, чему способствует и то, что автор сам становится героем своих книг.

Роман "Это я — Эдичка" рассказывает о трагедии, которую пережил человек, оказавшись вдруг в Америке, вынужденный существовать на крошечное пособие по безработице, столкнувшийся с жестким, равнодушным миром.

Так, например, уже в 1976 году его герой бродит по улицам чужого Нью-Йорка и высказывает такие мысли: "Я считаю диссидентское движение очень правым, и если единственная

цель их борьбы — заменить нынешних руководителей Советского государства другими — Сахаровыми и Солженицыными, то лучше не нужно, ибо взгляды у названных личностей путаные и малореальные, а фантазии и энергии — сколько угодно, что эти люди явно представляли бы опасность, находись они у власти. Их возможные политические и социальные эксперименты были бы опасны для населения Советского Союза, и опасны тем более, чем больше у них фантазии и энергии. Нынешние же руководители СССР, слава Богу, довольно посредственны для того, чтобы проводить радикальные опыты, но в то же время они обладают бюрократическим опытом руководства, неплохо знают свое дело, а это в настоящее время куда более необходимо России, чем все нереальные прожекты возврата к Февральской революции, к капитализму и тому подобной чепухе..."

Одновременно это роман о любви, о расставании с любимыми. Другие книги Лимонова — "Подросток Савенко", "Молодой негодяй", "У нас была великая эпоха" рассказывают о послевоенном Харькове, о детстве автора и его первых литературных опытах. Можно сказать, классические темы литературы благодаря необычной манере повествования, пластичности выразительных средств приобретают неординарность и динамику. Герои Лимонова легко запоминаются, оставаясь не только в памяти, но и в сердце.

Попав в 1974 году в США, Лимонов (к тому времени на Родине он был уже признанным поэтом советского андеграунда) поменял более тринадцати профессий. Примерно столько же специальностей освоил он и в СССР — от рабочего харьковского завода "Серп и молот" до портного (среди его тогдашних клиентов были Окуджава, Неизвестный, многие столичные журналисты). Шел трудный поиск себя, период литературного становления.

Еще работая в эмигрантской газете "Новое русское слово", Лимонов пробовал свои силы в журналистике. В 1976 году вместе с В. Пруссаковым и В. Бахчаняном написал открытое письмо Сахарову, в котором выступил против идеализации

Запада. Статья эта была тогда напечатана лишь в пересказе лондонской "Таймс". Америке она не понравилась. Кстати, тогда же он организовал демонстрацию перед редакцией "Нью-Йорк таймс", требуя объективности в освещении проблем Восток—Запад. (Как видим, он никогда не стремился навязать читателям свое мнение, стараясь лишь объективно разобраться в коллизиях современного мира. Нынешние его статьи вызваны во многом именно этим — стремлением к объективности.) Спустя некоторое время "Неделя" — приложение к "Известиям" — перепечатала из газеты "Новое русское слово" статью Лимонова "Разочарование" об эмигрантском житье. После этого он был вынужден уйти со своей работы, им начало интересоваться ФБР.

Писатель не может и не хочет идти на поводу у общественного мнения, формируемого вполне конкретными политическими силами, а иметь свою собственную позицию — дело нелегкое.

В нынешней ситуации Эдуард Лимонов — единственный писатель русского зарубежья, живущий исключительно на литературный заработок (включая журналистику). У него выходит несколько книг в год, он ведет постоянную колонку во французском оппозиционном еженедельнике "Интернациональный идиот". Так что у него есть все возможности не подстраиваться под навязываемую нам позицию.

В течение всей жизни (а родился Лимонов — подлинная фамилия его Савенко — 22 февраля 1943 года в городе Дзержинске Горьковской области) он был вынужден бороться за свое исключительное право быть писателем и только.

Для Лимонова естественно писать о том, что он думает, не оглядываясь на авторитеты (ни на западные, ни на советские), ставя под сомнение как общественное, так и руководящее мнение. Казалось бы, легче всего ему сейчас подстроиться и стать всеобщим любимцем.

Привыкнув к западной демократии, прожив в ней 17 лет и хорошо усвоив основные ее принципы, Лимонов не может согласиться с очередным переписыванием истории. Впервые

после эмиграции приехав в СССР в 1989 году, он был шокирован кризисом, в котором оказалась страна. Со стороны это было заметно, пожалуй, наиболее ярко. Эта поездка и послужила толчком к написанию первых статей Лимонова. Те из них, которые вошли в данную книгу, были опубликованы в 1990—1992 годах в газетах "Известия", "Советская Россия", "Комсомольская правда", "Красная звезда", "Собеседник", "Литературная газета". В жанре "политической фантастики" еще в 1984 году написан для французского журнала "Зулу" памфлет "Исчезновение варваров", давший название книге. Читатель может убедиться, что (как и в вышеприведенном отрывке из романа "Это я — Эдичка") Лимонов, чуткий слушатель пульса эпохи, несомненно, предвидел наши катастрофические социальные изменения и за пятнадцать, и за семь лет до наших дней.

Данное предисловие было уже написано, когда произошли известные события августа 1991 года: насильственная попытка противодействия тем разрушительным процессам, которые наметились в стране. В том, что процессы эти разрушительны, не сомневается, кажется, никто. Расхождение — лишь в оценке последствий надвигающегося краха. Понятно желание тех и других общественных формаций отстаивать свою позицию до конца, даже впадая при этом в крайности. Нельзя с помощью оружия направить жизнь страны в нормальное (то есть ориентированное на удовлетворение насущных потребностей граждан) русло, но ясно, что нельзя считать демократическими и такие меры, как приостановление деятельности коммунистической партии — самой массовой до нынешнего дня общественной организации — и конфискация ее имущества. Необольшевизм, перенесенный в сегодняшний день, оборачивается разгулом национальной вражды, полным крахом экономики, беззаконием, возведенным подчас едва ли не в ранг государственной политики. Всячески осужденные 30-е годы возвращаются вновь, но уже с иной социальной подоплекой.

В этот переломный момент истории, когда наиболее отчетливо проявились и характеры политических лидеров страны, и позиции ведущих сил общества (чего стоят бесконечные склоки среди депутатов районного и городского уровней — людей, самой доброжелательной характеристикой для определения которых будет слово "случайные"), взгляд назад, на статьи Лимонова, приобретает ту же, что и у писателя, четкость и ясность. То, что он предчувствовал и о чем писал, что трактовалось нами как написанное в полемическом запале, воспринимается ныне как верное угадывание ситуации, причем без всяких скидок на "взгляд со стороны".

Ну, например (цитирую по статье "Остановить перестройку", написанной за два месяца до августовских событий и в тот период так и не опубликованной): "Если бы я был коммунистом, я бы голосовал за избрание нового Генерального секретаря. Не по причине моего недовольства Горбачевым, а потому, что КПСС теряет куда больше, чем приобретает, от своей связи с Горбачевым. (Пусть КПСС не обольщается, что в лице Горбачева она находится у власти. Это он находится у власти и использует вес КПСС для своих целей.) Привычка подчинения генсеку губит партию. Отделившись от Горбачева, партия могла бы поддерживать его только в тех случаях, когда была бы с ним согласна".

Сразу же после провала августовского путча именно Горбачевым под неубедительным предлогом поддержки ГКЧП была приостановлена деятельность КПСС, а имущество ее конфисковано. Нет, ущерб понесли отнюдь не партийные функционеры, большинство из которых уже открестились от нее и, в одночасье "прозрев", перешли в стан победителей, а те самые народные массы, которые, доверяя руководителям, переводили в ее кассы свои рабочие рубли.

Э. Лимонов замечает по поводу этой акции: "Демократические режимы не начинают с запрещения подавленных политических партий. Так поступают авторитарные режимы. Придя к власти, национал-социалисты запретили компартию Германии. Очеловечившийся режим апартеида разрешил недавно

компартию... Жест же Горбачева, отказавшегося от ставшей обременительной для его политического будущего пятнадцатимиллионной массы коммунистов в одну ночь, оставившего их на поругание и бесчестье, есть невиданная в истории низость. Разумеется, не с точки зрения политики, но с точки зрения общечеловеческой морали" (Независимая газета. 1991. 5 сентября).

Сама по себе попытка переворота до сих пор оставляет нас в недоумении: понятна решимость народа защищать свое право на волеизъявление, но непонятна, я бы сказал, агрессивная нерешительность "путчистов", провозгласивших новый курс, но не задумавшихся даже о его претворении в жизнь (это была "искренняя реакция серьезных, но наивных бюрократов, честных русских мужиков, осознавших... в какой страшной опасности находится страна. И попытавшихся единственно доступным им командно-административным способом спасти страну", — по определению Лимонова).

Да, возможно, переворот — следствие стремления самого Горбачева отмежеваться от балласта, которым стал в последние годы партийный аппарат, возможно, та грань противостояния, которая должна была выявить силу не правую, а скорее более мощную... Так или иначе, концентрация власти в руках фракции, именуемой "демократической", накладывает на нее ответственность непомерную. До сих пор ссылаются на грехи семидесяти лет Советской власти, призванной отвечать за экономический спад, национальную рознь (даже не межнациональную — между регионами, а рознь в пределах одних и тех же интегрированных мегаполисов), бедность и нищету старшего поколения, голодные смерти, бесконтрольное казнокрадство, гибель памятников истории и культуры... Ссылки эти теперь воспринимаются более чем несерьезно, сродни столь популярным ранее административным отпискам.

В порыве обличительства Лимонова с его статьями стали расценивать едва ли не наводчиком. Именно так — "Наводчики" — называлась статья В. Оскоцкого в "Огоньке", рассматривающая в том числе и публицистику Лимонова послед-

них лет. Каковы бы ни были оценки его статей, ясно, что Лимонову нельзя запретить открыто высказывать свою точку зрения. Можно препятствовать публикации этой точки зрения, но такое противодействие нельзя считать разумным. Та пропасть, в которую все быстрее скатывается страна, с отсутствием в печати статей Лимонова отнюдь не исчезнет, а значит, придет пора разбираться в причинах наступившего кризиса, не искать уже правых или виноватых, а учиться на собственных ошибках.

Александр Шаталов

I

ПРЕДСКАЗАНИЕ

...Some people arrived from the frontiers,
and they said that there are no longer any barbarians.
And now what shall become of us without any barbarians?
Those people were a kind of solution.

CAVAFY. Expecting the barbarians[1]

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВАРВАРОВ

1

Ранним утром 29 сентября 19.. года самолет Аэрфранс 001, аккуратно пролетев положенное количество километров, отделяющих Париж от Москвы, прорезав густые облака, стал снижаться, чтобы затем приземлиться в Шереметьево, но ни аэродрома, ни столицы СССР в нужном месте не оказалось. Сквозь проливной дождь, идущий над территорией Союза Советских Социалистических Республик, пилоты смогли разглядеть лишь белую твердь, напоминающую свежезасохший гипс.

Посовещавшись и придя к выводу, что весь экипаж Аэрфранс не мог одновременно заболеть редкой формой глазной болезни или же вдруг загаллюцинировать, пилоты обратились к приборам. Стрелки индикатора высоты нормально и, по-видимому, безгрешно показывали высоту самолета над белой твердью. Индикаторы широты и долготы свидетельствовали, что самолет находится как раз над аэропортом Шереметьево. И только радио отказывалось поддержать другие приборы — никаких сигналов из аэропорта Шереметьево не поступало. Далекие и слабые, в эфире можно было услышать переговоры над аэропортами ближайших больших городов Европы, однако Москва и ее аэропорт исчезли. Радиозвуков вообще не доносилось с русской земли.

Экипаж решил, что врут индикаторы широты или долготы. "Очень возможно, — сказал главный пилот, — что мы пролетели аэропорт и теперь находимся где-нибудь к северу от Москвы. И, может быть, летим сейчас над соляным озером".

[1] ...А с государственных границ нам донесли,
что их и вовсе нет уже в природе.
И что же делать нам теперь без варваров?
Ведь это был бы хоть какой-то выход.
Константинос Кавафис. Ожидая варваров
(перевод С. Ильинской)

Штурман сказал, что он сомневается в том, что за столь непродолжительное время они могли намного отклониться от цели. Плюс он не знает о существовании соляных озер в районе столицы Советского государства. На свой страх и риск, не меняя высоты, не запрашивая Париж, экипаж прогнал Аэрфранс 001 сто километров в южном направлении. Все та же белая твердь просвечивала внизу сквозь легкие волокна облаков. Встревожив пассажиров сообщением о том, что Шереметьево не примет Аэрфранс 001 из-за плохой погоды, и тем успокоив их, командир экипажа положил самолет на обратный курс.

2

В 9.25 утра в аэропорту Шарль де Голль командир экипажа был снят прямо с борта присланными самим Президентом агентами и с полицейским эскортом, с воем сирен, доставлен в Елисейский дворец. Кабинет министров в полном составе выслушал краткое сообщение командира Аэрфранс 001 с недоверием. Начавшийся обмен мнениями был прерван опоздавшим на чрезвычайное заседание специальным повереннным в делах мсье Раймоном Жиру. Мсье Жиру был бледен как аспирин. Он прошел за спину Президента и прошептал ему на ухо: "Мсье Президент... случилось ужасное. Россия исчезла... Снимки американских сателлитов..." Трясущимися руками Жиру разложил перед Президентом фотографии. Президент вгляделся. Когда он поднял голову, взгляд его выражал отчаяние. "Господа министры! Члены кабинета! Присланные нашими американскими друзьями снимки, сделанные с сателлитов над советской территорией, свидетельствуют непостижимое: Союз Советских Социалистических Республик... исчез с лица земли. На фотографиях видна только..." "Белая плоскость, напоминающая свежезасохший гипс..." — перебил Президента командир экипажа Аэрфранс 001. И, испугавшись, замолчал. "Господа члены кабинета, прошу убедиться..." — похоронным голосом объявил Президент и жестом пригласил министров приблизиться к фотографиям. Министры расхватали фотографии.

"Господин Президент..." — начал вошедший личный секретарь Президента, бледный как аспирин.

"Можете объявить всем", — устало разрешил Президент.

"Господин Президент! Господа министры!.. Радиосвязь с Советским Союзом, так же как и телефонная и телеграфная

связи, больше не существует. Утренние поезда из СССР, ожидаемые в Польше, Чехословакии и Венгрии, не прибыли к местам назначения и не пересекли границу СССР".

Президент встал с оттоманки. "Властью, данной мне французским народом, я объявляю чрезвычайное положение. Наш ядерный арсенал и обычные вооруженные силы страны должны быть немедленно приведены в боевую готовность. Господа министры, займитесь своими обязанностями в соответствии с планом X. Мсье Жиру, вас я назначаю ответственным за связь с нашими союзниками".

Министры встали.

"И еще, господа... Конфиденциальные сведения, полученные вами только что об... — Президент проглотил слюну, — исчезновении Советского Союза, прошу считать строго секретными и не разглашать вплоть до специального уведомления".

3

Массовое безумие охватило пограничные войска стран восточноевропейского блока, стоящие на границе с Советским Союзом. Взводы, роты, даже целые батальоны ударялись в бессмысленное бешенство и агрессивность, увидав, что сочная трава луга или березовая роща, подползающая к границе с их стороны, вдруг резко останавливается и на советской стороне... сменяется белой субстанцией непонятного происхождения, равнодушно простирающейся в глубь советской территории, насколько может видеть глаз и цейсовские бинокли пограничников. Правительства восточноевропейских стран, шокированные происшедшим, сумели кое-как замять дело, срочно сменив войска на границе с... белой гипсовой пустыней. Тысячи деморализованных солдат были отправлены в закрытые психиатрические госпитали. Однако тот факт, что такая же субстанция покрыла территории внутри стран восточноевропейского блока, на которых до сего времени помещались казармы, службы и полигоны подразделений советских войск, оказалось куда труднее скрыть. Впрочем, созвав секретное совещание в Праге, главы восточноевропейских государств сообща нашли выход из положения. Населению объявили, что советские войска срочно переведены на новые квартиры и что белая субстанция — фундаменты, на которых будут построены различные сооружения, срочно необходимые для народного

хозяйства стран. И что фундаменты выполнены из сверхбетона нового типа.

Между тем первые разведывательные самолеты НАТО робко углублялись в воздушное пространство над пустыней, ранее называвшейся Союзом Советских Республик. Они не были обстреляны, и никаких странностей с ними не произошло, если не считать странным то обстоятельство, что нигде пилоты-разведчики не увидели и клочка живой земли.

Несколько дней правительства Запада и Востока скрывали суперновость от прессы. Однако слухи ползли с Востока.

4

Энергичные, мясистые американские журналисты узнали об исчезновении СССР, разумеется, самыми первыми. Второго октября принадлежащая Руперту Мурдоху "Нью-Йорк пост" вышла с громадным красным заголовком "РУССКИЕ УШЛИ. ВСЕ! КУДА?"

"Русские опять обманули нас. По сведениям, полученным "Нью-Йорк пост" от Си-ай-эй, фотоснимки, сделанные нашими сателлитами, повсюду над территорией СССР обнаруживают однообразную белую поверхность, напоминающую свежезасохший гипс. (Никаких рек, озер, гор или железных дорог и полей, люди!)"

"Одновременно прекратились все радио- и кабельные коммуникации с СССР. Регулярные рейсы Аэрфранс, Ал-Италии и Бритиш Аэрвэйс в Москву прекращены, так как начиная с 29 сентября вылетавшие в Москву самолеты не могли обнаружить ни столицы СССР, ни ее аэродрома".

"Наши европейские партнеры по НАТО подозревают, что коммунисты выкинули хитрый трюк, природа которого еще не ясна".

"Альфред Стайн, споксмен для базирующейся в Вашингтоне исследовательской группы АТЛА, уже сто семьдесят пять лет работающей над разгадкой причин исчезновения Атлантиды, с которым "Нью-Йорк пост" связалась по телефону, сказал: "Если могла исчезнуть Атлантида, то почему не может исчезнуть Советский Союз?"

Экс-кандидат в Президенты референт Джэсси Джаксон заявил: "Правильно сделали! Черные тоже должны уйти в знак протеста".

В свою очередь доктор Киссинджер сказал: "Хм... Я думаю, что они сделали вид, что обиделись. Это может быть

паблисити-трюк. Онн хотят, чтобы Соеднненные Штаты попросили их вернуться. Мы должны оставаться твердымн".

Профессор Хельмут Браун, Лос-Аламос, Нью-Мекснко, спрошенный о природе явлення нсчезновення Советского Союза, сказал: "Причиной может быть что угодно. Неизвестной нам природы поля, подобные магнитным, создающие внутри себя колоссальное напряженне, способное отрывать матерню н уносить ее куда угодно. И далеко в космос". О природе белой коркн профессор Браун сказал: "Нам в Лос-Аламос еще два дня назад былн доставлены для аналнза пробы этой "коркн", как вы ее называете. Субстанцня не оказалась нн металлом, ни горной породой. Чтобы определнть, что она такое, нам необходимо время. На сегодня мне кажется, что корка может быть накожным заболеванием Землн, так сказать — грибком, коростой. Корка также может быть интересным для исследователя вндом гигантского нньопланетного существа, которое, сожрав СССР, каковой оно сейчас переварнвает, начнет жрать свободный мнр".

Обычно сдержанный "Уолл-стрит джорнэл" появился с эмоциональным заголовком: "Сверхограбление! Сбежав, русские осталнсь должны Западу 6000 бнллнонов долларов!"

Третьего октября по всем каналам ТВ транслнровали долгожданное обращение Президента Соеднненных Штатов к нацни. На сей раз Президент явнлся народу в костюме популярного героя Дракулы, тщательно загримированный. Ночь перед выступлением Президент, как обычно, провел в холодильнике. Рядом с Президентом по правую руку от него находнлся новый государственный секретарь Соединенных Штатов экс-певец Майкл Джексон в костюме другого популярного нацнонального героя Мики Мауса. "Несколько дней мы выяснялн подробности омерзнтельной провокацин, не желая понапрасну волновать чувствительный амернканскнй народ". Едва сдержав нахлынувшне на глаза слезы, Президент продолжал: "Это непростнтельное, варварское нарушенне Советским Союзом общепринятых международных норм еще раз ярко продемонстрировало свободному мнру, что русские способны на все. Я объявляю их с сегодняшнего дня не принадлежащими к западной цнвилнзацнн..." Прeзндент вынул из кармана алый платок и стер со щекн слезу. "Чтобы доказать нашим сделавшимся невндныммн врагам, что Соединенные Штаты Америки снльны как никогда, я, Президент и Верховный Главнокомандующий, отдаю приказ вооруженным силам вступить в... Мекснку. Я также вношу в Сенат Соединенных Штатов предложе-

ние об увеличении военного бюджета на 1111%... Если русские хотят жить с нами в мире, они появятся... Для того чтобы танцевать танго, необходимы двое".

Журнал "Тайм" высказал предположение, что теперь, "когда Большой Брат покинул их, коммунистические империйки Восточной Европы рассыплются в мгновение ока, как карточные домики". И заметил, что "неисправимая злобная природа русских сказалась и в их, может быть, последнем акте — уходя, они оставили после себя ни на что не употребимую пустыню".

"Чаттануга таймс" практично заметила, что американские ученые должны немедленно приступить к работе над проектами использования освободившейся советской территории, однако неуклюже выдала государственную тайну, сообщив, что еще с 31 сентября американские инженеры из CIA бурят белую субстанцию на Камчатке. "Но пока ничего интересного", — лаконично отчиталась газета.

5

Во Франции первым высказался по поводу исчезновения русских конечно же супермен оппозиции Жак Ширак. Пятого августа в "Фигаро" появилось очередное обвинение Ширака в адрес правительства социалистов. "Социалистическое правительство конечно же знает, где русские. Простые французы и француженки также имеют право знать, где они. Левые, ответьте французскому народу, где русские? Я лично не верю в то, что господина Марше не предупредили из Кремля..."

"Либерасьон" суммировала происшедшее заголовком: "Супертрюк! Если бы Тристан Тцара, Пикабиа и вся сюрреалистическая банда были живы сегодня, они бы аплодировали русским. После революции, Ленина, Сталина, архипелага Гулаг, Ялты и Афганистана — блистательное исчезновение в духе Атлантиды. Браво, русские!"

Журнал "Актюэль" послал своего специального корреспондента в Польшу, денег не пожалели. Корреспондент, пробравшись к польско-русской границе и подкупив пограничников, сумел уговорить их разрешить ему поставить босую ступню на часть советской территории. Фотография некрасивой ступни, покоящейся на белой тверди, украсила собой обложку "Актюэля". Однако Томас Джонсон, внезапно уволенный сотрудник "Актюэля", стал утверждать, что ступня принадлежит ему, а твердь под ногой — песчаник Нормандии.

"Харакири" поместил на обложке фотографию стада черных козлов, символизирующих собой страны Восточной Европы и "третьего мира". Белые надписи по брюхам помечали козлов: Китай, Мозамбик, Польша, Вьетнам, Иран, Сирия, Ливия... "Какой из них? Свободному миру нужен новый козел отпущения. Может быть, Албания станет главным козлом отпущения для свободного мира?.. Нет, слишком мала... Такого удобного козла, каким был СССР, нам больше не найти..." — грустные размышления профессора Шарона комментировали фотографию.

"Ле Нувель Обсерватер", верный своей репутации основательности, подошел к проблеме серьезно, посвятив исчезновению СССР пятнадцать страниц. Журнал скрупулезно поместил мнения десяти русских диссидентов крупного калибра, проживающих на Западе, уделив каждому по странице. Идейные враги Советского государства не ударили лицом в грязь, сообщив свои интересные мнения. "Сеанс коммунистического гипноза", — заявил Зиновьев. "Идеологическая диверсия! Необходимо увеличить финансирование Интернационала сопротивления", — заявил Максимов. "Вовремя исчезли. Я как раз вчера послал в Пентагон гениальный план. Нужна будет всего одна ядерная бомба, которую пронесут в мавзолей баптисты" — генерал Григоренко. "Это КГБ уничтожил всех русских людей, всю страну!" — Владимир Буковский. "Я им не верил и не верю. Я не знаю, в чем дело, но они вас обманут, они хитрые, вы их не знаете..." — Плющ. "Это пропаганда. Советы купили продажных западных журналистов. Я верю в религиозное возрождение России, и я туда вернусь" — Солженицын. Пять страниц журнал уделил произведению под названием "Красный Некролог" — творению известного военного стратега и нового философа Андре Глюксмана. На фотографиях этот новый философ всегда стоит справа от покойного Сартра и слева от покойного Раймона Арона. (Не путать с другим тоже новым философом Бернаром Леви, который на фотографиях помещается слева от покойного Сартра и справа от покойного Арона.) "Из мира исчез Союз Советских Социалистических Республик — главная лаборатория зла на Земле, уступавшая только Аушвицу и Дантову аду. Будем надеяться, что действительно ушел, а не притаился за дверью, ожидая, когда наш слишком свободный мир окончательно расслабится, чтобы напасть. И тогда мы все попадем в лагеря смерти под красным флагом. А бородатые варвары будут пожирать наши патэ и пить наше французское вино в кафе на бульваре

Сен-Жермен и Елисейских полях... и читать нашего Пруста..."

Лидер Национального Фронта Жан-Мари Ле Пэн в интервью "Антенн-2" прореагировал на исчезновение СССР оптимистически: "Мы не буржуа салонов. Исчезли — исчезли. Освободилась территория. Мы должны воспользоваться случаем и переселить наших иностранцев с асфальта французских городов на советский гипс".

"Русская мысль" — эмигрантский листок афганистанской ориентации, издающийся в Париже на русском языке на американские деньги, вышел с радостным заголовком: "Русских больше нет!"

И только проверив факты, тщательно взвесив все за и против, получив специальное письменное разрешение мадам премьер-министра, двадцатого октября о суперисчезновении сообщила Би-би-си... "Новости, читаемые вам Юджином Лонгом. Вначале главные новости: лидер свободного профсоюза "Солидарность" Лех Валенса заболел. У него насморк... Неожиданное исчезновение Советского Союза... Принц Чарлз упал с лошади..."

6

Проходили месяцы. Постепенно выяснилось, что русские, куда бы они ни исчезли, в ближайшее время возвращаться не собираются. Мир начал приспосабливаться к жизни без русских. И в процессе приспособления оказалось, что русские были всем нужны.

Вдруг произошли серьезные изменения в структуре экономики, вызванные незапланированным упадком спроса на некоторые продукты, связанные с существованием СССР. На пропаганду и оружие.

Первые массовые увольнения начались в сфере пропаганды. 30 октября в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Мюнхене и Нью-Йорке состоялись демонстрации сотрудников радиостанций "Радио Либерти", "Голос Америки", "Немецкая волна", "Свободная Европа" и других пропагандных учреждений, расформированных по причине "временного исчезновения объекта пропаганды". "Верните нам Советский Союз!", "Мы были нужны вам, пока существовал СССР! Сейчас вы выбросили нас на улицу!" — выкрикивали демонстранты. В Мюнхене и Париже демонстранты вступили в схватку с полицией. Около пяти с половиной миллионов человек приняло участие

в демонстрациях. Миллионы новых безработных серьезно ухудшили и без того тяжелую экономическую ситуацию в западном мире.

В промышленности первыми, осторожно и небольшими порциями, стали увольнять рабочих авиационные фирмы. Враг номер один исчез, и в тучах военных самолетов не было больше необходимости. К авиационным присоединились вскоре судостроительные компании. Военная промышленность Соединенных Штатов некоторое время продолжала работать благодаря войне в Мексике, но когда война перешла в стадию партизанских операций, последовали неизбежные увольнения. АФЛ-СІО нехотя, под давлением своих членов пришлось объявить всеобщую забастовку. 23 октября миллионы рабочих вышли на улицы американских городов под циничным лозунгом: "Воюйте хоть с Марсом, но руки прочь от нашей работы!" Президент немедленно убрал профсоюз с улиц, швырнув военной промышленности единовременную субсидию. Однако дольше так продолжаться не могло, необходимо было предпринять что-либо радикальное. Во Франции 270 тысяч человек из общего числа 280 тысяч, занятых в военной промышленности, потеряли работу.

28 октября "Нью-Йорк таймс" опубликовала неизвестными путями попавший в газету совершенно секретный документ — стенографическую запись первого заседания совместной Американо-Европейской комиссии по созданию новой специальной программы исследований в космосе под кодовым названием "Пенелопа". "Найдите нам срочно враждебную звезду или лучше Галактику — врага, дабы нам не пришлось уволить десятки миллионов рабочих во всем мире и тем создать революционную ситуацию. Или найдите нам bloody е...ых русских!" — потребовал у ученых устроитель проекта "Пенелопа" — Президент Соединенных Штатов, одетый по этому случаю в синий с красным костюм супермена и явившийся в сопровождении Байоник Вумэн и Спайдермена. ("Вот она, русская хитрость! Вот чего они хотели добиться своим исчезновением — революционной ситуации!" — выкрикнула с места мадам премьер-министр Англии, одетая в Эс-Энд-Эм, комплект-тройку черной кожи.) "Или придумайте врага, — заметил доктор Киссинджер, конечно же участвовавший в заседании. — Но правдоподобного".

29 октября "Нью-Йорк таймс" опубликовала текст секретного доклада главы Дальневосточного отдела Си-ай-эй, зачитанного на заседании по учреждению проекта "Пенелопа", касающийся Китая. "Китай, увы, отказывается быть врагом

Запада. Китайцы боятся", — заявил глава Дальневосточного отдела. "Теперь, с исчезновением русских, вся военная гигантская мощь Запада будет направлена на них". "Объясните китайцам, что враждебность будет несерьезной, только для публики. Если они согласятся, мы дадим им секретные займы, при помощи которых они модернизируют свою экономику", — заявил доктор Киссинджер, сверкая очками. "Поздно, — с горечью комментировал глава Дальневосточного отдела. — Их премьер еще неделю назад выступил с официальным заявлением, что китайский народ встретит любого врага так же, как он в свое время встретил монголов. Отдастся на милость победителя и затем ассимилирует его в себе. Даже если на это понадобятся тысячи лет". "Китай уподобится кастрюле, кипящей на огне", — заявил их премьер.

В рапорте из Кавендиш, штат Вермонт, журнал "Тайм" 1 ноября коротко сообщил читателям, что эмигрантский писатель Александр Солженицын запил и прекратил работу над 145-й главой 86-го тома, 12-го узла истории Русской революции. "Кажется, соседу придется переменить профессию, — сказал Тимоти Миллер, 78 лет. — Догадываюсь, что его бизнес в развалинах. Подобная ситуация случилась со мной после отмены сухого закона".

7

Хотя Большой Брат и оставил их без поддержки, коммунистические империйки не спешили разваливаться. Вначале при вести об исчезновении Советского Союза в двух из них действительно вспыхнули беспорядки. В Праге группы интеллектуалов вышли на улицы с лозунгами "Наконец мы свободны!" и "Прощай, Большой Брат!", но их быстро убрала с улиц мордатая и ловкая чешская полиция. В Польше в Гданьске и Вроцлаве рабочие бросили работу и во главе с католическими священниками отправились в близлежащие церкви поблагодарить Матку Боску Ченстоховску за чудесное освобождение от исторического врага — русских. Однако польские национальные войска, на сей раз не сдерживаемые рукой Большого Брата, грубо разогнали рабочих и, когда те попытались сопротивляться, открыли по ним огонь. Сорок пять человек было убито и сотни ранено.

Прагматичный венгерский премьер в своем интервью журналу "Ньюсуик" на не очень тактичный вопрос: "Почему ни

одна из коммунистических сатрапий Восточной Европы до сих пор не стала капиталистической? Ведь Большой Брат ушел..." — ответил со снисходительной улыбкой: "Наши государства сложились, наши общества устоялись. Радикальная смена общественного строя нам дорого обойдется. И в смысле человеческих жизней, и в смысле конкретных, без сомнения, громадных потерь для нашей экономики, которые принесут с собой забастовки, бунты и перемещения социальных слоев". Однако вспыхнули вдруг забытые во времена владычества Большого Брата разногласия между странами Центральной и Восточной Европы. В середине ноября Венгрия объявила войну Румынии, а Польша напала на Чехословакию.

Стали распространяться и усиливаться слухи, что исчезновение Советского Союза — дело рук Си-ай-эй. Исследователи Си-ай-эй, десятилетиями изучавшие секретные иероглифические тексты Древнего Египта, будто бы уничтожили Советский Союз по рецептам древних египтян. Другие слухи утверждали, что панк-президент Ронни Вишес все-таки осуществил свое желание выбомбить русских с лица земли, что Соединенные Штаты втайне от союзников забросали территорию СССР могущественными ядерными бомбами нового типа, расплавившими поверхность страны в белую сверхнатуральную корку.

8

Первая радость по поводу исчезновения русских сменилась пока не очень понятной человечеству грустью. "Кому мешали русские?" — робко спросил "Ле Монд" на своей первой странице в декабре. "Ньюсуик" опубликовал шокирующие данные, предоставленные ему Медицинским центром Калифорнийского стэйт юниверсити в Лос-Анджелесе, согласно которым средний вес американского гражданина (обоего пола) увеличился на четыре килограмма за четыре месяца без русских в мире. "Мы жиреем без русского врага", — философски заметил журнал.

Отсутствие русских стало давать себя знать даже в мелочах. Читатель Джон Глэн из Тулсы, Оклахома, в своем письме в "Тайм" пожаловался: "До сего времени я пугал трехлетнего Боба: "Если ты не будешь чистить зубы перед сном, я отошлю тебя в Советский Союз, и там тебя съедят большие красные коммунисты". Со времени исчезновения СССР Боб перестал

чистить зубы". С письмом отчаявшегося отца соседствовало письмо попавшего в затруднительное положение учителя Тима Качвачидзе из Южного Бронкса, Нью-Йорк: "Раньше, чтобы продемонстрировать моим доминиканским и пуэрториканским ученикам, что мы не так плохо живем в развалинах Южного Бронкса, я рассказывал им о зловещей империи СССР. Теперь мне не с чем сравнить капиталистическое общество, и факт того, что мы в Южном Бронксе наслаждаемся свободой, не так очевиден".

"Скучно в мире? Сами виноваты. Нужно было беречь русских", — лаконично подвел итог общему умонастроению читатель Атилла Скотт из Воватозы, Висконсин.

Французская интеллигенция, и правая, и левая, лишилась мальчика для битья. Атмосфера застольных бесед в Ла Куполе, Липпе и Клозери де Лила заметно помрачнела. Так как предмет постоянных насмешек — неуклюжие советские государственные деятели в мешковатых костюмах — исчез со страниц газет и экранов ТВ, французы наконец заметили склонность отечественных политических деятелей к позерству. Ввиду исчезновения "анфан террибль дю монд" политические споры стали неинтересны. Уровень шума в парижских кафе снизился на несколько децибелов, поскольку модные словечки "сталинизм", "Гулаг", "Сибирь", "Кремль", "КГБ", "Политбюро" вынуждены были исчезнуть из лексикона. Как результат, не сопровождаемая беседами, как всегда лучшая в мире французская кухня плохо переваривалась, и среди французской интеллигенции увеличилось количество желудочных заболеваний. И напротив. количество диссертаций и докторатов на социально-политические темы сократилось на 90 процентов.

Журналам и газетам стало не хватать материалов. Но зато сексуальная жизнь французской интеллигенции сделалась куда более интенсивной. Франсуаза Саган на "Апострофе" объяснила этот феномен исчезновением Советского Союза. "Из политики вместе с русскими ушел азарт. Поэтому мужчины ищут компенсацию в сексе". Профессия составителя докладов сделалась необыкновенно трудной профессией. Несколько крупнейших представителей профессии умерли от разрыва сердца, пытаясь заменить "советскую угрозу" столь же весомой опасностью-аргументом. Оставшиеся в живых образовали интернациональный профсоюз, потребовали значительного повышения заработной платы и без труда получили требуемое.

9

Между тем механизм мира барахлил все серьезнее. Война в Мексике, к большому неудовольствию военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов, кое-как закончилась. Но в Бразилии в феврале вдруг ни с того ни с сего произошла странная революция, в результате которой в стране образовалась... рабовладельческая (!) республика. Специалисты по пропаганде Си-ай-эй запустили было, как полагалось по совершенно секретной инструкции, в латиноамериканскую и мировую прессу "совершенно секретные" сведения о связях нового бразильского режима с Москвой и Кубой, но юный энтузиаст, только что начавший работать в организации, прочел подлежащие опубликованию документы и доложил своему начальству, что Москва уже пять месяцев не существует в природе. Заменили настоящее время неопределенным прошедшим и запустили в прессу. Второго марта, к восторгу военной промышленности, американская морская пехота высадилась на Кубе в заливе Свиней.

Шестого марта Президент Соединенных Штатов, на сей раз в своем любимом костюме только что реинкарнированного Франкенштейна, произнес свое 2013-е обращение к нации, в котором объявил Китай не принадлежащим к числу цивилизованных стран. Седьмого марта пять "лимитированных" ядерных ударов были нанесены по... острову Тайвань (!). "Что вы хотите? — защитил Президента ведущий телевизионной станции НВС. — У парня пока еще мало опыта в интернациональных делах. Он спутал Китайскую Народную Республику с Демократической Тайваньской Китайской Республикой, только и всего..."

Вдохновленные примером Соединенных Штатов, страны мира стали успешно вершить правосудие своими руками. В апреле объединенные силы восьми стран Латинской Америки, предводительствуемые мстительной Аргентиной, высадили десант на побережье Великобритании. Норвегия, не объявляя войны, вторглась в Данию. В Афганистане муджахетдины, не сдерживаемые более советскими войсками, о местах стоянки которых напоминали лишь белые плато в горах, наконец перерезали всю интеллигенцию страны, по несчастью, вся она оказалась принадлежащей к местной компартии, и зажили, как прежде, мирно занялись контрабандой и бандитизмом.

Оказалось, что русские как-то скрепляли мир. "Если русских больше нет, то, может быть, нужно их придумать?"

— спросила "Либерасьон" в апреле. Один из социалистических министров назвал Соединенные Штаты "зловещей империей". "Хорошо бы исчезли и Соединенные Штаты", — мечтала радикальная молодежь в Европе. В Брюсселе, Вене и Дюссельдорфе открылись общества защиты оставшихся русских. В народе распространились не подтвержденные печатью слухи, что "определенные круги" собираются начать колонизацию территории СССР и специальные вербовщики уже ищут по всем странам мира биологически чистых русских эмигрантов для вербовки их на трудные роли предполагающихся родоначальников возрожденной русской нации. Бывшим членам коммунистической партии СССР будто бы отдается предпочтение, а русских еврейского происхождения просят не беспокоиться.

Рассуждения по поводу того, куда и почему ушли русские, продолжают волновать мировую печать, но мнения по-прежнему склоняются к объяснению трагедии катаклизмом или происками Си-ай-эй. Единственно оригинальное мнение, появившееся за последнее время, было высказано неким Джи.Пи.Эм. в "Акт гратюи" — рекламном журнальчике, бесплатно распространяющемся в парижских бутиках и парикмахерских. Джи.Пи.Эм. грустно предположил: "А может быть, мы им смертельно надоели? Своей навязчивой придирчивостью, разглядыванием их нижнего белья под микроскопом, хвастливым рекламированием своего "свободного мира". Может быть, мы надоели им своими нотациями, как зазнавшийся брюзгливый старый учитель, погрязший в пороках, надоедает живым и неглупым детям? И вот, не желая совершать "правильных" поступков, они сбежали из душной классной комнаты?"

Zoulou (Париж). 1984.

II

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ. БЫЛИ ЛИ МЫ ХУЖЕ ДРУГИХ?

ЭПОХА МАРШАЛОВ, "КОНДУКАТОРОВ" И ГЕНЕРАЛИССИМУСОВ

Причиной для написания нижеследующей статьи послужила информация в газете "Известия" за 16 августа 1990 г. *"Чудо на Висле и его продолжение"*. Цитирую "Известия": "Впервые Польша официально отметила событие, получившее здесь символическое название "Чудо на Висле". 70 лет назад в результате контрнаступления под Варшавой польские войска принудили к отступлению части Красной Армии, форсировавшие реку севернее города...

Празднества начались... торжественной мессой, которую совершил... кардинал Ю. Глемп. Такие же службы, манифестации прошли по всей стране... Центр торжеств — в Радзимине, небольшом городке вблизи польской столицы. Именно здесь 15 августа 1920 г. были остановлены красногвардейцы..."; "парламент учредил орден для участников советско-польской войны... В столичном королевском замке прошла торжественная церемония награждения ветеранов Варшавской битвы и присуждения им очередных офицерских званий..."; "...появляются мемориальные доски, увековечивающие "Чудо на Висле", имена организаторов похода против Советской России". Далее "Известия" приводят высказывания польских лидеров по поводу "Чуда на Висле".

Глава польского правительства Т. Мазовецкий: "Польша задержала шествие войск большевистской России, мечтающей о революционизации всей Европы, и если бы не решимость поляков... история Европы могла бы пойти совершенно по иному пути".

Зам. министра национальной обороны, занимающийся вопросами воспитания (!) Б. Коморовский: "Сейчас мы имеем армию, которая лишена традиций 20-х годов. Нынешние традиции восходят к победе 1945 года, но еще вопрос, была ли это полная польская победа? Поэтому чрезвычайно важно обращаться к традициям межвоенного периода, к традициям победоносной войны 1920 года".

На страницах армейской "Жолнеж Речи Посполитой" Р. Шереметев считает, что "первейшим делом является возвращение армии настоящих, а не мифических традиций. Одним из первых шагов на этом пути должно быть перенесение даты Дня Войска Польского. Введенное после войны празднование его 12 октября — в годовщину битвы под Ленино — является, вообще-то говоря, недоразумением". Точку над

"i" ставит министр национальной обороны П. Колодзейчик. В комментарии, который "Жиче Варшавы" помещает на первой странице, он предлагает впредь отмечать 15 августа как День Войска Польского". (Конец цитирования.)

Я не присутствовал на празднованиях "Чуда на Висле", но мне не раз пришлось столкнуться с подобным же "новым" подходом к собственной истории восточноевропейцами, поляками в частности. Некритическое, опасное желание представить свою страну жертвой, к сожалению, популярно не только среди министров и кардиналов.

Уместно начать со скандала, происшедшего в Будапеште 20 июня 1989 г. Место действия — Конгресс-холл Венгерской академии наук. Присутствующие — участники интернациональной литературной конференции, организованной американской "Уитлэнд Фондэйшан" — около восьмидесяти писателей многих стран мира, журналисты. За столом президиума десяток писателей Центральной и Восточной Европы. Ведет профессор Корнельского университета Майкл Скаммел. Выступает Нобелевский лауреат писатель Чеслав Милош. Читает не спеша заранее заготовленный текст. Текст этот — в духе холодной войны, полон бессмысленных и неуместных нападок на СССР и его народ. Я сижу в зале. Во мне растет возмущение.

Вопреки регламенту и протестам ведущего, я включил свой микрофон и сказал то, что в номере от 22 июня "Нью-Йорк таймс" представила (упрощенно) следующим образом: "Мистер Милош был прерван неожиданным защитником роли Советского Союза в истории. Это был Эдвард Лимонов, автор, покинувший СССР в 1974 г. и после длительного пребывания в Нью-Йорке переместившийся в Париж. Мистер Лимонов с вызовом напомнил бывшему польскому дипломату, что Польша еще в 1934 г.подписала договор о ненападении с Германией, и, когда Германия отсекла часть Чехословакии в 1938 г., она помогла себе, присвоив часть территории чешской жертвы (индустриальный район Тешин. — *Э. Л.*). Мистер Милош ничего не ответил".

Ответил за Милоша присутствовавший там же Адам Михник. "К сожалению, сказанное мистером Лимоновым — правда. Эти позорные страницы польской истории существуют". (Выступление Михника не попало в "Нью-Йорк таймс".)

Это была присказка, читатель. А сказка — вот она. Одновременно с болезненным процессом признания Советской страной и народом преступлений сталинизма, вместе с крова-

вой и грязной водой — сталинизмом выплескивается и сама История. На наших глазах создан и охотно поддерживается Западом и странами Восточной Европы ревизионистский миф о "невинности" европейских стран, явившихся жертвами двух чудовищ: Гитлера и Сталина. Следует воспрепятствовать канонизации этого вредного и лживого мифа. Канонизация идет полным ходом. Например, в последнем издании популярного энциклопедического французского словаря "Петит Роберт" нет ни польско-немецкого договора, ни аннексии Тешина. Французский ревизионизм тихо вычистил самую грязную грязь из польской истории.

Россия — и ее наследник СССР — никогда не была невинным "мальчиком из хора", не отказывалась, брала, если могла, кусок чужой территории. Но за улыбающимися масками наций "невинных жертв" — наций Восточной и Центральной Европы — скрываются острые, крупные клыки, огромные аппетиты и совсем не невинное поведение. Заглянем в Европу между двумя войнами.

Когда распалась в 1917 г. Российская империя, Ленин, еще неопытный лидер и потому идеалист и интернационалист, предложил взять независимость всем желающим ее нациям. (Будем циничны, впрочем. Ему ничего другого в тот момент и не оставалось. Советская власть едва родилась и была слабой.) С разрешения Ленина или без него Финляндия, Польша, Украина, Латвия, Литва, Эстония провозгласили себя независимыми республиками. Увы, так же, как полстолетия спустя это произошло в Азии и Африке — свеженезависимые страны с поражающей быстротой превратились в тирании.

Маршал Пилсудский, хороший солдат и солдафон, член польской социалистической партии, убежденный националист (вам что-нибудь напоминает это сочетание?), подобно Сталину, обильно усатый, стал в 1918 г. главой польского государства. Западная граница Польши была определена Версальским договором 1919 г. и приблизительно соответствовала границе 1772 г., то есть времен первого раздела Польши, в то время как восточная граница... Восточную границу (лорд Курсон, он же Керзон в советской историографии, английский министр иностранных дел, предложил провести ее через Сувалки, Брест-Литовск и по реке Буг)... Пилсудский отодвинул, удачливо напав на слабую, раздираемую гражданской войной Россию. Как мы знаем, он занял и Минск и Киев, по пути опрокинув не свою, украинскую независимость. Рижский договор зафиксировал в 1921 г. границу где на 150, где на все 200

километров к востоку от Буга, оттяпав у СССР территорию. (Заметьте, что именно эту границу опрокинула в 1939 г. Красная Армия. Так что, войдя *в Польшу*, она одновременно вошла к себе домой, на территорию, захваченную у нее Пилсудским за 18 лет до этого.)

Пилсудский не ограничился ни подарками Версальского договора, ни захватами на Востоке. Организовав беспорядки в Верхней Силезии, он захватил ее (с Катовице) вместе с большим количеством немецкого населения. У Австрии он отобрал всю Галицию. Эти подвиги было нетрудно совершить, ибо Германская и Австро-Венгерская империи распались, подобно Русской, в результате войны. Германия была побеждена своей собственной революцией, Австро-Венгрия расчленена "победителями". Уйдя от власти в 1922 г., Пилсудский вернулся к ней в 1926 г. в результате военного переворота, провозгласив себя диктатором.

В этом же самом 1926 г. Вольдемарас, сосед Пилсудского, сильный человек Литвы, провозгласил себя догадайтесь кем?

Верно, диктатором Литвы. В 1934 г. Карлис Ульманис захватил власть в Латвии. Цепная реакция? Местная мода на диктатуру? Очевидно да, с вариациями. Командир финляндской национальной гвардии барон Карл Густав Маннергейм был "избран" регентом Финляндии в 1918 г. Что касается крошечной Эстонии, еще с XIII в. она была подчинена феодалам тевтонского происхождения — баронам. Мало что можно сказать о балтийских диктатурах, маленьких и скучных, потому проследуем сквозь историю за зверем среднего размера, за Польшей. Что делала Польша с 1926 по 1939 г.? Как мы уже знаем, в 1934 г. Польша Пилсудского заключила договор о ненападении с Германией Адольфа Гитлера (обратите внимание на дату. За пять лет до пакта Молотов — Риббентроп!). Усатый Пилсудский умер в 1935 г. Его "настоящая диктатура" (идиома принадлежит словарю "Петит Роберт") сменилась "коллективной диктатурой полковников". В 1938 г. мы видим Польшу в компании Венгрии и Румынии участвующей в пожирании (после Германии) трупа Чехословакии. (Так шакалы прибегают на труп антилопы, увидев, что лев наелся до отвала.) Перед тем как быть пожранной Германией, Польша, таким образом, сожрала кусок тела Чехословакии. Только столкнувшись с территориальными требованиями Германии вернуть ей захваченную Силезию, Польша оставила в 1939 г. компанию шакалов и сблизилась с Англией и Францией.

Тут следует остановиться и сказать читателю, что модель сильного режима, фашистского или полуфашистского, была в большой моде в Европе между двумя войнами. И в Восточной Европе в частности. До 1939 г., более того, уже до 1933 г. (даты прихода Гитлера к власти в Германии) многие страны этой части Европы уже находились под властью режимов откровенно фашистских, полуфашистских или же авторитарных, постепенно эволюционирующих к фашизму. Европа была населена диктаторами. Широкому читателю известно, что был Муссолини в Италии, Салазар в Португалии, Франко в Испании, расистский режим маршала Пэтэна во Франции, Гитлер в Германии, но также были, не забывайте, Пилсудский — маленький Сталин в Польше, Вольдемарас в Литве, Карлис Ульманис в Латвии, Корнелиус Кордеану (и позже маршал Антонеску) в Румынии, маршал Маннергейм в Финляндии, адмирал Хорти (тоже регент) в Венгрии, Анте Павелич в Хорватии, монсеньор Тисо в Словакии... В Болгарии фашистским лидером стал сам царь Борис III.

В декабре 1934 г. шестнадцать (!) европейских стран были представлены на интернациональном конгрессе фашистских партий, созванном Муссолини в Монтро. Дуче, глава первого фашистского государства (1922 г.), мечтал о фашистском интернационале и тотчас после своего прихода к власти стал перевооружать секретно Германию, Болгарию и страны, появившиеся на свет в результате распада Австро-Венгерской империи (неразумно и впопыхах выкроенные в живом мясе Европы Ллойд Джорджем и Клемансо). Дуче снабжал оружием Венгрию адмирала Хорти и Австрию (основным получателем была крайне правая организация "Хэймверен", но не только она). Не ограничиваясь экспортом оружия и фашизма, дуче инструктировал и на месте. С 1926 г. венгерские солдаты проходили военную подготовку непосредственно в Италии.

В Румынии в 1931 г. Корнелиус Кордеану создал Фашистскую Железную Гвардию.

Остановимся на мгновение. Если хорошо известно, что часть Румынии была аннексирована СССР в 1940 г., знаете ли вы, что Венгрия захватила тогда же, участвуя в пире больших зверей, часть Трансильвании, а Болгария захватила у Румынии Добруджу? Сегодняшние свежедемократические страны эти избегают говорить о своих преступлениях того смутного времени. Но с удовольствием разглагольствуют о преступлениях нацизма или сталинизма.

Понаблюдаем еще немного за этим вольером со скорпионами, каким была Европа в 1918—1945 гг. В 1939 г. создано

было словацкое фашистское государство, участвовавшее на стороне Гитлера в войне против Польши и через два года — против СССР. В 1940 г. Венгрия официально присоединилась к Тройственному пакту (германо-итало-японскому). Болгария, возглавляемая династией немецкого происхождения, воевала на стороне Германии уже в первой мировой войне. В 1919—1923 гг. видим в Болгарии диктатуру Стамболийского. В 1935 г. сам царь Борис III устанавливает свою диктатуру, как будто ему мало того, что он царь. В 1941 г. Болгария подписывает официальный пакт с Германией. Фашистское государство Хорватия создано в том же году. В 1940 г. маршал Антонеску становится диктатором ("кондукатором") Румынии. В 1941 г. Румыния — союзник Германии...

Даже позитивные персонажи той эпохи не избежали влияния фашизма. В 1934 г. австрийский канцлер Дольфус (убитый прогерманскими нацистами несколько месяцев спустя) провозгласил установление однопартийного режима "фашистской модели" (!) и, прибегнув к насилию, уничтожил социалистическую оппозицию в Вене. Югославский король Александр (убитый в 1934 г. усташами Анте Павелича) сегодня выглядит как жертва фашизма, но, однако, он отменил в 1929 г. конституцию своей страны и правил единолично.

А Чехословакия, любимое дитя Клемансо и Ллойд Джорджа, созданное ими, чтобы сделать приятное интеллигентному, европейски образованному писателю Томасу Масарику, слепленное из восьми наций искусственное государство? Она отдала себя Германии в 1938 и 1939 гг. (точно так же, как позднее, в 1948 и 1968 гг.) без единого выстрела. Несмотря на то что обладала в 1938 г. хорошо вооруженной современной армией, а вермахт еще не был победоносным вермахтом. Осуждать Чехословакию за это невозможно. За слепленное из кусков государство солдату не очень хочется отдавать жизнь. Три с половиной миллиона судетских немцев открыли Гитлеру ворота сами. Они приветствовали Гитлера точно так же, как 97% жителей Австрии.

Когда в июне 1941 г. 5,5-миллионная армия Гитлера вторглась на территорию СССР, в ее составе насчитывалось 900 тыс. солдат союзных стран. Впоследствии их количество увеличилось. Итальянцы дуче, испанская дивизия, французские и голландские части. Да, но Восточная "невинная" Европа была куда более широко представлена, чем Западная: румынские, венгерские, финские, словацкие дивизии. Чешские и австрийские немцы воевали в составе вермахта. И если польских

дивизий не было в составе "Великой Армии" Гитлера, это лишь случайность истории — последствие неумеренного аппетита усатого националиста и "социалиста" Пилсудского. Поляки ведь с удовольствием участвовали в походе Наполеона на Россию. Как и Гитлер, Наполеон пришел в Россию с солдатами всей Европы.

Я перечислил лишь некоторые факты европейской истории, каковые или тихо исчезают из словарей и книг, или игнорируются. Франция, страна, где я живу, стыдливо "пропускает" четыре года расистского пэтэновского режима, когда она была фактической союзницей Гитлера, задавив их непомерно раздутыми восемью месяцами подвигов де Голля. Зато здесь с удовольствием говорят о сталинизме...

Так что Чеслав Милош не одинок в своем, может быть и подсознательном, ревизионизме. Несколько лет назад нашумела на Западе статья Милана Кундеры "Угнанный Запад...", в которой чешский писатель, приписав восточноевропейским странам всевозможные западные доблести и таланты, объявил Россию вне цивилизации, другой, неевропейской цивилизацией. Подобные же высказывания можно обнаружить у поляка Брандиса. На западном же Западе ревизованная история стала господствующим и единственным историческим мифом. Зачем им это? — спросит читатель.

Цель этого ревизионизма — спрятать очень неприятную для Европы и ее репутации правду. А именно что *гитлеризм был лишь крайней тяжелой формой болезни*, что *ВСЯ ЕВРОПА — метрополия нашей цивилизации — была больна фашизмом в 1918—1945 гг.* И что только благодаря вмешательству отдаленных провинций цивилизации — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза плюс упорному сопротивлению близкой островной провинции — Великобритании — фашистская эпидемия в метрополии была подавлена.

Советский народ нашел в себе силы коллективно признать преступления своей истории. Ему полезно знать о том, что другие нации (за исключением вынужденно раскаявшейся побежденной Германии), увы, этих сил не нашли. И это опасное расхождение ментальностей, могущее в будущем стать причиной новых конфликтов.

И последнее замечание, читатель. Я ничего не имею против поляков. Они храбрые солдаты, нация талантливая и сильная. Дай им Бог коллективного здоровья. Но пусть они перестанут истолковывать историю в свою пользу. Признают свой второсортный фашизм 1918—1939 гг. И не гордятся своей несущест-

вующей невинностью вместе с другими восточноевропейскими якобы жертвами. Да, они жертвы Истории, но они же и ее агрессоры. (Так же как и Советский Союз.) Они жертвы не только Германии или СССР, как им удобно думать, но в очень большой степени жертвы своих собственных страстей и аппетитов. И, к сожалению, как это явствует из статьи "Чудо на Висле и его продолжение", страсти эти не улеглись и аппетиты не пропали. Очень жаль. Поляки должны знать, что на каждую церемонию 15 августа они рискуют вызвать у своих соседей, русских или германских, нехорошие эмоции 1939 г.

Известия. 1990 г. 15 сентября

ВЕК ВТОРЖЕНИЙ

В августе 1968 г. юношей слушал я ночами, переживая и содрогаясь, приникши ухом к радиоприемнику, информацию радио "Свобода" о вторжении в Чехословакию. По случаю вторжения "Свобода" перешла на 24-часовую трансляцию. Меня тогда почему-то не удивляло столь концентрированное внимание "Свободы" к Чехословакии и вторжению и почти полное игнорирование радиостанцией войны во Вьетнаме. Да если бы я и знал тогда, что "Свобода" — пропагандистская радиостанция Центрального Разведывательного Управления Соединенных Штатов, вряд ли это знание оторвало бы меня от приемника. Настолько сильным и неразборчиво всеобъемлющим было мое (и многих юношей моего поколения и моей социальной среды — контркультуры) отталкивание от Советской власти, что все институции Советской власти казались мне (нам) лживыми. Советская литература, советская государственность, советские газеты, советское радио.

В то время как я прижимал ухо к радиоприемнику, во Вьетнаме совершалась куда большая, чем в Праге, и уж несравнимо более кровавая несправедливость. 1968 г. был годом эскалации войны, в марте американские солдаты под командованием лейтенанта Келли уничтожили гражданских жителей деревни Мэй Лао (175—200 женщин, стариков, детей). Всего во вьетнамской войне (все цифры, приводимые мной в этой статье, взяты из английского издания "Мир после 1945 г." Т. Е. Ваднэй) погибли 58 000 американских солдат и 300 000 были ранены. Потери южновьетнамских войск оцениваются в 220 000, потери северовьетнамской стороны и вьетконговцев

— от 650 000 до 1 000 000 человек. Война унесла также 400 000 гражданских жизней, "но, в общем, правдоподобно, что все потери были куда более многочисленными, — пишет Ваднэй, — ибо большинство статистик неопределенны ... некоторые источники ставят потери всех видов на куда более высокий уровень". К цифрам потерь следует добавить также жертв бомбежек (по приказу Никсона) американской авиацией Камбоджи и Лаоса. О кошмарности вьетнамской войны можно судить по тому факту, что американцы сбросили на Северный Вьетнам в три раза больший тоннаж бомб, чем на всех театрах второй мировой войны, вместе взятых: в Европе, в Африке и на Тихом океане. Обо всем этом можно было прочесть в 1968 г. в советских газетах, о Мэй Лао писали, но я, советский недоросль, с негодованием прислушивался к звуку гусениц советских танков на пражских мостовых.

Происходило это в Харькове, в квартире моих родителей, я приехал к ним на пару недель отдохнуть после первых голодных осени и зимы в Москве. Помню, что из-за чешских событий поссорились мы в конце концов с отцом, и он кричал мне: "Это они тебе пудрят мозги Чехословакией, чтоб ты Вьетнама не замечал!" Однако молодость склонна не верить готовым, но не своим истинам и, увы, верит в них, только если убедится в них сама.

Бури времени выбросили меня на западный берег, и здесь я вынужден был познать на своей шкуре подлинную Новую Историю Мира. Пытаясь понять, почему их западный мир оказался вовсе не таким красивым, каким он виделся из Москвы, я заново учился Истории и политике. Если я не верил в свое время советским источникам, то вынужден был поверить западным. Сегодня, после 16 лет жизни на Западе, я понимаю, что столь прославленное "вторжение в Чехословакию" было лишь скромным (я даже рискну назвать его "гуманным") проявлением агрессивности в изобилующий куда более худшими проявлениями ВЕК ВТОРЖЕНИЙ. Среди послевоенных экспедиций обоих блоков, восточного и западного, в страны с неугодными им режимами "чехословацкие события" поражают своей бескровностью — едва ли и десяток случайных жертв наберется. Однако у советских ВТОРЖЕНИЙ незаслуженно диспропорционально громкая слава. Раздутая враждебными СССР разведывательными сервисами, распространившаяся по миру с помощью пропагандистских радиостанций и подхваченная не пропагандистскими, но конформистскими и нарциссическими, патриотическими медиями Запада. И в 1990 г.

популярная История (я бы назвал ее "Историей для бедных", "непрофессиональной Историей", Историей, приготовленной медией для тех, у кого нет времени и желания проконсультировать профессиональную информацию), она же СОВРЕМЕННЫЙ МИФ, лживо утверждает, что интервенции СССР в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.) являлись экстраординарными злодействами, потрясшими мир. Чрезвычайными, из ряда вон выходящими преступлениями. Некими сверхособыми нарушениями международных правил поведения. После обоих вторжений десятки тысяч коммунистов разных стран мира покинули компартии. Советские ВТОРЖЕНИЯ стали служить (для всех идеологических врагов коммунизма) одним из основных доводов монструозности коммунистических режимов. (Странным образом вьетнамские и другие кровавые приключения США сумели лишь ненадолго испортить репутацию США в мире. Однако даже самым суровым критикам американской политики не пришло в голову подвергнуть сомнению политическую систему Соединенных Штатов.) Это несправедливая оценка советских вторжений, и с нею не следует мириться.

Однако куда более ненормальным мне видится то, что советское общественное мнение (в особенности если судить по "Литературной газете", "Московским новостям" и журналу "Огонек") адаптировало для себя западную непрофессиональную, но приготовленную на кухне западных медий для оглупления собственных масс версию послевоенной Истории, антисоветскую по сути своей и, если вы хотите, антирусскую версию. Я слежу за этим с тревогой. Я утверждаю, что нет, Советская страна, и советский народ, и Советская Армия — мы не были виновны больше всех в 1945—1989 гг., так же как мы не были виновны больше других в 1918—1945 гг. Я хочу поделиться с советским читателем своим видением послевоенной Истории. Неистеричное, оно опирается на нейтральные, профессиональные источники. Если поглядеть на 1945—1989 гг. не с идеологической, но с чисто исторической точки зрения, то можно ясно увидеть, что ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПЕРЕЖИВАЛО ТОГДА ВЕК ВТОРЖЕНИЙ. Что решение конфликтов (как идеологических, так и национально-колониальных) при помощи прямой агрессии — посылки экспедиционного корпуса — было в этот период истории нормальным и единственным способом решения. И признавалось вполне нормальным ментальностью 1945—1989 гг. (Боюсь, что человечество так и не вышло из ВЕКА ВТОРЖЕНИЙ. Если отвлечься от демагогии по поводу плачевной судьбы кувейтских

эмиров, завсегдатаев парижских казино, янки цинично пришли в Саудовскую Аравию охранять свою нефть.) Насильственный способ решения конфликтов никак не был исключительным приоритетом советской идеологии. Более того, ИХ ГРЕХИ — западные экспедиции и лимитированные войны, как их ни взвешивай (глобально, оптом или для каждой страны в отдельности), затягивают. В человеческих жертвах и в разрушениях они в сотни раз больше, чем советские. Как я уже упомянул выше, при вторжении в Чехословакию погибли едва ли десяток человек. Самым кровавым вмешательством Советской Армии до Афганистана было подавление восстания в Венгрии осенью 1956 г. Тот же самый источник ("Мир после 1945 г.") удостоверяет, что "несколько тысяч человек были убиты и куда большее количество ранены". (К сожалению, источник не уточняет, входят ли в цифру потерь русские солдаты, или же речь идет исключительно о жертвах венгерских повстанцев.) До этого 17 июня 1953 г. Советская Армия подавила антиульбрихтовские волнения в Берлине ценою (цитирую тот же источник) "дюжин убитых или казненных и тысяч арестованных". Начавшись с возмущения строительных рабочих несправедливым повышением производственных норм (Вальтер Ульбрихт торопился в коммунизм), демонстрация переросла в политическую с требованием свободных выборов и вывода советских войск. Известно, однако, что еще до смерти Сталина СССР убеждал Ульбрихта провести в ГДР реформы. Сталин даже предложил в 1952 г. западным державам объединить Германию с условием, что она останется нейтральной. Запад отверг его предложение. Об этой инициативе СССР сегодня все забыли. Как и о множестве других мирных инициатив СССР.

Волнения 1956-го и 1970-го в Польше были подавлены польскими войсками. В войне в Корее Советская Армия непосредственно не участвовала. 27 декабря 1979 г. Советская Армия вошла в Афганистан, чтобы выйти оттуда через девять с лишним лет, потеряв убитыми 13 тыс. солдат. Цифр потерь афганистанской армии и муджахетдинов у меня нет под рукой, но, без сомнения, речь идет о многих десятках тысяч и, может быть, сотнях тысяч убитых.

Но, читатель! Например, послевоенная Франция (имеющая красивую репутацию страны культуры и интеллигентности) ПОСТОЯННО НАХОДИЛАСЬ В СОСТОЯНИИ ВОЙНЫ. С 1946 по 1954 г. Франция вела войну во Вьетнаме. Ко времени, когда в июле 1954 г. был подписан в Женеве мирный договор, французские войска потеряли 92 000 убитыми, 20 000

пропавшими без вести и 114 000 были ранены. (У меня нет цифр потерь вьетнамской стороны, но можно предположить, что, как всегда, потери технически менее развитой стороны были во много раз больше.) Не отвлекаясь от Индокитая, французские войска подавили в 1947—1948 гг. походя мальгашское национальное восстание (согласно французским источникам, от 70 000 до 90 000 жертв). Едва заключив перемирие в Женеве, Франция вцепилась зубами и когтями в Алжир. Справимся вновь с книгой "Мир после 1945 г.". Она сообщает нам, что "более чем 250 000 алжирцев были убиты в ходе борьбы" (с 1954 г. по 3 июля 1962 г.), однако другие источники, например известный французский адвокат Жак Вэржэс, говорят о миллионе убитых. Занятая кровопролитием в Алжире, Франция, однако, успела поучаствовать вместе с Израилем и Великобританией в короткой войне против Египта. (Причиной послужила национализация Суэцкого канала. Французские и английские парашютисты были сброшены в зону канала в тот же день, когда советские войска открыли огонь в Будапеште.) Возможно, ввиду своей крайней занятости повсюду в мире французские войска участвовали в корейской войне в составе войск ООН лишь одним батальоном. Можно было бы многое сказать о всегдашнем участии французских войск в войнах в Чаде, об их постоянном непосредственном участии в контролировании бывших французских колоний в Африке, но я ограничился лишь самыми крупными их вторжениями и войнами за удержание колоний. Ибо газетная статья не есть историческая диссертация.

Сторонники очень странной "демократии", США (американизм сейчас в большой моде у советских народных депутатов) до уже упомянутой каннибальской бойни во Вьетнаме вмешались в конфликт между Кореями. Неоспоримо, что 25 июня 1950 г. Северная Корея атаковала Южную, однако и на сегодняшний день утверждение, что это СССР толкнул Северную Корею на это нападение, остается бездоказательным. СССР вывел свои войска из Северной Кореи еще в декабре 1948 г. и не ввел их, когда (через сорок восемь часов после начала конфликта) 27 июня 1950 г. американские войска вмешались в войну двух Корей. (Более того, СССР даже не использовал свое право *вето* в ООН при принятии резолюции США, объявляющей Северную Корею агрессором и призывающей страны — члены ООН оказать помощь Южной Корее, включая посылку войск.) К моменту подписания мирного договора в 1953 г. 94 000 солдат войск ООН были убиты плюс сотни тысяч

ранены. Американские войска потеряли убитыми и пропавшими без вести 55 000 человек, и 113 000 были ранены. "Вероятно, что количество смертей среди гражданских жителей Южной Кореи достигает по меньшей мере МИЛЛИОНА (цитирую тот же источник), в то время как количество гражданских смертей в Корейской Демократической Республике должно быть значительно выше. Коммунисты, возможно, понесли ПОЛУТОРАМИЛЛИОННЫЕ военные потери". Следовало бы добавить к многомиллионным бойням в Корее и Вьетнаме еще многие "мелкие" кровавые авантюры США, скажем, высадку американской морской пехоты в Доминиканской Республике в 1965 г. (участвовали 25 000 "маринс"), интервенции в Гренаде, Ливане и Панаме... но остановимся, читатель. Оставим также за бортом статьи кровавые приключения английского экспедиционного корпуса в только что освободившейся от германской оккупации восставшей Греции в 1944 г. или роль "томмис" в Северной Ирландии или Фолклендской войне. Подведем баланс.

Баланс чудовищно не в пользу Запада. Если измерять агрессивность количеством жизней, потерянных чужими народами (и своими солдатами) в результате агрессивных инициатив государств, то Западу следует еще полвека молчать и не заикаться, когда заходит разговор, скажем, о правах человека. Ибо первое право человека есть его право оставаться в живых. Имея на совести столько загубленных жизней, следует заткнуться и краснеть в углу. На совести советской стороны куда меньшее количество чужих жизней, нежели на совести западных стран. Она повинна в куда меньшей степени душегубства, если хотите. К тому же СССР бичует себя сегодня и оправдывается. Запад же не оправдывается.

Целью настоящей статьи, однако, не является оправдание советской стороны, но восстановление исторической истины, исчезающей под слоем ревизионизма. Советский человек опасно верит сегодня, что Советская власть была исключительно преступна, я же утверждаю и, надеюсь, доказал, что в области международных отношений она была в 1945—1989 гг. куда менее преступна, чем Запад. Различные причины двигали Западом в его военных авантюрах. Соединенные Штаты, согласно сформулированной Джорджем Кеннаном доктрине "сдерживания" коммунизма, загубили миллионы жизней в Корее и Вьетнаме, французы убивали сотни тысяч или миллионы в Индокитае и Северной Африке, однако что нам до их причин и до их (всегда очень ловких) оправданий. Их причины разорения

и смерти, принесенных ими в удаленные от их собственных территорий страны, фантастичны и параноидны даже. Не менее параноидны и фантастичны, чем выдуманные Сталиным для уничтожения своих внутренних врагов, предательства, шпионских заговоров и измены.

Так как же в конце концов оказался СССР на роли интернационального злодея номер один? Может быть, советские вторжения увеличились в весе в глазах Запада потому, что произошли на территории Европы? Может, европоцентризм, переходящий в расизм, устроил так, что азиатские и европейские жизни кажутся самому Западу менее важными, чем европейские? Может быть, и так, однако поведение британцев в Греции или французов в Саарской области не было менее кровопролитным, чем поведение советских в Германии, Венгрии и Чехословакии. Было более кровопролитным... Только мощью западной пропаганды можно объяснить тот факт, что с только что приведенным каннибальским послужным списком Запад умудрился поставить все с ног на голову, представить СССР, а не себя чемпионом насилия и агрессивности. Советскому человеку нет оснований стесняться своей Истории. Послужной список СССР и советского народа не самый худший. В условиях навязанной СССР конфронтации наши отцы сумели еще остаться человечными. В Венгрии (в первый период восстания) и в Чехословакии были зарегистрированы случаи братания советских солдат с населением или, по меньшей мере, сочувствия ему. Американские войска прославились зверским убийством женщин и детей в Мэй Лао, и не только в Мэй Лао. *Хорошо возвратиться в семью человечества (из которой СССР не по собственному желанию ушел), но зачем же возвращаться в человечество на коленях и прося прощения.* Да и за что? Хватит унижаться перед Западом, советские люди! Пусть США, Франция и Англия просят прощения у человечества. Когда наглый иностранец в следующий раз будет укорять вас вашим "тоталитарным" прошлым и вашей Историей, швырните ему в лицо вышеприведенные факты и цифры.

Красная звезда. 1991. 23 февраля

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ...

Вечер 2 октября 1990 г. Через несколько часов воссоединятся две Германии. По французскому телевидению в прямой трансляции от Бранденбургских ворот комментаторы возно-

сят до небес политическую мудрость канцлера Коля и министра иностранных дел Геншера — якобы авторов "чуда воссоединения". Толпа у Бранденбургских ворот густеет. Я думаю о тех, кто отсутствует на празднике. О людях моей нации, о погибших в Берлине советских солдатах. В этот вечер их немецкого праздника я хочу помянуть вас — мои солдаты 1945 г.

Битва за Берлин была великой и кровавой битвой. Одной из самых великих битв человечества. Советский человек не верит своим источникам — вот вам западный. Клаус Шаффельс, немецкий журналист, в сборнике "Берлин" (издательство "Отрэман", 1983 г.) пишет: "На заре 16 апреля 1945 г. Красная Армия начала финальное наступление против последнего бастиона Германского Рейха, Берлина. Бункер фюрера был тем не менее защищен миллионом солдат. *Красная Армия* под командованием Жукова *овладела Берлином одна, абсолютно одна, без всякой помощи союзников,* в результате двухнедельных боев, и заплатила за эту победу тяжелой ценой: 100 000 убитых, 200 000 раненых — приблизительно треть всех вообще потерь американцев во время всей второй мировой войны... Не станем скрывать: как после всякой битвы, победители и грабили, и совершали жестокости. Разрушенный на 75% бомбами и пожарами город выглядел как наутро после Апокалипсиса. Но 100 000 тонн зерновых, 18 000 тонн мяса, 4500 тонн жира, 50 000 тонн картошки и 6000 тонн сахара, взятых со складов Красной Армии, кормили в течение последующих месяцев берлинское население..."

Неизвестно, стали бы кормить берлинское население янки. У американцев были для германского населения в тот год суровые планы. Постоянный корреспондент "Нью-Йорк таймс" в Париже Харолд Каллендер представил в хронике, датированной 11 мая 1945 г., американский подход к ситуации: "Очень немногое осталось от Берлина, города, где был подписан последний акт капитуляции Германии. И почему должно от него что-то остаться? Союзники, абсолютные метры Германии, могут подвергнуть Берлин судьбе Карфагена — как драматический знак конца прусского милитаризма, который, подобно губительной эпидемии, распространился из Берлина на всю Германию, приведя ее в настоящее состояние стыда и разрушения... Германцы поймут, что столица Фридриха Великого будет сметена с лица земли до такой степени, что от нее не останется ни руин, ни развалин... Найдется немного людей, дабы сожалеть об исчезновении этой непопулярной среди ев-

ропейских столиц "парвеню", каковой является Берлин. Без сомнения, нужно наказать индивидуальных военных преступников, но настоящее Зло находится не в индивидуумах, но ведет свое происхождение из германской Истории. Более чем какой-либо другой город, Берлин символизирует Зло. *И политика выжженной земли, примененная к Берлину, будет более чем простой акт справедливости.* Она станет началом воспитания Германии, необходимого для того, чтобы она сделалась цивилизованной нацией".

К счастью для Берлина, американские римляне находились тогда в сотнях километров от города, который они горели желанием разрушить, как Карфаген. Только 4 июля 1945 г. американские и британские войска заняли позиции в секторах Берлина, отведенных им Сталиным. Французские войска заняли свой сектор 12 августа. Берлин, таким образом, был поставлен под КОЛЛЕКТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ четырех держав.

...На телеэкране сделавшаяся цивилизованной Германия устанавливает эстрады вокруг Бранденбургских ворот. "Сотни тысяч бутылок шампанского будут выпиты этой ночью..." — говорит французский диктор. Как вам в ваших могилах, солдаты, сто тысяч погибших в Берлине? Неспокойно вам будет этой ночью воссоединения...

К 1947 г. отношение Америки и к Берлину, и к Германии изменилось. Ибо с 1947 г. президент Трумэн начал применять практически свою стратегию "сдерживания" советского влияния в мире, и Германии предназначалась в этой стратегии важнейшая роль форпоста Запада в Европе. Америка поможет Германии подняться из руин (план Маршалла), а Германия за это поможет Америке "сдерживать" коммунизм в Европе. В июне 1948 г. западные державы поставили своего союзника перед свершившимся фактом, враждебным по отношению к СССР и враждебным духу международных договоров в Ялте и Потсдаме: они провели монетарную реформу в трех зонах оккупации, ими контролируемых, продемонстрировав таким образом их волю к интегрированию западной части Германии в экономическую систему Запада.

Советская сторона, преданная союзниками, установила блокаду автомобильных и железных дорог, связывающих Берлин с западными зонами оккупации. В знак протеста СССР также вышел из Союзнической Контрольной Комиссии. Американцы, французы и британцы ответили образованием воздушного моста, каковой более года питал "западный остров" Берлин. Это столкновение явилось важнейшим поворотным

пунктом в истории послевоенного Берлина и Германии: с этого времени разделение города на две зоны — "советскую" и "западную" — стало фактом. С тех пор и для многих немцев, и для всего западного мира войска западных держав в Германии и Берлине уже более не оккупационные силы, но протекционные силы, защищающие немцев и западный мир вообще от СССР.

Можно задаться вопросом: а если бы СССР никак не среагировал на монетарную реформу-провокацию, что произошло бы? "Холодная война" все равно последовала бы, ибо она сложилась уже до этого теоретически в сознании правящих кругов США. Зная, что СССР обессилел в войне с Германией настолько, что неспособен будет на новую большую войну в следующие 15 лет (к такому выводу пришел секретный рапорт конца 1945 г. Сводного Разведывательного Комитета Соединенных Штатов, опубликован в зимнем номере 1982/83 г. журнала "Интернэшил секьюрити"), Трумэн и его люди опасались соблазняющего влияния коммунизма на свои народы, а не военной мощи СССР. Напомним, что тотчас после войны коммунизм стал пользоваться большой популярностью в мире.

С момента монетарной реформы 1948 г. до 1958 г. события на германском фронте "холодной войны" развиваются по одной и той же схеме: Запад провоцирует первым, и СССР отвечает на провокацию какой-либо мерой. Проследим, читатель, не ленимся, развитие событий в 1948—1958 гг., ибо сегодня (...на моем телеэкране упитанные германцы покупают у уличных продавцов свое шампанское и газированное вино, полночь воссоединения приближается) целая глава Истории будет через полчаса закрыта. Насущно необходимо успеть разрушить спешно застывающую в ложную форму Историю, пока она не окаменела навеки. Итак:

Западная провокация (назовем ее для пущей объективности инициативой): 23 мая 1949 г. Создание Федеративной Республики Германии.

Советский ответ: образование Германской Демократической Республики — 7 октября 1949 г.

Западная провокация: 4 апреля 1949 г. Провозглашение создания Североатлантической организации (НАТО) в Вашингтоне.

Западная инициатива: 15 декабря 1949 г. Западный Берлин включен в план Маршалла.

Западная инициатива: 4 января 1952 г. Западный Берлин интегрирован в юридическую и экономическую систему Федеративной Республики Германии.

Советский ответ: 27 марта 1952 г. телефонные коммуникации между Восточным и Западным Берлином разорваны по инициативе ГДР.

Западная инициатива (И ОГРОМНАЯ, добавим, ПРОВОКАЦИЯ): 9 мая 1955 г. Федеративная Республика Германии присоединилась к НАТО.

Советский ответ: 14 мая 1955 г. Создание Варшавского пакта. (Через шесть лет после создания НАТО!)

Советский ответ: 27 января 1956 г. ГДР присоединяется к Варшавскому пакту.

"А Сталин?!" — воскликнет читатель. "А Хрущев?!" Всемирно известный "злодей" Сталин, как видим, сталкиваясь с западными провокациями, проявил осторожность, граничащую с робостью. Вел ответственную политику. Если бы Сталин был в действительности тем опереточным злодеем, каким его изображают в популярных романах, опубликованных в СССР после 1985 г., он, разумеется, бросил бы СССР в войну. Хрущев вначале тоже (занятый внутренними проблемами) лишь вяло реагировал на мускулистую, заранее заданную и обдуманную политику Запада. Оклемавшись у власти, он наконец обращает внимание на Берлин. Инициатива на германском фронте (ненадолго) перемещается в советский лагерь.

Ультиматум Хрущева: 27 ноября 1958 г. Советский Союз требует, чтобы оккупационные войска трех западных держав покинули Берлин.

Ответ Запада. Ультиматум Кеннеди: 16 июля 1961 г. Кеннеди провозгласил "три фундаментальных условия", определяющих поведение западных держав по вопросу о Берлине. 1. Право Запада присутствовать в Берлине. ("Никакого, — сказали бы сто тысяч наших погибших солдат. — Вы не пролили в Берлине ни капли крови. Почему вы должны быть здесь?" — *Э. Л.*) 2. Право свободного доступа в Берлин. 3. Право западных берлинцев решить их собственную судьбу. (Демагогия. Они потеряли это право, капитулировав. Вся Германия не имела этого права с 1945 г. по 1989-й. Почему Западный Берлин должен был быть исключением? — *Э. Л.*)

Советско-гэдээровский ответ на ультиматум Кеннеди: 13 августа 1961 г. Строительство Берлинской стены.

Ну и что ты думаешь, читатель? Кто более ответствен за строительство Берлинской стены? Советская сторона или западная? Я лично считаю, что западная. А Хрущев, как видим, оказался решительнее Сталина...

В 1963 г. "холодная война" отступает. Хрущев и Кеннеди освящают знаменитый "красный телефон" и вскоре договариваются о прекращении ядерных испытаний. Кеннеди отстраняют от власти, убив его в Далласе, Хрущева демократически "уходят" в отставку в следующем году. В следующие четверть века ничего сверхневероятного на германском фронте не происходит. Западные и советские военные глядят друг на друга с привычным недоверием через "Чек поинт Чарли". Читатель отлично знает, что произошло далее...

...Полночь. Черно-красно-золотое знамя Объединенной Германии тяжело ползет вверх на экране моего телевизора. Звонят колокола церквей. Необозримая толпа подхватывает, следуя хору, поместившемуся на террасе рейхстага, Национальный Гимн, музыка Гайдна, слова Хоффмана фон Фаллеслебена. Рыжие германцы пьют за свое объединение газированные вина и настоящее шампанское, по-братски передавая бутылки в толпе. Мне у моего экрана, признаюсь, совсем невесело. Потому что Германия воссоединилась с советского согласия, но на западных условиях и будет входить в НАТО. Внуку и племяннику погибших советских солдат, мне нехорошо от этого. ("Злодей" Сталин, кстати говоря, предлагал Западу объединить Германию на условии, что она останется нейтральной, еще в 1952 г. Западные державы отказались.) Употреблю американское выражение: "ПАХНЕТ КРЫСОЙ" для меня их воссоединение. Комментаторы французского телевидения не вспомнили ни словом моих погибших солдат. Лично Горбачева скупо поблагодарил Лотар де Мизьер за то, что он "отказался от поддержки коммунистического режима силой оружия". А битвы за Берлин, получается, как и не было. И ста тысяч погибших не было.

Потому я наливаю себе стакан красного французского вина и пью за вас, моих солдат, за тебя, дед Федор, за тебя, дядя мой Юрий, за всех погибших НАШИХ. И за вернувшихся с войны живыми тоже пью.

На следующий день, объявленный в Германии днем национального праздника, открыв "Ле Монд" на странице пять, я узнал, что в Германии уже есть люди, "мечтающие о "территории Кенигсберг", где будут собраны вместе все советские немцы, рассеянные в настоящее время по необъятному СССР". Как видите, недаром мне "пахнет крысой" их воссоединение. Их мечты по мере удовлетворения первых аппетитов становятся все более гурманными.

1991 г.

ПРЕСТУПНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Преступные идеи существуют. Национализм относится к их числу. Национализм — идея (идеология, явление) вовсе не древняя, не пещерная, как принято считать. Это буржуазная идея, неотъемлемая от класса буржуазии. Само собой напрашивается историческое отступление.

Лексикологические исследования, проведенные на родине слова nation, во Франции, показали, что слово это не появляется в его современном смысле ранее второй половины 18 в. До этого нация неразличимо смешана с монархией, а монархия — это прежде всего персона монарха. Населяли монархии не граждане, но подданные "сюжеты" монарха. Дореволюционный (до 1789 г.) традиционный мир игнорировал "родины" и "нации" (взятые в смысле политических мифов и коллективистских идей) — он знал лишь "национальности", этнические ветви и расы как натуральные единицы, лишенные специальной политической ценности. Вот что писал по этому поводу идеолог и духовный отец европейских новых правых философ Джулиус Эвола (1898—1974 гг.): "Этот принцип политического суверенитета (в данном случае — французского абсолютизма. — *Э. Л.*) представлял собой первичный элемент, нация же — элемент вторичный, из первого следующий. Единство языка (французский язык, как известно, образовался из двух языков: "д'ой" и "д'ок", каковые сами являлись суммами языков. — *Э. Л.*), территории, "естественные" границы, относительное этническое единообразие — все это не существовало вначале и было результатом процесса формирования, каковой продолжался в течение веков, спровоцированный политическим центром и через роялистские и федеральные отношения с ним".

Таким образом, идеология национализма, которая почитает "родину" и "нацию" верховными ценностями, почти мистическими, почти наделенными своей собственной жизнью и имеющими абсолютные права на индивидуума, лжет. "Родина" и "нация" есть всего лишь результаты творческой деятельности предыдущих идеологий (в случае Франции — французского абсолютизма).

И "патриотические чувства" и "национальные чувства" связаны с мифологией буржуазной эпохи. Слово "патриот" было неизвестно до Французской революции. Оно появилось в первый раз в 1789—1793 гг. для обозначения тех, кто защищал революцию от монархии и аристократии. Точно так же в европейских революционных движениях (буржуазных)

1848—1849 гг. понятия "народ", "нация" и "патриотизм", с одной стороны, и "революция", "либерализм", "конституция" (то есть тенденции антимонархистские и республиканские) — с другой, были связаны, и часто неразрывно. Потому в этом климате буржуазной революции понятия "родина" и "нация" приняли политический смысл и ценность мифа, каковой выяснился позднее в деталях в открыто националистических идеологиях 20 в. (включая идеологию германского национал-социализма и итальянского фашизма).

Окрасившись политически от вываривания в одном тазу с "революцией", "антимонархизмом" и "республикой", национализм в его чистом экстремистском виде есть на самом деле идеология без идеологии, без политики. Принадлежность (всегда приблизительная, замечу, с натяжкой) к одной крови или к одной этнической группе не есть факт политический. Потому так расплывчаты и обыкновенно аполитичны определения нации и национализма. Морис Баррес, французский писатель-националист начала века, предложил свое, следующее: "Нация — это обладание старинным кладбищем и сила воли сохранить это бесценное наследство нетронутым". Поэтично, конечно, но и только. Бесспорно, что в национализме важнейшую роль играют сентименты, эмоции, исторические в их числе, но более всего сентимент принадлежности к одной группе. Потому следует искать объяснение феномена национализма не в политике, но в психологии группы. Вот что пишет по этому поводу фрейдист Эжен Энрикес: "...опыт доказывает, что группа существует только в том случае, если она может отличать себя от чужого (чужих), который есть прежде всего и всегда враг: враг внешний, с которым группа ведет войны, враг внутренний, тут мы сталкиваемся с феноменом козлов отпущения, открытая гражданская война или назревающая гражданская война (классовая борьба, наблюдение над "внутренним врагом")... Это ИМЕННО ВРАГИ ПОЗВОЛЯЮТ ГРУППЕ СУЩЕСТВОВАТЬ". Эту важнейшую истину прекрасно понимал крупнейший националист всех времен и народов Адольф Гитлер. Герман Раушнинг свидетельствует, что на вопрос: "Должна ли еврейская раса быть полностью уничтожена?", Гитлер ответил: "Нет... напротив, если бы еврей не существовал, нам следовало бы его выдумать. Нам необходим враг видимый, а не только невидимый враг". Ибо идеология национализма есть ПСИХОЛОГИЯ ГРУППЫ, созданной на основе жесткого отбора по принципу крови и наследственности. Это буржуазия превратила групповые инстинкты в идеологию.

При быстром разложении сверхнациональных идеологий вынужденно образуется идеологический вакуум. И так как населению, чтобы жить вместе и не развалиться на тысячи бандитских укрепленных городов и деревень, насущно необходимо обосновывать и скреплять совместное существование цементом идеологий, этот вакуум немедленно повсюду заполняется простейшей (неидеологической) формой идеологии — национализмами. Для возникновения национализма, таким образом, необходимы два элемента: идеологический вакуум и наличие буржуазии. Но особой буржуазии: незрелого, юного, плохо развитого, ограниченного, но энергичного класса. Воинственного, мстительного класса, бывшего при прежнем режиме политически угнетенным. Именно такие национальные буржуазии существовали в странах Восточной Европы к моменту распада монархической идеологии сразу в нескольких империях: Австро-Венгерской, Российской, Оттоманской. Именно такому классу мы обязаны появлением в Европе 20-х и 30-х годов агрессивно-национальных, фашистских и полуфашистских режимов. (См. мою статью "Больна была вся Европа" в "Известиях" от 14 сентября 1990 г.) Подобный мстительный, незрелый и энергичный класс существовал в СССР к 1985 г. Напомню много раз высказанное мной, но необходимое в тексте. В СССР не существует классической буржуазии (еще): финансовой, индустриальной и земельной, но благодаря общедоступному высшему образованию создался за годы Советской власти многомиллионный класс буржуазии знания. Его капиталом служат не фабрики, финансы и земли, но знания. (Подробно о советской буржуазии знания я писал в "Курантах" за 25 октября 1990 г. и в "Советской России" за 5 мая 1991 г.) Мощный, злой, накопивший множество не использованных сил за годы вынужденного политического безделья, он кипел, набирал температуру и был готов к извержению, как вулкан.

Их час пришел. Оказавшись в благоприятном климате перестройки, советская многонациональная буржуазия изверглась и конвульсирует в затянувшейся на несколько лет революции. Эта революция закономерно приняла на окраинах огромной страны и в центре ее различные формы. Центральная (назвать ее русской было бы ошибочно) буржуазия тяготеет к модели революции либерально-демократической. (Причины для этого: и национальная сборность ее, и большее в сравнении с окраинными буржуазиями развитие. То есть она тяготеет к более "прогрессивной" модели общества.) Окраинные буржуазии, темпераментные, нетерпеливые и нетерпимые, некоторое

время покричав о демократии, скатились к национальным революциям. В Москве еще грузно и тяжело отмирала коммунистическая система, а буржуазии Прибалтики и Кавказа уже мчались, буйные, от эскалации к эскалации по пути национальных революций. Едва попробовав идеологию "демократии", они тотчас отказались от нее, сохранив ее лишь в пропагандистском словаре как модное камуфляжное слово. Дело в том, что буржуазии республик практически поняли, что демократия возможна только в сытых странах, что экономика только там может заменить политику, где она могущественная экономика и может, накормив народ досыта, погрузить его "в жаркий сон после обеда" (В. Шекспир). Дабы благодарные за послеобеденные сны массы выбрали в первый раз и выбирали бы впоследствии вечно "кормильцев", давателей сытых благ — буржуазию в свои лидеры, — Тер-Петросянов, Гамсахурдиа, Ландсбергисов и сотни и тысячи других на меньшие посты. У "советских" национальных буржуазий не оказалось ни умения, ни возможностей создать такие экономики, то есть накормить до отвала массы. А им, дабы вырвать власть из рук ослабевшего класса партократов, нужна была мгновенно действующая идеология. Единственная мгновенная идеология (как "инстант-кофе") — это национализм. Ее строить не нужно, ее достаточно "включить", возбудить в массах. Сломя голову взявшись "освобождать" и присоединять Нагорный Карабах, армянская радикальная буржуазия поступила не так уж эмоционально, как принято считать, но традиционно расчетливо: создала внешнего врага и мобилизовала армянскую нацию на общее дело. В результате этой нехитрой манипуляции власть была вручена возбудившимся (при виде трупов "наших" погибших от "их" пуль) народом буржуазии, выгодно патриотичной на фоне традиционно интернациональных компартократов. Реакция на трупы принадлежит к области психопатологии. Политики тут ноль целых ноль десятых. Прибалтийские буржуазии (прибалты, как известно, кичатся своей "западностью" и выдают ее за синоним "прогрессивности", "цивилизованности" и даже "интеллектуальности") также, по сути дела, отказались от демократической идеологии и мобилизовали нации тем же легким путем, вызвав в них ненависть к "поработителям"-русским. Ведь строить демократию (пусть и несправедливую, но сытую) — это гигантский труд. Возбудить в своей нации ненависть к чужим — невеликий труд. Одной любовью к траченным молью национальным костюмам и захиревшему языку (не по вине русских, но в результате

общемирового процесса универсализации культуры) не вызвать общенационального сплочения. Нужны более сильные эмоции. А их вызывают трупы. Нужны трупы. Закономерно, что все "республики" неуклонно следуют шаблону ультранационального мышления, сформулированного отрицательно гениальным Адольфом Гитлером в книге "Моя борьба": "Широкие народные массы состоят не из профессоров и не из дипломатов. Небольшое абстрактное знание, которым они обладают, направляет их сентименты скорее в мир чувствования... во все времена *движущая сила наиболее важных изменений в этом мире может быть найдена* меньше в научном знании, вдохновляющем массы, но скорее *в фанатизме*, доминирующем их, *и в истерии*, которая бросает их вперед". Истерию в гигантских дозах можно было наблюдать в последние годы на прибалтийских и кавказских похоронах.

Итак, "нам необходим враг видимый". Первое, что сделала "новая" "освободившаяся" Грузия, включилась в войну с Южной Осетией и в военные потасовки с Абхазией и Аджарией. Возродившийся чеченский народ претендует на осетинскую территорию. Появились и внешние враги: у Гамсахурдиа оспаривает власть заявляющая себя более "демократической", чем он, группировка. То есть произошел раскол внутри самой грузинской буржуазии. Грузины убивают грузин. Те же процессы с незначительными вариациями можно наблюдать в Молдавии. Набухает национальной ненавистью самая опасная из республиканских буржуазий — украинская. Она, так же как и буржуазии кавказские и прибалтийские, не способна заменить политику экономикой и потому идет неизбежно по тому же пути: экзальтируются опасные традиции (вызываются тени господ Винниченко, Петлюры, Бандеры, "украинской освободительной армии", закрываются русские школы и пр.). По завету Адольфа Гитлера будет рано или поздно открыто атакован физически хорошо "видимый враг", живущий рядом "москаль", — враг одновременно внешний и внутренний. Так как на Украине проживает, если не ошибаюсь, девять миллионов русских и, наверное, столько же полукровок, то украинская независимость обещает быть куда более кровавой, чем хорватская...

Кстати говоря, в хорватской национальной армии есть подразделения, открыто заявляющие о своей принадлежности к классической "национал-социалистической" идеологии. Есть и иностранные добровольцы, мускулистые молодые люди с военными стрижками, хвастливо повествующие о своей при-

надлежности к европейским крайне правым партиям. Есть (об этом недавно поведала "Ле Монд") среди них и французы. Президент Хорватии Фране Тучман — историк и наверняка читал "Майн Кампф", читали ли президенты бывших советских "республик", не знаю, однако это и не важно. Там, где нация, кровь, язык и государство сливаются в одно, неизбежно рождается Монстр, опасный для окружающих народов и для народа, который его породил. Можно создать такого Монстра сознательно, возможно зачать его в известном смысле "случайно". В свое время в Германии Адольф Гитлер создал яростного Монстра намеренно и на научной основе. Своим гипертрофированным ультранационализмом Германия дала в 1933—1945 гг. пример, до какого крайне преступного предела может дойти национальный режим. Разумеется, национализмы в "республиках" с несколькими миллионами населения не могут быть так опасны, как национализмы больших народов. Украинский национализм, по всей вероятности, разбудит, разозлив его, мощный русский национализм, "включит" его.

Возникает вопрос, а что же реально дает бывшим советским народам адаптация национализмов? Ведь объективно речь не идет об освобождении от колонизации другим народом. Ведь до национального вождя Гамсахурдиа первыми вождями Грузии были не Ивановы, но Шеварднадзе. Что? Дает эмоции. Чувства испытываются в хороводах людьми в национальных костюмах на литовских и армянских площадях. Совместная истерия вокруг гробов. Совместные чувства на манифестациях. Множество эмоций в тысячах газетных статей, в лозунгах, в решениях парламентов.

А помимо эмоций? На сегодняшний день у "освободившихся" наций не прибавилось ни национальной культуры, ни национального благосостояния. Напротив, драматически уменьшилось и ухудшилось в качестве и то и другое. Экономики кавказских "республик" разорены перестройкой и независимостью. Экономики прибалтийских в чуть лучшем состоянии. Однако растет страшный показатель негативных достижений национализмов, а именно: количество трупов и беженцев.

Может быть, народы, попавшие под власть националистических режимов, ожидает светлое экономическое будущее, экстраординарный расцвет? Нет. Все прогнозы и иностранных и национальных специалистов ничего хорошего не обещают. Шапкозакидательская эйфория, когда грозились перейти к капитализму в 500 дней, сменилась пессимистическими предсказаниями дистанции в 30—40 лет. Экономисты-мечтатели грезят о возвращении к уровню благосостояния 1985 г.

Однако есть в каждой республике группа населения, бесспорно профитировавшая от национализма. Это буржуазный класс, его наиболее энергичная часть. Подавленные при Советской власти национальные буржуазии, свергнув бюрократов-профессионалов, захватили политическую власть. Их существование кардинальным образом изменилось. Сонное прозябание сменилось активной жизнью. Политическими деятелями внезапно сделались бывшие профессора, музыканты, плейбои, шахматисты, кинематографисты, журналисты, писатели. (Непрофессионалы всегда опасны... Но это к слову.) Застольные тамады, торговцы апельсинами, артисты филармоний и парикмахеры сделались национальными гвардейцами и разгуливают в хаки-формах. К ним можно прибавить национальные интеллигенции в полном составе, получившие возможность участвовать в обсуждении национальной жизни в прессе, на радио и телевидении. Жизнь этих людей возбудительна. Они "гуляют" в полном смысле этого слова. Сколько таких людей, чрезвычайно удовлетворенных национализмами в каждой "республике"? Очевидно, десяток тысяч. Основное же население — невольные участники, втянутые в водоворот чужих страстей.

Французский журналист, побывавший в Тбилиси в здании грузинского парламента, рассказывал о чрезмерной вооруженности окружавших его лиц. "Все это было похоже на голливудские съемки фильма о мексиканских бандитах". Трудно сказать, что думает по поводу происходящего большинство грузинского народа и думает ли, есть ли просветы в коллективном припадке истерии? Не появилась ли еще ностальгия по спокойным временам, когда коррумпированные чиновники тихо себе разъезжали в персональных ЗИЛах? Я лично допускаю, что мексиканский вариант пиратской демократической республики может нравиться части кавказской молодежи. Вспомним Константина Леонтьева: "О степени блаженства отдельных лиц можно только догадываться... войны и революции ничего не доказывают. Многие веселятся бунтом". В Ливане вон веселились же бунтом, воевали лихие тридцать семь различных милиций, каждая за свое справедливое дело, целых шестнадцать лет. И молодежь, называя себя "Рокки" и "Рэмбо", умирала бездарно и благородно за крошечные племенные коллективы "национал-христианской маронитской партии 4-й секции Бейрута" или "социалистической партии друзов секции Рамаллах".

Сегодня национальные буржуазии бывших советских "республик" "гуляют". Как преступные подростки, вырвавшиеся наконец из-под сурового надзора семьи. Трупов будет все больше, все больше вдов и сирот, коллективная эйфорическая истерия неминуемо перейдет в коллективный упадок сил. Увы, до этого еще далеко. История учит нас, что да, ведомые преступными идеологиями народы могут быть преступными (германский, японский) и даже долгое время... Может ли существовать мирный, непреступный национализм? Категорически нет. Ибо с исчезновением "врага" национализм теряет смысл, умирает. Недаром специалисты часто называют национализм "временной" идеологией. В самом деле, найдите на карте мира страны (помимо ядовитых режимов, выросших на развалинах Восточной Европы, СССР и Югославии), где бы восторжествовали и правили националистические идеологии? Я знаю только одну такую страну: Израиль. Однако ультранационалистическая идеология сионизма держится в этой стране более сорока лет только благодаря ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ историческим причинам. Напомню, что самые мощные государства современного мира: Соединенные Штаты Америки, Китай, Великобритания, Франция — есть государства многонациональные, многоплеменные, в которых национальности объединены по принципу политического суверенитета и подчиняются ему.

Истерия, возбуждаемая националистическими лидерами, размахивающими руками у микрофонов, кричащими с балконов и со ступеней парламентов бывших советских "республик", продолжается. Истерия у открытых гробов продолжается. Хороводы ряженых в национальных костюмах были бы трогательны, если бы не были так опасны. Говорить этим дядям "остановитесь, не будьте расистами", "не возбуждайте народ против народа — это преступление" — бесполезно. Не подействует. Эти дяди наслаждаются тем, что происходит. Об этом они мечтали долгие годы в профессорских кабинетах, на кухнях и в тюремных камерах. Они не уйдут с балконов и из парламентов сами, по доброй воле. Эти дяди понимают только силу. Такой силы сегодня нет. Захватившие власть в центре "демократы" смотрят на преступные буржуазии окраин снисходительно, как либеральный отец на преступных подростков, надеясь, что они успокоятся. Напрасная надежда. Мотивы их поведения — идеология безнадежно преступна. Необходимо создать мощное межнациональное движение, способное из-

гнать преступную идеологию и ее носителей. Возродить советский народ. Ведь три четверти населения СССР высказались за совместное жительство. Следует выполнить народную волю. Надо забыть о компартии, перестать мстить ей. Она умерла давно, беззубая, сама, задолго до 24 августа 1991 г. Довольно пинать мертвое тело. Очнитесь. Гигантские Монстры рычат на ваших границах — НАЦИОНАЛИЗМЫ.

Советская Россия. 1991. 2 ноября

III

СССР: ПЕРИОД МАЛОДУШИЯ

МАЗОХИЗМ — ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР ВРЕМЕН ПЕРЕСТРОЙКИ

Быть русским в 1990 г. — очень невротическое занятие.

Однако же я был спокоен на протяжении первых десяти лет моей жизни за границей (я отказываюсь называть ее "изгнанием", потому что она таковой не является). Экспериментируя с сексом и наркотиками, "исследуя" помимо моей воли дно американского общества, я чувствовал себя несчастным, но спокойным. Позднее, живя во Франции, уже на следующей социальной ступени, как "борющийся за признание писатель", я тоже оставался спокойным. Даже еще в первые годы мои за границей я понимал, что моим внутренним спокойствием я обязан тому факту, что страна, где я родился, предохраняет меня ментально своей имперской могучей тенью. Мои личные достижения были не видны миру до самого 1980 г. (год публикации моего первого романа по-французски), однако я жил, полагаясь в моем самоуважении на достижения Советского Союза. С 1974 по 1985 г. мой тыл был прикрыт. "О'кей, — думал я, — может быть, мне суждено умереть от наркотиков или алкоголя, может быть, никогда мои рукописи не будут опубликованы, но там, на Востоке моего сознания, всегда будет жить жесткий и суровый, мой народ, ненавидимый и уважаемый во всем мире. Мой народ безумных Героев. В то время как Запад нежится в растительной слабости, ревнуя Историю к моей упрямой, сумасшедшей нации, продолжающей против всех и вся провозглашать идеалистические ценности эгалитарного общества".

Часто в эти десять лет, я помню, я напевал старую песню донских казаков:

Пей и надейся,
Что Русь безопасна,
Русского войска сила крепка!

Я чувствовал, что мир — спокойное место с моей страной в нем. Я верил, что в случае опасности старые крепкие полковники Советской Армии наденут свои сапоги и шапки, влезут в танки и исправят, если несправедливость совершена. Каменнолицые офицеры КГБ, сверхмужики, смогут противостоять амбициям вульгарных янки на полное владение нашей планетой. Если я имел множество возражений по поводу советской внутренней политики (я всегда считал, что режим чрезмерно и ненужно жесток со своими собственными гражданами), у ме-

ня никогда не возникало возражений против советской внешней политики.

На протяжении моей жизни в Соединенных Штатах и позднее во Франции я имел возможность видеть грязное белье демократий. Сравнивая западное грязное белье с советскими тюками с бельем, я пришел к выводу, что разница в грязности невелика. Грубые и напористые Соединенные Штаты, всегда уверенные в своей правоте, ведущие себя как Верховный Судья всего остального человечества, виделись мне более агрессивными, чем Советский Союз. Я открыл, что милая, обаятельная Франция убила немало людей на Мадагаскаре, во Вьетнаме, Алжире и... даже на парижских улицах. (От 200 до 400 алжирцев-демонстрантов было убито французской полицией и правыми эскадронами в октябре 1961 г. Большинство тел были сброшены в Сену.)

В 1985 г. Горбачев пришел к власти. Я продолжал петь мою казачью песню и даже пел ее с большим энтузиазмом, потому что молодой лидер, я думал, модернизирует мою родную страну. И знает Бог, Советский Союз чрезвычайно нуждается в модернизации. Я надеялся, что Горбачев реформирует Союз Советских, что он поднимет дух населения. Я надеялся, что новый лидер уничтожит цензурные ограничения, даст больше свободы советской печати. (Может быть, даже мои книги будут опубликованы в СССР, думал я.) Я надеялся, что новый лидер лучше организует экономику, так что уровень жизни советских людей поднимется.

К сожалению, несмотря на то что он достиг почти всего, на что я надеялся, Горбачев и его команда разрушили главное: коллективную ментальность советских людей, код их поведения. И Горбачев оказался неспособен заменить уничтоженный код новым. Моя казачья песня стала звучать горько где-то около 1987 г. Помню, что в октябре 1987 г. французская газета "Либерасьон" попросила меня написать рецензию на фильм грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе "Покаяние". Символический грузинский тиран Варлам, напоминающий одновременно и Сталина, и Берию, терроризировал родной город на протяжении долгих лет. После смерти тирана его труп появляется в саду его сына Абеля, его внук кончает с собой... короче, мертвый, как и живой, Варлам — источник несчастья для его народа.

Уже в "Покаянии" я почувствовал чрезмерность, привкус разрушительного ревизионизма и мазохизма. Мне, пережившему хрущевские разоблачения Сталина в 1956—1960 гг., эта

вторая горбачевская атака на тридцатилетнего возраста труп показалась ненужной и даже опасной для стабильности Советского государства. Потому я написал в моей статье, что советские должны оставить Сталина в покое. Похоронить его на национальном кладбище, среди трупов Ивана Грозного, Петра Великого, Екатерины II, Ленина... Я написал, что, хотя Сталин был (неоспоримо) кровавым тираном, он принадлежал к эпохе Гитлера, Муссолини, Пилсудского, Франко, адмирала Хорти, Антонеску, Пэтэна, Черчилля, де Голля и безжалостного Трумэна. Что нежные лидеры этой эпохи не пережили своего времени и враг захватил страны, которыми они управляли. Лидеры были безжалостными, потому что время было такое, все вели себя так. (И начал не Гитлер, но первая мировая бойня.) Войска союзников варварски бомбардировали гражданское население Германии. Соединенные Штаты заключили всех своих граждан японского происхождения в концентрационные лагеря и использовали атомные бомбы без колебаний. Самые новые исследования, в частности книга канадца Jacques Bacque "Другие потери", утверждают и доказывают, что американцы и французы намеренно убили и уморили (в том числе и голодом) около миллиона немецких военнопленных в своих послевоенных лагерях. На таком фоне Сталин не выглядит как исключительно кровавый лидер.

Я заметил в моей статье, что несправедливо судить Сталина с точки зрения нашей, во всем отличной от его эпохи, что он должен быть судим в контексте его собственной эпохи. И мы должны даже уважать его иногда. Как тогда, когда он отказался от предложения немецкого командования обменять его плененного сына Якова на фельдмаршала Паулюса. "Я не обмениваю солдат на фельдмаршалов!" — бросил Сталин немцам. Для меня эта фраза достойна римских цезарей, и в ней слышится эхо бронзы. В наше время у лидеров кишка тонка для таких фраз.

Между прочим, каким бы парадоксальным и кощунственным мое утверждение ни показалось, очень может быть, что этому кровавому Сталину мы, вся наша белая цивилизация, обязаны нашей сегодняшней свободой. Современные историки обоснованно обвиняют Сталина в том, что он был бесталанным Верховным Главнокомандующим, что в припадке паранойи он убил перед войной лучших командармов Красной Армии, Блюхера и Тухачевского среди других. Все это неоспоримая правда. Но правда и то, что без сталинской одержимой тиранической власти над страной и каждым граждани-

ном ее Советский Союз не смог бы сопротивляться германскому нашествию, предводительствуемому тираном Гитлером. Ленинградское население, я уверен, не вынесло бы бесчеловечной немецкой блокады, сдало бы город, если бы не существовало над ним постоянной тиранической воли свыше. Легко себе представить судьбу Европы и мира, если бы русские капитулировали в 1941—1942 гг. Представь себе, читатель, английские и американские войска, противостоящие всей мощи германской военной машины! (Вспомним, что проштрафившихся солдат и офицеров вермахта ссылали на Восточный фронт, а не наоборот.)

Моя статья была напечатана в "Либерасьон" с редакторской пометкой: "Лимонов имеет на "Покаяние" и на сталинское время неожиданную точку зрения". Пометка заставляла думать о том, что "Либерасьон" стыдится лимоновской точки зрения. (Ну да, я имею неожиданную точку зрения. Но это моя точка зрения. К сожалению, большинство русских и нерусских интеллектуалов имеют ожидаемые, модные, диктуемые временем мнения.)

"Покаяние" было первым в потоке фильмов, романов, воспоминаний, газетных статей, интервью на заданную тему. Сигнал был дан. Огромная толпа историков, журналистов в поисках карьеры, стареющих поэтов, советских писателей, отравленных примером Солженицына, его славой и деньгами, всевозможных авантюристов и арривистов стали рыть Советскую Историю в поисках сенсационных разоблачений! Бóльшие, как можно более ужасные разоблачения были необходимы. (Первая волна "покаяния", хрущевская, была вытеснена за границу при Брежневе. За границей диссиденты успешно отравили интернациональное общественное мнение своим крайним антикоммунизмом.)

Они еще не остановили работу. Они роют. Они роют так глубоко, что в настоящее время разрушают уже сам фундамент Советского (и Российского) государства. Воспитанная на устаревших политических и экономических теориях, знающая Запад только по книгам (и по книгам, благосклонным к Западу), открыткам и туристическим путешествиям, нигилистическая по сути своей советская интеллигенция слаборазвита, разрушительна, идеалистична и просто глупа по причине своей неинформированности. Интеллигенция обвиняет Советское государство и советскую систему в "грехах" и "преступлениях", присущих вообще всем государствам и всем системам. Невежественные, они путают все ценности, демократию с нигилизмом.

Истерия "покаяния" в полном разгаре. "Советские" ведут себя так, как будто они получают удовольствие от разоблачения своей собственной Истории, своей же народной жизни. Определенная склонность к "покаянию", очевидно, имеет корни в русском национальном характере. Они не хотят остановиться. Историк-ревизионист Афанасьев все еще хочет пролить "весь свет на все преступления Советской Истории"! Но История и есть Преступления, летопись преступлений, господин Афанасьев, разве вы не знаете этого? История любого государства есть история преступлений. С людьми, подобными господину Афанасьеву, в советском парламенте я боюсь за судьбу моего народа.

Во всей мировой Истории невозможно найти прецедент невероятному мазохизму современных "советских". Даже в фантастическом сне я не могу себе представить французского лидера, выступающего вдруг с покаянием, например, по поводу кровавого массового убийства мальгашей, совершенного французскими войсками на Мадагаскаре в 1947—1948 гг. (От 70 000 до 90 000 жертв!) Но "советские" не знают о преступлениях других. Они невежественны, даже историки. Они убеждены, что Советская История самая преступная. Они каются по поводу Хатыни, не зная о Мадагаскаре. Страна же, в которой я живу, Франция, любит и обожает себя, смакует свое собственное имя тысячи раз на день в прессе, на радио и телевидении. Франция сумела успешно забыть, что четыре года она была фактической союзницей Гитлера и только восемь месяцев союзницей США, Англии и СССР. За десять лет жизни во Франции мне удалось один раз услышать на телевидении о том, что французы убили в Алжире миллион алжирцев. (Сказал это французский скандальный адвокат Жак Вержэс.) Никогда, ни при каких обстоятельствах французское государство (или какое бы то ни было другое западное государство) не призналось в совершенных ошибках, не говоря уже о преступлениях. А уж покаяние есть совсем незнакомое западной государственности чувство.

"Советские" зашли слишком далеко в своем осуждении Истории. Интеллигенция внушила советским людям цинизм и недоверие вообще к властям, ко всем, включая Горбачева и его команду. "Если все 72 года советской истории мы были ведомы преступниками, где гарантии, что наши новые лидеры непогрешимы?" — спрашивают себя советские люди. То, что происходит в Советском Союзе, все больше становится похожим не на политические изменения, но на драму в стиле

Достоевского, истеричную и самоубийственную. Неудивительно, что 30 апреля 1990 г., если верить упрямому московскому слуху, безумец, личность которого не установлена, пытался поджечь мавзолей Ленина с помощью "молотовского коктейля". Правдивый или нет, слух этот есть великолепное символическое выражение того состояния психического расстройства, в котором находится советское население.

Характерным для этого психического расстройства является также подсознательный поиск врага-виновного, желание реванша населения, которое чувствует (так ему сказала интеллигенция), что "народ страдал" все эти 72 года. В списке врагов традиционный объект реванша — ЕВРЕЙ — конкурирует за первое место с КГБ! КГБ для многих "советских" сделалось врагом народа номер один. Несмотря на то что КГБ во времена Сталина не существовало, а его предшественник ("отеческая организация") — НКВД был практически вырезан в 1936—1953 гг., то есть "страдал" со всем народом и даже более его. Совсем новый объект ненависти — Советская Армия. Нападения на военный персонал, на офицеров и солдат сделались важнейшей частью советской криминальной хроники. Армия, по сути своей инструмент наведения закона и порядка, не имеет места в беспорядочном мире советской интеллигенции и, как следствие, в сделавшемся беспорядочным сознании советского населения. Для умершего Сахарова и живого Афанасьева вся планета есть братское содружество, где враждебность между нациями и национальные интересы принадлежат прошлому и не имеют никакой ценности сегодня. Обнимемся, братья. И обнимаются. Сегодня коридоры (руководимого ЦРУ) Радио Либерти—Свободная Европа — в Мюнхене наполнены советскими гостями: писателями, журналистами и критиками. Мне трудно представить себе, однако, скажем, Нормана Мейлера дающим интервью финансируемой КГБ радиостанции. Западные писатели, американские в первую очередь, считают этически зазорным давать интервью радиостанции ЦРУ. Советские газеты недавно опубликовали интервью с несколькими известными фигурами пропагандистской машины ЦРУ, с героями "холодной войны". Среди них: Зинаида Шаховская, бывший главный редактор парижской газеты на русском языке "Русская мысль" (финансируемой в действительности Америкой), и Никита Струве, директор парижского издательства "ИМКА-Пресс" (также уходящего корнями в ЦРУ). Братание с подобными фигурами не настолько анормально, как кажется. Советские

интеллектуалы сегодня более разрушительны для своей собственной страны, нежели ветераны ЦРУ... И я не назвал бы это странное братание послевоенной дружбой старых противников. Не могу. Свежие новости, касающиеся участия ЦРУ вместе с пакистанским Секретным Сервисом в приготовлении мусульманских волнений в советских азиатских республиках, есть только еще одно подтверждение очевидного. А именно что война не кончилась. И никогда не кончится. Запад (и в первую очередь Соединенные Штаты, его лидер) будет всегда враждебен к СССР, даже к сегодняшнему, поднявшему руки, положившему оружие, милому и заискивающе улыбающемуся. Не по причине того, что Запад зловеще зол, а по причинам холодно-рассудочным, превыше эмоций, по причинам геополитическим. Вне зависимости от того, что говорят лидеры западных стран, Запад рассматривает Советский Союз как врага, и Запад заинтересован в ослаблении его мощи, в распадении его территории на беспомощные государства. На одну декларацию президента Буша о том, что США не станет поощрять сепаратистские тенденции в советских республиках, возможно насчитать сотню поощрений и самого Буша, и меньшего калибра американских лидеров Латвии, Литве, Эстонии, Армении, кому хотите... И акции ЦРУ. И не только ЦРУ. Согласно утверждению начальника 6-го управления ГУВД полковника милиции Карташова, автоматы узи, появившиеся в преступном мире Москвы, попали в СССР вместе с братской помощью жертвам армянского землетрясения из Франции.

Однако Запад, решительный сторонник независимости советских республик, есть абсолютный враг движений за независимость на своей собственной территории. Англия держится за Северную Ирландию кровавыми руками и не хочет отпустить ее. Потому что за Северной Ирландией последует Шотландия. Даже Гибралтар, неотъемлемая часть Испании, остается английским. Испания упорно отказывается предоставить независимость своей баскской провинции, игнорируя баскский терроризм, унесший уже тысячи жертв. Франция репрессирует с недавнего времени вместе с Испанией независимость басков. Франция имеет колонии повсюду в мире, самая большая — Французская Гвиана — размером с Венгрию. Несмотря на отчаянное сепаратистское движение в Новой Каледонии (со множеством жертв) и совсем близко — на острове Корсика (Корсика сделалась французской в то же самое время, что и Литва русской, в конце XVIII в.), Франция никогда не отдаст

свои средиземноморские, карибские и тихоокеанские "республики". Я хотел бы видеть лица американских конгрессменов, если советский парламент вдруг проголосует за поощрение сепаратистского движения в штате Нью-Мексико (территория равна территории Польши), отнятого у Мексики в середине 19 в., или же поощрит публичным голосованием независимость Гавайских островов, аннексированных США в 1898 г. Однако американский конгресс не постеснялся проголосовать в поддержку независимости Литвы.

Односторонний альтруизм (его сделал модным среди "советских" Сахаров) опасен. Альтруизм будет прекрасен, и желателен, и необходим в мире, где ВСЕ нации, ВСЕ государства совершат свои перестройки. Однако то, что происходит сейчас в мире, скорее свидетельствует об обратном процессе. Наглые западные лидеры "угнали" результаты советской перестройки. Запад в снисходительной позе вещает, что "демократизация" Восточной Европы есть победа капитализма над коммунизмом. Продолжая поступать соответственно ментальности эпохи "холодной войны", западные страны настаивают на включении Объединенной Германии в НАТО. Современное британское политическое мышление продемонстрировало себя в Фолклендской войне, американское в Гренаде и Панаме, оба они вновь демонстрируют себя сегодня в иракском кризисе... И только "советские", как послушные студенты, обещали и эвакуировали свои войска из Афганистана.

Возможно лишь одно правдоподобное объяснение феномена "перестройки", а именно — психологическое объяснение. Когда в 1985 г. Горбачев пришел к власти в СССР, да, был политический кризис, но не было кризиса экономического. Экономические результаты 1985 г. были не ниже, чем в любой из 70-х годов. Если Советский Союз никогда не бежал среди первых в мировом забеге за экономическим процветанием, тем не менее пятьдесят—семьдесят стран бежали далеко за его спиной. Это не железная необходимость экономического кризиса подвинула Горбачева к перестройке, но огромнейшее психологическое давление Запада, его общественного мнения и пропагандистской машины против советской политической системы. Перестройка, по сути дела, есть результат всех психологических "холодных войн", результат семидесятилетней враждебности Запада к СССР. Плюс сильнейшее давление своего собственного среднего класса — советской буржуазии знания (традиционно прозападно настроенной), желающей власти. К началу 80-х годов советское общество выработало сильней-

ший комплекс неполноценности по отношению к западному миру. Ментально советское общество изнемогло, перестало верить в себя, испустило дух уже тогда. Я хочу подчеркнуть, ментально, но не физически.

Прибыв с мессианической задачей делать добро, Горбачев совершил немало добра. Однако после 1987 г. Горбачев и горбачевцы совершили и совершают множество деяний, которые могут быть квалифицированы как бесспорно негативные для Советского государства и его народа. А уже сделанное "добро" с течением времени омрачилось таким количеством "злых" негативных побочных эффектов, что уже мало походит на "добро". Я вспоминаю, что гостья из Ленинграда, защитница прав человека, когда я умерил ее радость по поводу (платного) ее интервью с парижским отделом Радио Либерти уже известными читателю аргументами, пожала плечами и сказала: "Но наш Президент Горбачев сам крупнейший антисоветчик!" Я боюсь, что да. Ясно, что он бессознательный антисоветчик, но d e f a c t o его действия и еще более его бездейственность катастрофичны. Я посетил СССР в декабре 1989 г. — страна выглядит зловеще. Преступления, национальные бунты, межнациональные погромы, забастовки и волнения всех сортов сотрясают страну. И разумеется, экономика функционирует хуже, чем когда-либо до перестройки, и ничто не указывает на то, что она будет функционировать лучше. Когда я покинул СССР в 1974 г., страна находилась в лучшем состоянии. А советские люди выглядели счастливее и спокойнее.

Шестнадцатилетний опыт жизни на Западе (и жизни активной, вне русского гетто зарубежья-лукоморья) научил меня, что демократия — это роскошь богатых стран. Как "Роллс-ройс". Многие на него облизываются, но не многие могут его себе позволить. Бедные страны, не могущие утихомирить своих граждан изобилием мяса и тряпок, вынуждены повсюду обращаться к старому доброму насилию. Советский Союз готов к захвату власти военными, и подобный захват будет, без сомнения, приветствоваться большей частью населения, уставшей от беззакония и беспокойства. Если Горбачев и его команда сами не переродятся в сильный режим, это неминуемо случится.

Да, быть русским в 1990 г. — очень невротическое занятие. Даже русским с французским паспортом.

Собеседник. 1990. № 43

НОВАЯ БУРЖУАЗИЯ И ЕЕ ТРЮКИ

Интервью с самим собой № 1

— *Что происходит в СССР? Твое мнение?*

— Советская, а вслед за ней западная медия не понимают и донельзя упрощают происходящее, сводя его к конфликту реформистов-перестройщиков с консерваторами и к национальным конфликтам "взрывающейся Империи". *На деле в Советском Союзе происходит самая что ни на есть крутая и подлинная "холодная" буржуазная революция*, восстание класса Новой Буржуазии, загримированное кое-как под расплывчатую перестройку-демократизацию. Помимо этого, имеют место порожденные "холодной" революцией множество побочных конфликтов, битв, противоборств.

— *Объясни, что такое Новая Буржуазия (НБ)?*[1]

....

— *В самом начале интервью ты сказал, что, помимо "холодной" революции, в СССР имеет место множество других конфликтов. Какие это конфликты?*

— Важный конфликт — борьба проснувшегося к жизни советского рабочего движения против класса большевистских бояр и дворян. Это очень эмоциональный конфликт. Правившая около семидесяти лет от имени пролетариата коммунистическая аристократия вызывает у рабочего класса мстительную ненависть. Куда большую, чем у Новой Буржуазии. Пока еще рабочий класс — объективный союзник НБ в ее антикоммунистической революции. Однако очень скоро они станут открытыми врагами. Присмотритесь внимательно к лозунгам шахтерских демонстраций, и вы поймете, что уже сейчас у шахтеров два врага. Большинство лозунгов — антикоммунистические типа "Долой КПСС!" в различных вариантах, однако можно заметить и лозунги эгалитаризма: "Если мясо, то для всех!" и "Горбачев, убери свои кооперативы!" Сегодня они еще кое-как ладят, но, когда общий враг будет уничтожен, рабочий класс и Новая Буржуазия набросятся друг на друга...

Значительным мне кажется также конфликт внутри самой партийной аристократии. Ее спешно покидают остававшиеся в ней живые и энергичные силы. Ее покидают даже принцы

---

[1] Ответ на этот вопрос содержит дословное повторение тезисов, высказанных полнее в статье "Чаадаевщина".

аристократии, например Ельцин. У нас во Франции красиво называют такую смену политического лагеря: "вывернуть пиджак".

— *Остановись подробнее на выворачивании пиджаков.*

— Как мы и вы отлично знаем из истории Французской революции, когда красный колпак надел не только репрессированный при старом режиме маркиз де Сад, но и вполне благополучные граф Мирабо и даже Филипп Орлеанский, измена своему классу — поступок вполне банальный. Вспомним, что уже в числе первых диссидентов были не только представители Новой Буржуазии (Сахаров, Шафаревич, Синявский, Солженицын и др.), но и сын репрессированного командарма Якира, бывший генерал Григоренко и даже такие диковинные птицы, как внук преуспевшего апостола Сталина Литвинова и сама мадам дочь Сталина! Почему кто-либо предает свой класс, не есть тема нашего интервью, но задача для психологов. Хочу отметить, что это "предательство" легко дается сегодня детям и внукам коммунистических бояр и дворян, уничтоженных при Сталине и так или иначе пострадавших при его режиме. Сколько их, желающих отомстить за дедов и отцов, движимых желанием отомстить хотя бы и ценой полного разрушения класса, к которому сами принадлежат по рождению? Самые осторожные цифры выразятся, по всей вероятности, в миллионах. Большая разрушительная сила. Они активно участвовали уже в бунте 60-х годов, взывая к мести. К миллионам потомков "репрессированных" следует добавить еще одну многочисленную категорию "предателей": умных прагматиков и (или) бесцеремонных карьеристов из среды старого класса, вдруг убедившихся, что у НБ есть все шансы победить в "холодной" революции, и решившихся примкнуть к ней. К этой категории спешно переделывающихся на наших глазах в демократов или националистов бывших принцев и маркизов КПСС могут быть отнесены всем известные Ельцин, Собчак, Попов и плохо видимые нам множества. Стоит ли ставить предательство в кавычки или нет, впрочем, не совсем ясно. Ибо, не давая буржуазии власти, коммунистическая "аристократия" заставляла нужную ей часть буржуазии принадлежать к партии. Таким образом, не принадлежа к коммунистической "аристократии", инженер, директор завода, писатель числились в КПСС. (Редкая и странная историческая аномалия, заметим, когда, принадлежа д е - ф а к т о к классу буржуазии или к рабочему классу, миллионы душ были приписаны к организации, родственной партократии. Не следует

путать, однако, коммунистическую "аристократию" и КПСС. Последняя лишь список "благонадежных" лиц среди населения СССР.)

Ренегаты компартократии, ее предатели в кавычках или без — самые надежные союзники НБ в ее революции. Альянс А. САХАРОВ — Е. БОННЭР как нельзя ярко символизировал это союзничество. Союз между Новой Буржуазией (физик Сахаров) с разрушительными силами внутри самой партократии (Боннэр, член партии до 1969 г., дочь репрессированного Сталиным секретаря Компартии Армении). Взаимно вдохновляя и подстрекая друг друга, эти две силы общества сегодня еще работают в паре. Однако параллельно с катастрофическим падением престижа КПСС (которого они добиваются!) политическая жизнь ренегатов КПСС может стать очень сложной в ближайшем же будущем. И, может быть, не только политическая. Вспомним, что, несмотря на красный колпак, Филипп Эгалитэ потерял голову на гильотине.

— *Что ты можешь сказать о национальных движениях?*

— Если мы присмотримся к лидерам этих движений, то увидим, что это все Новая Буржуазия. Интересно, например, что украинское движение молодых поэтов 60-х годов поставило в Москву крупного лидера перестройки Виталия Коротича (он писал по-русски), а его некогда друзья поэты Иван Драч и Лина Костенко (писавшие по-украински) стоят во главе украинского национального движения РУХ. (Возникает вопрос, а если бы Коротич писал по-украински?) Новых буржуа, чей капитал — знания, не нужно искать, только их мы и видим во всех национальных движениях: музыковед Ландсбергис в Литве, самый известный из них, и прочие знакомые лица. Я объясняю поведение соискателей лидерства не отвлеченными и часто ханжескими мотивировками ("стремление к благу народа", "желание служить обществу" и пр.), но вполне земными и незазорными амбициями и страстями энергичных и сильных личностей. Посему я говорю о реальных мотивировках: о честолюбии и амбициях.

Новая Буржуазия республик беззастенчиво использует извечно существующий популярный национализм для своего восхождения к власти. Пусть эта власть и будет ограничена лишь территорией ее нации. "Лучше быть первым в трехмиллионной Литве, нежели двухсотым в Риме, то бишь в Москве", — так должен рассуждать Ландсбергис. Но почему в таком случае Чингиз Айтматов, член Государственного совета СССР, а не лидер киргизского национализма? Потому что быть десятым в Москве лучше, чем первым в Киргизии?

Чтобы понять, почему одни супермены нового класса — интернационалисты, а другие — националисты, обратимся к притче.

Представим себе, что существует рынок идей. И что самые энергичные советские супермены идут за покупками на этот рынок. Выбор на советском рынке идей (как и на всяком современном рынке идей) невелик. Высшая буржуазия попадает на рынок идей первой. Почему? По той же причине, почему первыми попадают на книжную ярмарку писатели и издатели, а на сельскохозяйственную — агрономы и фермеры. Рынок идей есть институция, профессионально принадлежащая новому классу. Звезды Новой Буржуазии оказываются на месте первыми и имеют возможность выбрать лучший товар, самую на сегодняшний день модную и соблазнительную идею. Чингиз Айтматов — звезда первой величины, потому он пришел на рынок идей в первый день вместе с толпой Евтушенок, Афанасьевых, Сахаровых и купил "прогрессизм", "свободный рынок" и, конечно, "демократию". Витаускас Ландсбергис, Иван Драч и Игорь Сычов (лидер Русского Народного Фронта) пришли позже. На следующий день. И увидели, что лучшие идеи раскуплены, унесены с рынка звездами НБ. Демократии, впрочем, на рынке много, хватает на всех. Идея без цвета и запаха, она — синоним демагогии. Ландсбергису, Драчу и Сычову приходится брать то, что осталось, идеи помельче и похуже: "национализм", "патриотизм", то, чем побрезговала до них высшая буржуазия. Явившимся на третий день отставным полковникам и учителям приходится брать идеи и того мельче: заплесневелый монархизм, христианский демократизм разных видов... Как всякая притча, притча о рынке не объясняет все, но принцип распределения идей внутри класса НБ она проясняет. Легко проверить меня. Среди лидеров-националистов вы не найдете ни одной звезды первой величины (по шкале 1985 г.).

Что же касается вспышек национального гнева-безумия, как в случае армяно-азербайджанского конфликта, то за такие вспышки ответственны собственно народы. Они случались и ранее. Подростком я слышал от харьковских армян страшнейшие истории Нагорного Карабаха, о смертельной вражде деревень одной и той же долины (с изнасилованиями, трупами, карательными экспедициями). Но тогда гласности не существовало. Пользуясь некрасивыми часто страстями своих народов, национальные лидеры Новой Буржуазии спешно строят свою национальную политику. В тени вулкана. В любом слу-

чае разделение, отделение национальных буржуазий — первый раскол среди нового класса.

— Тогда вторым расколом следует считать уже зародившиеся и зарождающиеся новые политические партии? По оценкам экспертов, только в РСФСР действует около 40 организаций, претендующих на роль политических партий.

— Вовсе нет. Раздел на группы есть первое условие политической игры, называемой "демократия". Демократия исправно служит средством поддержания господства старой классической буржуазии на Западе. В сравнении с монополией партократии демократия выигрывает и долго еще будет поражать воображение советского гражданина своей многопартийностью, якобы обилием выбора. На деле большинство партий будут всегда очень слабы и малочисленны, и игра будет вестись или между двумя (как в Соединенных Штатах) партнерами, или четырьмя (как во Франции). Добавьте к этому, что между демократической и республиканской партиями в США или коалициями социалистов и голлистов во Франции *нет никаких политических различий*, и вы вдруг поймете ясно видимое и все же тщательно скрываемое: *демократическая система озабочена тем, чтобы охранить господство не партии, но целого класса.* Все партии западных демократий есть буржуазные партии. Коммунистическая партия не исключение. Французская компартия ослабела именно в момент, когда буржуазия в ней разочаровалась. Я воспользуюсь случаем, чтобы развенчать модное слово "демократия". Историческая справка: согласно новейшим исследованиям (сошлюсь на книгу Лучиано Камфора "Демократия как насилие"), демократия в Афинах была на самом деле диктатурой коалиции "популистов" — ремесленников, коммерсантов, судовладельцев и моряков, фермеров и поденных работников, направленной против других классов общества (землевладельцев-олигархов и аристократов среди прочих). Ссылки, казни (в том числе Сократа), даже цензура комического театра на совести той демократии, так же как рабовладельчество и войны афинского империализма. Так что употребление этого слова в позитивном смысле вызывает у меня недоумение. Новая, 20 в. демократия также не чище и не благороднее афинской. Не следует забывать, что Гитлер пришел к власти благодаря демократическим свободным выборам.

— Значит, ты считаешь демократию "трюком" Новой Буржуазии?

— "Трюк" звучит презрительно. Так говорят об обманщиках. Я так не думаю. Новый класс верит в свою мессианскую роль спасителя советского народа и относится к своим политическим движениям искренне, как к "положительным" и спасительным. Однако он устанавливает свое господство и готов навязать свои политические вкусы и предпочтения другим классам. Уже навязывает. Точно так же, как это делала партократия, против которой он поднялся. Новый класс успешно соблазняет советский народ неопробованной им демократией и верит в нее сам. Только потому, что часть депутатов первого Съезда народных депутатов не была выбрана, но назначена, новый класс не взял власть в 1988 г. Но он возьмет ее, и очень скоро... Если уж говорить о "трюках", то самый сильный трюк НБ — использование "преступного прошлого", создание мифов сталинизма и застоя с целью дискредитации коммунистической аристократии и (конечная цель) отнятия у нее власти. Никакой другой цели вторая волна ревизионизма (первая была поднята Хрущевым на XX съезде) не служит. Я колеблюсь, взять ли ревизионизм в кавычки. Общество было информировано о преступлениях Сталина в 1956—1960 гг., и вторая волна разоблачений (1985 г.) была, мне кажется, расчетливо организована. Однако кампания разоблачений в прессе, на радио и телевидении, на митингах имела и негативный побочный эффект. Она вызвала у населения сильнейшие настроения нигилизма и недоверия к власти как таковой. Новому классу придется считаться с падением морали населения, с апатией и враждебностью ко всякой власти. Создание новой экономической системы — работа, а деморализованный народ — плохой работник...

Еще один "трюк" НБ — соблазнение народа западным образом жизни. Интересно, что сами соблазнители толком не знают Запада, знакомы с ним по книгам, цветным открыткам и туристским путешествиям. Можно привести множество примеров ошибок и преувеличений в высказываниях о Западе таких деятелей НБ, как Н. Шмелев, А. Собчак, и других. Они ошибаются или намеренно вводят в заблуждение? Скорее преувеличивают могущество Идола, как все страстно верующие.

— Ты говоришь: "Новый класс возьмет власть, и очень скоро". А не разделит ли он власть с рабочим движением?

— Я не думаю. Скорее всего возникнут отношения взаимного шантажа, типа тех, каковые существуют в западных странах между буржуазной властью и профсоюзами. Во Франции роль профсоюзов сводится сегодня к защите исключительно экономических интересов даже не рабочего класса, но чле-

иов своего профсоюза. Профессиоиальные союзы все более разобщеиы между собой, иитересы их часто сталкиваются. Последней, собствеиио "политической" забастовкой рабочих Запада была иеудачная стачка аиглийских шахтеров во главе с А. Скарго (1984—1985 гг.). Для здоровья советского общества было бы полезно, если бы рабочий класс сумел оттягать у агрессивной НБ часть власти. Подождем того времеии, когда, покончив с господством партократии, рабочий класс и Новая Буржуазия окажутся лицом к лицу. В советском рабочем классе по историческим причинам чрезвычайио развиты эгалитарные теидеиции, и ои будет защищаться. Что касается НБ, я увереи, что оиа возьмет власть, ио удержит ли...

— *Ты ни разу не называл имени Горбачева? Почему?*

— Горбачев меиее важеи, чем кажется. Горбачев послужил орудием судьбы, "богом из машииы" греческих трагедий. По сокрытым от иас личным или групповым причииам он решил обиовить советскую систему. Каков был его первоиачальиый проект, где ои предполагал остаиовиться, мы (публика) ие зиаем. Мы также ие знаем, была ли "перестройка" его личиым проектом или проектом группы лиц, объединившихся вокруг него (в Соедииеииых Штатах говорят: "кухоииый кабииет"). Но зиать иам это ие так уж важио. Горбачев привел в движеиие силы, каковые уже года два игиорируют его самого, по меньшей мере, обтекают его. Приблизительио в середиие 1989 г. Горбачев очеиь растерялся, и это было видио публике. Однако он сумел собраться и заиял умиую позицию арбитра между различными стихиями, бушующими вокруг него. Ои всякий раз примыкает к иаиболее популярной в ироде позиции. Подобное поведеиие характеризует его как крупиого, но слабого политического деятеля... Горбачев прииадлежит одиовремеиио и к партократии, и к "профессиоиалам" иового класса. У иего два диплома высшего образования. Его жеиа также с высшим образоваиием и, как утверждают, всегда была близка к московской так изываемой "творческой иителлигеиции". Можио предположить, что оба пережили иа своем опыте трудиости, характерные для судьбы людей нового класса при господстве партократии, как-то: препятствия к продвижеиию иа верх общества, иесоответствие между доходами и властью, с одиой стороиы, и культуриым капиталом и самооцеикой, с другой. Сегодня Горбачев обиаруживает свою двойственную классовую прииадлежиость, поступает то как НБ, то как партократ и даже автократ. Например, решеиие о судьбе ГДР должио было быть приията путем всеиародиого рефереидума.

Ведь в случае возрождения аппетитов германского империализма платить по счету придется народу, а не Горбачеву. В 1939 г. легковерие советского лидера обошлось народам СССР в 20 миллионов жизней. Основываясь на исключительно доброжелательном отношении четы Горбачевых к Западу, можно предположить, что на них влияла сильнейшая критика советского строя Западом. (Так же как и на весь новый класс и даже на саму партократию.) Я еще ни разу не упомянул об этом, но вот говорю, и это очень важно. В известном смысле перестройка есть еще и результат психологических "холодных войн" Запада против СССР. Советские поверили в конце концов в свой имидж, внушаемый им Западом. Если вам 70 лет показывают вашу кривую физиономию в зеркале, то вы долго пеняете на зеркало, что это оно кривое, но с течением времени начинаете верить в то, что советское общество таки кривое.

Силы, которые Горбачев бессознательно привел в движение, сильнее его. Кто он, Юлиан Отступник или основатель нового могущества, выяснится только со временем. Перефразируя ставшую у вас популярной фразу из фильма "Покаяние", скажу, что ведет ли Горбачев в храм или из храма, выяснится позднее. Некоторые слои населения, безусловно, уже потеряли при Горбачеве. Для них Горбачев уже Антихрист. Другие потеряют, если НБ окончательно придет к власти. Запад ежедневно озабочен тем, удержится ли Горбачев у власти. Важнее было бы задаться вопросом: "Какой строй будет в СССР при или без Горбачева? Власть останется у партократии или перейдет к НБ?"

— *Кто потерял? Кто потеряет? Какие группы общества?*

— Ясно, что партократия теряет все, и будем надеяться, что "холодная" революция не превратится в горячую. Тогда коммунистические бояре и дворяне рискуют потерять головы. Кто пострадает, если НБ возьмет власть? Новый класс (как это ни парадоксально) копирует социальное поведение старой западной буржуазии. И (если отбросить тактические уловки благородных высказываний) он собирается скопировать рабочую структуру западных демократий. Благосостояние же западных демократий достигнуто за счет безжалостной эксплуатации природы и стран "третьего мира" и (это очень важно) *за счет исключения части собственного населения из процветания.* Потеряют совсем низшие слои населения, "плохие" и неквалифицированные рабочие, введение свободного рынка и "рентабельного" производства лишит их работы. Если НБ победит и установит милый ее сердцу свободный рынок, воз-

никнут десятки миллионов безработных. (Николай Шмелев в "Литературной газете" от 18 июля 1990 г. хладнокровно назвал цифру 30—40 миллионов!) И следует заметить, что статус безработного в слаборазвитом СССР не будет равен статусу безработного в США. Пострадают, наряду с неквалифицированными, рабочие, занятые в старых "нерентабельных" производствах, те же шахтеры, пострадают сталевары. Короче, пострадают неумелые, старые, слабые, необразованные и "нерентабельные". Однако основная масса населения будет с молчаливым эгоизмом наслаждаться повышением жизненного уровня, достигнутым за счет понижения его у исключенных из процветания групп. Так это есть на Западе, и так будет в СССР.

— *Да, но в стране к моменту прихода к власти Горбачева был кризис?*

— Был или не был, зависит от того, что мы условимся называть кризисом. После второй мировой войны СССР никогда не попадал в список самых экономически результативных государств, но в полусотне стран на нашей планете уровень жизни ниже советского. В руководстве страны действительно был в 1985 г. кризис. Но в экономике СССР никакого необыкновенного падения производства не произошло, она функционировала не хуже и не лучше, чем в 70-е годы. Я склоняюсь к тому, что те же умные силы, введшие в популярный обиход термины "сталинизм" и "застой", дали легкий толчок и идее "кризиса". Публику легко ввести в заблуждение. Ее необязательно обманывать, достаточно выбрать выгодную систему подсчета или запоздать с публикацией цифр. Вспомним, как долго тешили в свое время советский народ системой сравнения достижений Советской власти с 1913 г. Сейчас доказано, что перед поединком Картер — Рейган (выборами 1980 г.) некоторым экономистам уже было известно, что США начали выходить из кризиса, что начался подъем экономики. Однако дружественные Рейгану силы затянули включение этих новых данных в ежегодный рапорт о состоянии американской экономики. Рейган стал президентом, и выход из экономического кризиса приписали ему. Сегодня неоспоримо, что подъем начался при Картере, но что это меняет?

— *Чему ты улыбаешься?*

— Если революция нового класса удастся, русские, как это ни парадоксально, вновь окажутся в "авангарде человечества", впереди Запада. У них опять будет самый современный политический строй. Правление менеджеров.

Куранты. 1990. 25 октября

ПОД СЕНЬЮ РАЗВЕСИСТЫХ КЛЮКВ "ЦИВИЛИЗОВАННЫХ СТРАН"

Запад глазами советских обожателей

Советские лидеры, депутаты, писатели, экономисты, министры и просто граждане любят ссылаться на Запад и ссылаются часто. Большая часть того, что говорится "советскими" о Западе, просто мифологические глупости, опасно вводящие в заблуждение массы.

Примеры:

А. Собчак, профессор Ленинградского университета, народный депутат, председатель Ленсовета. Вторая профессия — юрист, специалист по жилищному праву. Цитирую "Огонек". 1990. № 28.

Вопрос "Огонька": "...хочется услышать от вас о намечаемой жилищной политике".

А. Собчак: "...я давно исповедую идею, что человек должен быть собственником своего жилья... Недавно я был с парламентской делегацией в Финляндии и в университете Турку разговорился с одним профессором. Он... перешел на работу в университет в Хельсинки... Я говорю: "Как вы решаете жилищную проблему?" Он: "Ну, это очень просто. Я продал свою квартиру в Турку и уже договорился о покупке квартиры в Хельсинки. Мне придется, правда, доплатить, учитывая, что это столица". ...Вот так вот во всем мире и решается вопрос: в зависимости от того, насколько человек состоятелен, как у него в этот момент с деньгами, он либо покупает, либо снимает квартиру... Хочешь иметь получше жилье, ну так лучше работай и больше зарабатывай". (Не могу удержаться от замечания, что Собчак выступает тут в роли Марии-Антуанетты, советовавшей голодным французам есть пирожные. — *Э. Л.*)

Вопрос "Огонька" (резонный. — Э. *Л.*): "А инвалиды, пенсионеры, многосемейные?"

А. Собчак: "Что касается малообеспеченных людей, то здесь нет проблем. Дешевое муниципальное жилье существует во всех странах мира".

По его собственному признанию, Собчак побывал "с парламентскими делегациями в столицах нескольких стран и посмотрел, как решаются эти проблемы... Вот, скажем, сувенирный бизнес. В Метрополитен-музеуме..."

Сувенирный бизнес меня не интересует, но раз выяснилось, что Собчак был в Нью-Йорке, посмотрим, как решаются эти проблемы, в частности жилищная — "специальность" Собчака, — в Нью-Йорке. В 1978—1988 гг. Нью-Йорк подвергся беспощадному террору спекулянтов земельными участками и строителей. Орудием спекулянтов послужила "программа 421" — городское постановление, полностью освобождающее от уплаты налогов инвеститоров и строителей "люксовых" зданий. Спекуляции поощрялись мэром Нью-Йорка Эдвардом Качем. (Собчак, кстати говоря, высказывает идеи, близкие к идеям Кача.) Спекулянты легально покупали дома, выживали из них жителей, сносили и на их месте строили очень дорогие многоквартирные здания и бизнес-небоскребы. Так как городу принадлежало 60% зданий в Нью-Йорке, большая часть Нью-Йорка сделалась городом богатых. Еще при Никсоне его консул экономических советников выяснил хладнокровно, что "капиталовложения в новое жилищное строительство для семей с низким доходом, в особенности в больших городах, обыкновенно проигрышное дело. В действительности наиболее выгодным капиталовложением является снесение домов для низкооплачиваемых семей, для того чтобы освободить место для бизнесов и семейств с высокими доходами" (Вилледж Войс. 1984. 4 декабря).

Население с недостаточным доходом было вышвырнуто из города. В пределах Манхэттена оставались к середине 80-х годов лишь несколько районов, откуда не вышвырнули бедняков. Самые крупные из них: Гарлем, на север от Централ-Парка, черное гетто, и Лоуэр (Нижний) Ист-Сайд, район между 14 Стрит и юго-восточным берегом манхэттенского острова с населением 170—200 тыс. человек. Мультинациональное гнездо рабочего класса на протяжении последних 160 лет, с 1982 г., Нижний Ист-Сайд все более переходит в руки спекулянтов-предпринимателей. Предоставлю слово самим нью-йоркцам. Розали Дойтче и Кара Райан пишут в журнале "Октябрь 31" (зима 1984 г.): "Нижний Лоуэр Ист-Сайд — стратегическая арена, где "город" (то есть городские власти. — *Э. Л.*), финансируемый большим капиталом, ведет позиционную войну против обедневшего и все более изолированного населения. У "города" двухстадийная стратегия. Немедленная цель — выселить слишком многочисленную общину людей рабочего класса, вырвав контроль над земельной собственностью и зданиями района и отдать его спекулянтам недвижимым имуществом. Второй шаг: поощрение создания подобающих

условий для вселения рабочей силы сверхразвитого капитализма — профессионалов белого миддл-класса, выдрессированных обслуживать Центр американского постиндустриального общества".

Говоря о "Центре американского постиндустриального общества", авторы имели в виду две гигантские Башни мирового торгового центра, построенные рядом с Уолл-стрит на южной оконечности Манхэттена еще в середине 70-х годов. (Я предполагаю, что Собчака и его парламентскую делегацию возили в Башни. Я не сомневаюсь, что он мечтает воздвигнуть такие в Ленинграде.) Вот что говорит викарий Нижнего Ист-Сайда отец Жоаким Бомонт об этом соседстве: "Мы слишком близки к Башням-близнецам и к финансовому центру (то есть к району Уолл-стрит. — *Э. Л.*). Оба находятся на пешеходном расстоянии отсюда. Там работает так много людей. Я уверен, что они очень желали бы жить ближе, вместо того чтобы приезжать из пригородов ежедневно. Я думаю, что есть план поселения миддл-класса и высшего класса в Манхэттене. Это процесс "джентрификэйшен" ("облагораживания", то есть заселения "благородными" слоями общества. — *Э. Л.*). Это очень и очень несправедливо. Те, у кого кучи денег, играют с жизнями и будущим людей, которые имеют так мало надежды". (Процитировано по той же статье Дойтче и Райан в "Октябрь 31".)

Замечу, что у профессоров (финских или ленинградских) никогда не было и не будет серьезных проблем с жильем, и обращусь к фразе Собчака: "Дешевое муниципальное жилье существует во всех странах мира". Верно. Есть оно и во Франции. Дешевые (относительно) муниципальные жилища "ШЛМ" (переводится как "жилища умеренной оплаты". —*Э. Л.*) все строятся в городах-гетто вне Парижа. В парижской префектуре полиции зарегистрировано 150 000 человек, живущих в плохих жилищных условиях (10 000 парижских квартир не имеют воды), потому очередь на получение "дешевого муниципального жилья" так велика, что сегодня получают квартиры люди, сдавшие документы в 70-х годах. Со 2 мая 1990 г. все лето жили в палатках на площади Реюньон выселенные на улицу жители одного из проданных спекулянтам домов. Ибо Париж, как и Нью-Йорк, подвергся "джентрификэйшен". Передо мной на столе листовка — приглашение на демонстрацию в защиту прав выселенных площади Реюньон. (Им повезло, их история получила огласку, за них вступился знаменитый аббат Пьер и множество социальных и профсоюз-

ных организаций. Иначе полиция вышибла бы их из палаток и с площади в первый же день. Летом французская полиция проводит сотни выселений.) Я позволю себе перевести для советского читателя часть листовки-обращения, озаглавленной "Достойные жилища для всех!": "...хуже того и верх цинизма — выселения не только не остановлены, но умножаются изо дня в день, и многочисленные здания под угрозой, прежде всего в "популярных" (то есть народных. — *Э. Л.*) районах. Для многих из нас трудность найти и сохранить жилище в Париже становится все более и более кричащей. И дороговизна жилищ, и угроза выселения, и нездоровость отдельных зданий — все преследует цель изгнать менее богатых в пригороды, все более удаленные. Уже долгое время цена жилищ возрастает со скоростью стрелы без того, однако, чтобы наши зарплаты и наши пенсии следовали этой прогрессии. И эта тенденция будет только обостряться..." Обращение подписано Комитетом "плохопоселенных" и коллективом поддержки: более полусотни организаций, социальных и религиозных, влиятельные профсоюзы, партия зеленых, "доктора мира", аббат Пьер среди других. Но во всякое время в Париже находятся в продаже 7 тыс. квартир ценою более 10 млн франков. В 1988 г. была продана тысяча таких квартир.

В "Литературной газете" за 18 июля 1990 г. напечатано интервью-разговор с Николаем Шмелевым. Шмелев — популярный экономист, народный депутат, писатель.

Шмелев — о сельском хозяйстве Соединенных Штатов Америки: "В Америке 2 миллиона фермеров всего, а у нас только начальников профессиональных в деревне в полтора раза больше".

Шмелев — о социальных сдвигах, которые, по его мнению, вызовет введение рынка (хотя в нижеследующей цитате нет прямой ссылки на Запад, я позволил себе процитировать и прокомментировать ее, ибо Шмелев "прописывает" советской экономике лекарство западного происхождения — образование "маленьких работ"): "Рынок через несколько лет каждого четвертого л и ш н е г о высвободит. Это от 30 до 40 миллионов потенциальных безработных. Их надо занять. И в этой ситуации нельзя пренебрегать любой возможностью. Человек открывает свой газетный киоск, магазин, мастерскую — ничто не должно отвергаться, что может рассосать эту чудовищную социальную проблему, чреватую взрывом. Если эти люди будут заняты хотя бы у Ивана Ивановича на предприятии, они на улицу громить не пойдут. Это аргумент самой

циничной целесообразности, никакой идеологии, только целесообразность".

В Соединенных Штатах Америки, да будет известно экономисту Шмелеву, ТРИ МИЛЛИОНА ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ. Два миллиона крупных хозяйств и миллион средних и мелких фермерских хозяйств. Цифра не велика, спору нет, но в каждом хозяйстве, разумеется, не одна пара рабочих рук. В крупных, я предполагаю, пять—десять пар рук в каждом, в средних и мелких — три—пять пар рабочих рук. Сосчитайте, сколько это будет в общей сложности миллионов занятых в американском сельском хозяйстве. Кроме того, существует целая армия наемных сезонных рабочих, и профсоюз Цезаря Шавеса нашумел в свое время в Калифорнии немало. Не учитывать труд сезонных рабочих было бы несправедливо. Парадоксальным образом отдельные отрасли сельского хозяйства Соединенных Штатов субсидируются государством, в частности, получают субсидии производители зерновых, пшеницы, продаваемой в Советский Союз. Никогда не кончающаяся ссора между США и Европейским экономическим сообществом происходит именно по поводу субсидий. Европейцы указывают на то, что американские фермеры, пользуясь государственными субсидиями, нарушают равновесие свободной мировой сельскохозяйственной конкуренции... Для того чтобы знать все это, не нужно быть экономистом. Но с удивительной постоянностью цифра два (или вариация: три) миллиона ФЕРМЕРОВ слетает с губ советских лидеров, бездумно брошенная в обращение некомпетентными и неосведомленными (или нечестными) людьми. И советские люди диву даются, вот американец какой работник, ТРИ миллиона кормят всю Америку! Не три, а все пятнадцать или больше. Однако экономисту стыдно пользоваться непроверенными цифрами. К тому же чтобы узнать истину, достаточно заглянуть в хороший энциклопедический словарь, французский или английский. Смотреть: СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ, сельское хозяйство.

О шмелевском способе лечения ожидающейся в СССР безработицы. В течение многих десятков лет уже (с перерывом на войну) безработица является неотъемлемым (и необходимым) злом капиталистических стран. Избавиться хотя бы от части безработных — мечта политических деятелей всех окрасок. Во Франции радостными криками встречаются снижения безработицы даже на десятые и сотые доли процента (таковые случаются чаще всего в результате сезонных колебаний). Даже если

вдруг в стране оказалось на 20 тыс. меньше безработных, политическая партия у власти ликует, а оппозиция грустнеет. Однако около 3 млн зарегистрированных безработных (существуют различные способы их подсчета, потому "около") есть постоянная цифра. То есть около 10% работоспособного населения. Ибо содержание десяти процентов трудоспособного населения на диете пособия по безработице есть необходимое условие процветания для остальных 90%. Во Францию занесена была в середине 80-х годов из США мода на "маленькие работы". В эту категорию как раз и могут быть помещены "газетный киоск, ремонтная мастерская, магазин (небольшой)", прописанные Шмелевым как лекарства против "чудовищной социальной проблемы, чреватой взрывом". Но сторонники "маленьких работ" во Франции, немногочисленные, кстати сказать, не возлагали на это лекарство никаких чудодейственных задач. Речь шла о том, чтобы трудоустроить небольшое количество, сколько удастся, безработных. И трудоустроить их внутри мощной экономики. Здоровой экономики. Но даже эта попытка не удалась, и "маленькие работы" исчезли из обихода политиков и экономистов. Предлагать же трудоустроить на "маленькие работы" 30—40 млн (!), не имеющих ни опыта, ни привычки к проявлению частной инициативы, вернее, предлагать им самим трудоустроиться в развалинах советской экономики есть детский лепет, бредни ребенка, а не слова экономиста. (Даже если Шмелев не придает своим интервью никакого значения.)

Если "каждого четвертого... рынок выбросит... лишнего", то "они на улицу громить" пойдут и будут правы. Ибо человеку свойственно защищать благосостояние своей семьи, хлеб для своих детей. Проектируя антиколлективизацию, логически следовало предположить, что она окажется не менее болезненной для организма народа, чем коллективизация. Ведь речь идет о смене психологии, поведения, образа жизни многих десятков миллионов людей. Вызвавшись быть поводырями народными, новым лидерам разумно предвидеть риск быть побитыми. Кажется, они его предчувствуют и боятся.

Новых лидеров много. Сотни министров, многие тысячи депутатов всяких рангов. Многие высказываются о Западе, приводя его примером для подражания. Шумно известен глазной хирург, удачливый советский капиталист Святослав Федоров. Посмотрим, что говорит он. Интервью в газете-дайджест "24 Часа" (август 1990. № 32) перепечатано из брестской газеты "Заря". Интервью чрезвычайно интересно для исследо-

вателя психологии советского капиталиста. Федоров недоволен своими соотечественниками: "Очень многие из нас совершенно не хотят работать. Таких людей у нас не менее 40—50 миллионов... Государство наше готово прокормить 40 миллионов лентяев..."

Соблазнительно для меня поговорить об этих "лентяях", но я вынужден ограничиться заданной темой — ЗАПАД глазами советских обожателей. Федоров противопоставляет советскому народу с 40—50 млн "лентяев" даже и не Запад, но озападненный Ближний Восток.

Федоров: "Вот я вернулся из Объединенных Арабских Эмиратов. Из тех самых, которые еще двадцать лет назад все жили в глинобитных домах, где не было электрической лампочки, и которые были известны своими овцами и верблюдами. *У них нет ни нефти, ни газа — ничего по сравнению с нашими богатствами...* (запомни эту фразу, читатель! — *Э. Л.*). И вот сегодня в этих эмиратах на душу населения приходится 30 тысяч долларов в год, что выше уровня самой Америки. Рецепт прост. Оказывается, шейх поставил простое условие: 4 процента доходов мне, остальное — делайте что хотите. При этом снял все ограничения — всевозможные пошлины и налоги. В итоге в стране произошел всплеск инициативы, пышным цветом расцвела торговля, и страна преобразовалась за каких-то два десятилетия. Иными словами, шейх поверил в своих людей".

"Какой хороший шейх! Какая хорошая сказка! В этой сказке не хватает только джинна!" — воскликнул я и обратился к энциклопедическому словарю "Роберт", дабы убедиться, что Святославу Федорову либо плохо перевели с какого-то языка на русский, либо он сам что-то напутал, потому что я твердо знаю, что Объединенные Эмираты входят в Организацию нефтеэкспортирующих стран.

"Эмираты Арабские Объединенные, — сказал мне спокойно словарь на с. 583, — федеральное государство, объединяющее семь принципатов Персидского залива, провозглашено в 1971 г. Население — 1 621 000 (на 1985 г.). Это одна из богатейших зон мира. *Экономика ее покоится ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА НЕФТИ* (резерв — 13 385 000 000 тонн, то есть около 10% мировых резервов). Производство нефти в 1987 г. — 73 000 000 тонн, доход на душу населения — 15 680 американских долларов". В таких случаях приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Однако я сказал себе, что у каждой сказки должен быть прототип, и попытался

дедуктивным методом Шерлока Холмса вычислить шейха. Шейхов в Объединенных Эмиратах семеро. Верховным шейхом обыкновенно избирается шейх Абу-Даби. В числе моей справочной литературы есть книга Питера Мэнсфилда "Арабы". Я углубился в статью об Арабских Эмиратах и не мог оторваться, так интересно. Оказалось, на протяжении многих столетий и вплоть до недавнего времени ИХ часть Персидского залива называли Пиратским берегом (что безошибочно свидетельствует о нравах населения). До того как в Абу-Даби (в 1960 г.) и затем в Дубай (в 1966 г.) была обнаружена нефть, эмиры Пиратского берега добывали себе экономическое процветание... контролируя организованную контрабанду. На небольших парусных судах переправляли (в основном) золото и слоновую кость в Индию и Восточную Азию. Избегая, разумеется, патрулирующих берега когда-то английских, а позднее (после независимости) индийских и пакистанских таможенников. Переправка золота из Европы в Азию и сейчас остается важной статьей дохода, в частности, принципата Дубай благодаря его географическому положению (взгляните на карту). И контрабандная переправка золота осталась по-прежнему в моде. Большая часть денег многочисленных индийских эмигрантов в Британии, отправляемая семьям в Индию, пересекает границы в виде золота нелегально непременно через Дубай. (Индия — самый крупный экспортер золота в мире. Традиция заставляет даже самых бедных иметь хотя бы одно ювелирное изделие из золота.)

Получается, сказочных глупостей наговорил Святослав Федоров. Что касается энергичного шейха, то, сверившись с еще парой источников, я позволю себе предположить, что Федорову кто-то рассказал об эмире Дубая—Рашиде (стал регентом Дубая в 1939 г.). Старый Рашид (по всей вероятности, он уже умер, мир его праху. Последний источник отмечает его живым в 1976 г.) был действительно выдающимся шейхом, но несколько иного рода, чем федоровский "шейх, поверивший в своих людей". Он был выдающимся спекулянтом и своего рода гением купли-продажи. Рашид спекулировал всем, от швейцарских часов (крошечный Дубай был при нем вторым по значению экспортером швейцарских часов в мире!) до бетонных блоков для строительства мостов. Рашид же построил первый в эмиратах аэропорт и нажился на этом. Все это интересно, но без обнаружения 10% мировых резервов нефти скучные пески эти так бы и оставались Пиратским берегом.

Вот так ездят за границу советские капиталисты. И говорят о ней сказочные глупости. Но не отлучающиеся за границу советские простые граждане также говорят глупости о загранице. И чудовищные.

Анатолий Григорьев (Павлоград). Шахтер-проходчик. (Московские новости. 1990. № 29. 22 июля): "Наши требования — политические, в первую очередь отставка союзного правительства. В цивилизованных странах в таких случаях правительство, не задерживаясь, выходит в отставку".

Чепуха, Анатолий Григорьев. Приведу в пример самую знаменитую, самую массовую (500 000 бастующих), самую длительную (около года) забастовку английских шахтеров во главе с А. Скаргиллом в 1984—1985 гг. Правительство, пресса и даже общественное мнение были настроены к шахтерам враждебно. Самого Скаргилла сравнивали то со Сталиным, то с Гитлером. "Медия" изображала шахтеров едва ли не агентами мирового коммунизма (что заставило А. Скаргилла сказать на телевидении: "Или вы репортируете то, что действительно происходит, или принимаете на себя неизбежность продолжать вызывать у шахтеров ненависть и недоверие"). Причиной забастовки явилась объявленная правительством предполагавшаяся реструктаризация угольной промышленности — закрытие множества шахт, то есть прямая потеря работы десятков тысяч шахтеров. За год неравной борьбы шахтеры были буквально заморены голодом и доведены до состояния, когда они уже не могли сопротивляться (цивилизованное правительство мадам Тэтчер сумело путем юридических маневров наложить арест на финансовые фонды шахтерского профсоюза). Мстительное правительство "цивилизованной страны" не только не подумало уйти в отставку, но потребовало от шахтеров дополнительных унижений, когда они, обессилев, стали искать пути к окончанию забастовки. Цитирую журнал "Нью Стэйтсмэн" за 15 февраля 1985 г., колонка редактора. Подчеркнув "автократические манеры правительства Тэтчер", редактор продолжает: "...это подкрепляет чувство, начинающее находить отражение и в публичных опросах мнения, что *настаивание мадам Тэтчер на безоговорочной и унизительной капитуляции в письменном виде* от Национального юниона шахтеров до того, как она позволит "Совету Угля" вступить в переговоры без условий о прекращении забастовки шахтеров, *продиктовано исключительно местью*". Анатолию Григорьеву будет интересно узнать мнение Совета Церквей Уэллса (шахтеров Уэллса называют "шоковыми войсками" английского пролетариата) о важных причинах,

по которым правительство решило уничтожить часть угольной промышленности. Это (цитирую "Коммюнике Совета Церквей Уэллса" за январь 1985 г.) "капризы и прихоти недисциплинированной системы свободного рынка".

После разгрома, нанесенного мадам Тэтчер профсоюзу шахтеров, рабочее движение Великобритании находится в состоянии квазисредневековом. Что касается политических требований, то ни один профсоюз Европы или Америки и не заикается о политических требованиях со времен предвоенных (второй мировой) или в лучшем случае, как во Франции, послевоенных.

Шахтер-проходчик Григорьев вряд ли бывал за границей. Но, по всей вероятности, он не избег радио-, теле- и пресс-интервью Собчака, Шмелева, Федорова и сотен других боссов перестройки. Запад-сказка, Запад, где текут молочные реки с кисельными берегами... Таким он безусловно видится из окон дорогих отелей, где обыкновенно помещают радушные гости парламентские советские делегации. Я, живущий на Западе 16 лет, прошедший через безработицу, сменивший тринадцать профессий, не узнаю СВОЙ ЗАПАД в советских сказках о нем.

Вместо того чтобы тратить валюту и бумагу на публикацию многотомной антологии русской литературы эмигранта Эткинда (куплена издательством "Прогресс" у французского издательства "Файард"), вместо того чтобы издавать, отряхивая от пыли ветхого и второсортного Бердяева, советские издатели попытались бы хоть чуть-чуть развеять сказки о развесистых клюквах Запада. Следует срочно напечатать хотя бы несколько десятков современных книг, дабы включить советского человека в современность. Вот на моем столе лежат несколько. Рекомендую. Боб Вудвард (тот самый, журналист "Уотэргейта") — "*Вуаль — секретные войны ЦРУ*". Прекрасное пособие для тех, кто хочет понять, кем и как управляются США. Ги Деборд — "*Общество Спектакля*" и его же "*Комментарии к обществу спектакля*" — великолепный анализ современного западного общества. Барбара Гарсон — "*Электронный потогонный цех*" (как компьютеры трансформируют кабинет будущего в фабрику прошлого). Дабы советские люди знали хотя бы, в какое будущее зовут их Собчак, Шмелев, Федоров и другие.

Советская Россия. 1990. 2 ноября

БРАТ БОГАТЫЙ НАШ, КАЛЬВИН...

Противники установления капитализма в СССР могут успокоиться. Не будет у вас капитализма. В СССР, казалось бы, есть все для его возникновения: богатейшие (еще) природные ресурсы, рабочая сила, желание, есть проекты построения. Однако мечты о советском капитализме утопичны.

На бумаге все выглядит возможным. Освобожденный во всех отношениях советский народ радостно бросается извлекать прибыль из своих свобод. Побуждаемый (он ведь себе не враг!) соревновательным духом свободного рынка, он создаст (упорным трудом, разумеется, никто не ожидает легкой победы) в СССР а ля западный мир: продуктивные, конкурентоспособные фабрики, а в области агрокультуры — продуктивные частные фермы. Кучка фермеров, вооруженная современными средствами производства, станет кормить три сотни миллионов граждан!

Я не стану ввязываться в ваши драки, обвинять и критиковать. Я попытаюсь подойти к проблеме с другой стороны, выяснить не кто виноват, но почему. В 1990 г. ясно уже, что где-то в расчеты экономистов, и сторонников полного капитализма, и тех, кто выступает за различные варианты смешения его с госконтролем, вкралась ошибка. Трудности (и большие) предвиделись и ожидались, но не ожидалось апатичного поведения русского и других народов СССР. За исключением, может быть, прибалтийских народов, новые экономические свободы не вызывают энтузиазма, никто не вырывает их из рук государства. За несколько лет лишь ничтожные проценты национального продукта СССР (главным образом, в сфере обслуживания) созданы "капиталистическим" способом. Почему?

В своих выкладках теоретики-экономисты — сторонники свободного рынка не учли один элемент, между тем самый важный: Human Factor. Не учли национальный характер тех, кто будет осуществлять их экономические маневры, не учли национальный характер народов Советского Союза, и в частности самого многочисленного из них — русского. Понятно, что в эпоху обожествления ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ЭКОНОМИКИ "национальный характер" — понятие немодное, выглядит устарелым, как мамонт, однако именно он препятствует и будет препятствовать не только возникновению капитализма в полном смысле этого слова, но и многим более умеренным экономическим реформам. Советский человек не будет работать так результативно, как работает европейский.

Между тем возможно было предвидеть эту апатию. Дело в том, что в национальных характерах народов, составляющих ныне Советский Союз, а некогда Российскую империю, не хватает мотивировки, сильного побуждения к прибыли, к ее сохранению и приумножению. Искать причину этого отсутствия мотивировки следует не в соседних с нами эпохах сталинизма и застоя, но следует спуститься за объяснением куда глубже в прошлое, во времена первых русских государств-княжеств, к крещению Руси и к вторжениям половцев и монголов; именно тогда складывался характер русского народа. Ибо характер всякого народа складывается чрезвычайно медленно на протяжении столетий и изменяется не скоро и не сразу. Складывается же характер народов под влиянием климата, географического положения, его соседств, под влиянием его — особой у всякого народа — истории и (что очень важно) обусловливается в большой степени его РЕЛИГИЕЙ. Всякая религия — это не только и не столько вера в сверхъестественное начало жизни на Земле, в Творца, но каждая религия дает личности и народу, исповедующему ее, кодекс поведения, в известном смысле каждая религия есть устав поведения. (По уставу этому живут и атеисты — потомки атеистов.) Семьдесят лет Советской власти — большой срок для истории 20 в., однако эта власть не смогла изменить самые основы характера русского народа и других народов, входящих в состав СССР (средневековая взаимная враждебность армян и азербайджанцев — одно из доказательств).

Но вернемся к капитализму. Общеизвестно, что первый примитивный капитализм возник в протестантских странах (в Голландии, Швейцарии и Германии, позже в Англии и в американской Новой Англии). Почему так случилось, что именно в протестантских? Заглянем ненадолго в историю протестантизма. Это религиозное течение возникло в начале 16 в., вероятнее всего, как религиозно-социальная консервативная реакция на новый "бич божий" — СИФИЛИС, завезенный в конце 15 в. из Америки и свирепствовавший тогда в Европе. (Писатель Д. Лоуренс был одним из первых сторонников этой теории возникновения протестантизма.) Во всех своих формах протестантизм включает в себя сильнейшую пуританскую струю, куда более могучую, нежели католицизм (исключая монашеские ордена). В католицизме аскетизм практиковался исключительно монахами, в то время как для мирянина само наличие веры считалось важнее, чем поведение. Институция исповеди, покаяния в грехах позволяла католику жить одно-

временно во грехе (вечно обновляемом исповедью) и в истинной вере.

Протестантские церкви отменили (за исключением одной ветви англиканской церкви) покаяние через исповедь. И тем самым не оставили верующему возможности избежать вины и вечного проклятия. Протестантизм также уравнял грешников обоего пола, в то время как католицизм всегда рассматривал грехи мужчины как менее серьезные. В сравнении с политикой католицизма (унаследованной от средневековой церкви) протестантизм, кальвинизм к примеру, расширил экономическую свободу верующего, в то же самое время сузив его сексуальную свободу (не забывайте, что сифилис свирепствовал в Европе, как сотни СПИДов!). Основатель кальвинизма Жан Кальвин не ввел новых запрещений, но принудил верующих строго соблюдать старые библейские запреты на внебрачные совокупления и адюльтер. Одновременно Кальвин отменил в своей церкви запрещения средневековой церкви на ростовщичество (то есть заем с выплатой процентов), убрал осуждение высоких прибылей и капитала из списка греховных деяний.

Энгельс определял кальвинизм как религию торговцев, базирующуюся на идолопоклонничестве экономности (или скупости, если хотите). Исчерпывающую же характеристику связи между пуританизмом протестантизма и зарождением капитализма дал Макс Вебер. "Величайшая оригинальность пуританских вариантов протестантизма состоит в *аскетизации частного мира* верующего, каковая аскетизация внушает ему необходимость упорной работы и умеренности, независимо от финансового успеха. Подобная этика естественным образом стимулирует накопление капитала и его вложения в продуктивные средства производства, а не в самодовольную демонстрацию богатств и безудержное потребление предметов роскоши. Разумно предположить, что роды, поддерживающие подобные нравы на протяжении поколений, будут лучше приспособлены к строительству семейных фирм, чем люди менее сурового склада ума, и имеют больше шансов победить в экономическом соревновании. Было бы странным, если бы страны со множеством подобных людей не развились капиталистически быстрее, нежели страны, где их немного".

Следовательно, изначально эта религия направляла голландца, немца, англичанина, американца, квакера и адвентиста к упорному труду и накоплению капитала. Потому закономерно, что капитализм пришел в южные, католические страны много позднее. (Удивившая даже Запад своим скорым раз-

витием Япония обязана им сильнейшему фундаменту *синтоизма)*.

Характер русского человека в течение тысячелетия подвергался влиянию византийского христианства. Византизм был (и остался) "отсталой" в известном смысле разновидностью христианства. У него свои особенности. Византизм — куда более коллективистская, общинная религия даже в сравнении с католицизмом, не говоря уже о протестантстве. Русская ортодоксальная церковь, к примеру, не знает институции индивидуального покаяния в грехах (возможно исповедаться "духовнику", но это не является обязательным), но практикует обряд коллективного покаяния, исповедания всем миром. Поп отпускает грехи всем сразу, общине верующих. Что ж удивляться, что традиционно занижена в характере русского человека личная ответственность! Этика поведения, диктуемая этой дряхлой ветвью христианства русскому человеку, была в лучшем случае средневековой, а то и соответствовала катакомбному периоду истории церкви. В то время как протестантизм поощрял деловую деятельность верующих, византизм сообщал русскому человеку христианское разочарование во всем земном. Византийский идеал отрицает всякое благоденствие на земле, не имеет западного преувеличенного понятия о земной личности человеческой и верит в блаженство не здесь, а там, в Царствии Небесном. Добавьте к этому то обстоятельство, что русский византизм еще во младенчестве был подчинен и присвоен вначале сильными князьями, а позднее самодержцами всея Руси для их целей.

Восточная, в сущности, даже не греческая, но, точнее, малоазийская церковь, влияя тысячелетие на русских, обазиатила их вернее, чем татаро-монголы. (Русский созерцателен, он по-восточному фаталист и т. д., дополните сами.) Составить точный реестр черт национального характера русского человека с исчерпывающим объяснением их возникновения, разумеется, невозможно. Но возможно предположить, что, помимо византизма, очень сформировала его характер привычка к жизни "миром". Традиционно русская земельная община, МИР, общественное владение землей сделали русских эгалитарными коллективистами за множество столетий до появления социалистического строя. (Вот почему сегодня среди антикоммунистических лозунгов шахтеров мы обнаруживаем вполне примитивно-коммунистический "ЕСЛИ МЯСО — ТО ДЛЯ ВСЕХ!".) Многовековая нестабильность жизни, постоянная опасность набегов кочевников (половцев и татар, с 9-го по

самый еще 17 в.! В то время как Европа пережила последние нашествия варваров-скандинавов в 9—11 вв.) не способствовала развитию в характере русского человека таких черт, как стремление к накоплению капитала или капиталовложения в средства производства. Скорее способствовала развитию именно противоположных качеств — "самодовольной демонстрации богатства и безудержному потреблению предметов роскоши".

Как уже было сказано, национальный характер создается и меняется чрезвычайно медленно. Нет никаких оснований предполагать, что национальный характер народов СССР[1] (и русской нации в первую очередь) изменится быстро и скоро, дабы выручить попавших в беду экономистов-реформаторов. Да, возможно в конце концов реорганизовать советскую экономику более продуктивным способом, поскрести здесь и там, уменьшить бюрократию, повысить производительность новой техники. (Но управлять новой техникой будет русский человек с той же ментальностью, что проклинал царя-антихриста Петра, пусть и одетый в новенькие немецкие джинсы.) Постепенно, да, экономика станет работать лучше. Но так, как "у НИХ там", на Западе — в Голландии, в Германии, в Америке, — не будет. Не следует надрывать пуповину всему народу, пытаясь во что бы то ни стало добиться от него того, на что он неспособен.

Да-да, неспособен. Русский народ — великий и талантливый народ, он способен на подвиги в войне, на сентиментальные подвиги великодушия, на благородство и самопожертвование, но медленное накопление — не его чашка чая. Не случайно так ненормально обширен в русском фольклоре цикл сказок об Иване-дураке. Вспомним скелет сказки. Иван — младший сын в крестьянской семье, сын непутевый, ленивый. В отличие от старших сыновей-тружеников, он предпочитает целый день валяться на печи. Однажды зимой он вынужден отправиться за водой к проруби. Зачерпнув воды, Иван обнаруживает в ведре щуку. Дальше вы знаете... Царская дочь, полцарства, все удовольствия...

Не случайно коллективный автор сказки — русский народ — поместил щуку в ведро дурачка и лодыря. Не в ведра работящих сыновей, хотя, несомненно, они чаще ходили за

---

[1] Я не говорю здесь о народах, сформировавшихся под влиянием мусульманства из-за недостатка места в газетной статье. Первоначально это было моим намерением.

водой, чем лодырь. (Иван еще и не желает идти к счастливому случаю. На улице холод, а на печи тепло. Мать выталкивает его.) Сказка, в сущности, народное желание, воспевает, как видим, не работников (старших сыновей, фермеров, фабрикантов, это об их появлении на Руси грезят экономисты; сказка даже не удостаивает имен), не планомерно, пóтом и усилиями пуританское накопление богатства и благосостояния, но магическое скоробогатство. Вышел, зачерпнул, а братья будут всю жизнь трудиться и станут только зажиточными крестьянами. Восхищенно описывается сказкой анархическая наглость Ивана. Когда царь, прослышав об Иване, посылает за ним карету и придворных, старшие сыновья бледнеют от ужаса, а Иван, зевая, отсылает придворных и, лишь выспавшись, приказывает печи: "По щучьему велению, отправляйся к царю во дворец!" ("И множество народу Иванова печь подавила", замечает безжалостная сказка, скорее довольная давкой народа.) Русский человек желает жить, "как у них там", но старших братьев Ивана он презирает.

Ошибочно думать, будто бы это "Советская власть отучила русского человека от работы". (Она, напротив, заманивала его в труд всеми возможными способами, расхваливая труд, как "дело чести, доблести и геройства".) Злой и очень неглупый Иван Бунин написал однажды верно и наблюдательно: "Почему немецкий крестьянин на своем ограниченном участке земли возделывает землю в пух и снимает с нее жирные урожаи, в то время как русский мужик, выйдя на край своего обширного поля, с завистью зарится на соседнее поле помещика, мечтая отнять его. Мне бы эту землю, я бы..."

Увы, и сегодня русский с завистью глядит на чужое поле брата своего, потомка Кальвина. Отнимать его он не хочет, да и не может, если бы и хотел. Зависть его, к сожалению, разделяется и поощряется сверху. И политическими деятелями, и восторженными экономистами. Однако разумна ли эта зависть? Разумно ли провоцировать советского человека к имитированию чужих импульсов и побуждений? Напрягая жилы, стоит ли гнаться сегодня за миражем свободного рынка и экономического процветания? (Да и что считать "процветанием"?) Ведь семьдесят лет бежали за миражем коммунистического общества... Может быть, каждому народу стоит жить согласно его силам и возможностям? (Рискую я робко спросить, уже предвидя, как на мое "реакционное" сомнение набрасываются, подобно некогда комсомольцам, прогрессисты.) Признаюсь, что для меня страсть к производству (даже если

сегодня это модная страсть) и способность того или иного народа к бездумному труду (часто неинтересному и монотонному) не есть черты национального характера, достойные восхищения. Я не считаю русский национальный характер — несомненно более созерцательный, чем общеевропейский, — ущербным. Более того, в нем присутствует некая вневременная мудрость. Европейцы же суетны и механичны. (Извините, но это так. Я живу среди них 16 лет. И кроме меня, это заметили Герцен, Бакунин...)

К тому же человечество сегодня узнает все больше катастрофических подробностей о цене, которую, оказывается, мы уже полстолетия платим за обожаемые "развитие" и "прогресс". Если в рабовладельческом обществе объектом эксплуатации служили рабы, в индустриальном — пролетарии и машины, то сегодня человек безжалостно эксплуатирует планету. Есть все основания утверждать, что протестантская мораль 16 в., поощряющая производство и умножение капитала (выродившаяся в современную мораль производства-потребления), необратимо разрушает нашу старушку-планету. (Внутреннее море, омывающее берега самых развитых пуританских стран, Северное море, — уже ядовитая лужа.) Пуританская этика вредна сегодня. В нынешней ситуации истеричные и безответственные призывы Запада к нелимитированному экономическому развитию *слаборазвитых* (в самом термине уже презрение!) стран звучат как подстрекательство к преступлению против планеты. И тем самым против человечества, ибо планета наша общая, единственная собственность. К тому же, где предел прогрессу? Что, если образ жизни слаборазвитых стран (не тех, где умирают с голоду, разумеется) есть нормальный способ существования человека, а уровень жизни, достигнутый в Европе и Северной Америке, — вредная и временная роскошь, своего рода пагубное заблуждение? Следствие неумеренной жадности? Сожалительно, что Советский Союз пытается приобщиться к этике безжалостного производства-потребления так поздно, когда некоторые страны если не отказываются еще от нее, то по меньшей мере уже сомневаются в ней. (Полезно вспомнить, что русские реализовали в 1917 г. другую европейскую идею — "пролетарской революции" — в момент, когда она стала выходить из моды в Европе.) Однако верно и то, что давление на советских руководителей завистливых человеческих масс, желающих жить, *"как у них там"*, сделалось к середине 80-х годов чудовищно велико.

Вот, скажет читатель, наговорил Лимонов: "Византизм, сказка об Иване-дураке, Кальвин, сифилис... Да русская молодежь живет в эпоху рок-н-ролла и наркотиков, а ты нам о старых временах..." Но даже в том, что русский рок-н-ролл постоянно сбивается в юродствование (это так, понаблюдайте!), я вижу доказательство того, насколько неуничтожим русский национальный характер.

Собеседник. 1990. № 45.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В ПАДАЮЩЕМ ЛИФТЕ

В 60-е годы вышедшая на социальную сцену впервые (через Самиздат) диссидентская мысль показалась советскому обществу привлекательной, новой, свежей и революционной. Два ее основных потока представлены были западником А. Сахаровым и традиционалистом А. Солженицыным. Сегодня, четверть века спустя, мы, современники, неожиданно получили возможность увидеть диссидентскую мысль, прекраснодушные и гуманистические проекты воплотившимися в реальность или близкими к осуществлению. Если сахаровская мысль вот уже несколько лет представлена в политике радикализмом крайних западников — членов Межрегиональной депутатской группы, то равный Сахарову по влиянию на советские умы вермонтский затворник до сих пор воздерживался от высылки проектов, гипотез и предложений. Но вот последний козырный туз диссидентской мысли 60-х годов выложен на стол. Брошюра "Как нам обустроить Россию?" опубликована в советских газетах.

И... Гора родила Мышь. Ветхий завет этот, спущенный наконец с вермонтских высот старцем, прибыл по адресу с опозданием на 73 года и шесть месяцев. Это к вашим прадедам и юным дедам февраля 1917 г. адресовано послание, советские люди. Странно спокойное, старомодное сочинение "Как нам обустроить Россию?" (автором его мог бы быть студент учительских краткосрочных курсов выпуска, скажем, 1906 г.) исходит из достаточно безумного основного положения, что возможно пропустить 73 года и шесть месяцев в истории советского народа, сделав вид, что они не случились. Написанное на раздражающем жаргоне словарей Ожегова и Даля творение смахивает на пародию, как если бы очень ядовитый насмешник, скажем Гоголь, взял бы и написал пародию на социальное сочинение. (Впрочем, сам Гоголь, вспом-

ним, не удержался от "Избранных мест из переписки с друзьями".) Признаюсь, мне было стыдно читать "Как нам обустроить Россию?". А еще стыднее было думать, что брошюру неизбежно переведут на иностранные языки, и другие народы увидят, до чего же мы (то есть часть стыда достанется и на мою личную долю), русские, нелепы.

Солженицын нелеп в своем последнем сочинении, как кокетливая пожилая мещанка, решившаяся наконец выйти в свет. Надушившись крепко старыми духами, надев наряды, которые давно уже никто не носит, густо напудренная, сидит она, вытянувшись в креслах. Слывущую умной, ее только и спросили походя: "А как вы думаете?..", а она уж с видимым удовольствием пустилась учить жить, закатила речь в деталях. Долго и занудно, поджимая губы, с ложной скромностью все время напоминая, что это "посильные соображения", Солженицын посвящает нас в детали своего мировоззрения провинциального библиотекаря на пенсии. (Подобные проекты в еще более отдаленные времена отставные дьяки опускали царю в долгий ящик. "Докладная записка о наиразумнейшем переустроительстве Великыя и Малыя и Белыя Руси с присущими им народцами...") Перелистайте брошюру: "...и наконец — *наималейшие народности*: ненцы, пермяки, эвенки, манси, ханты, хакасцы, чукчи, коряки...", "а до каких пор и зачем нам *выдувать* все новые, новые виды наступательного оружия? Да всеокеанский военный флот?" "и атеистическое вдалбливание должно быть прекращено немедленно...", "...наша обделенная молодежь: западная дурит от сытости, а наша в нищете бездумно перехватывает их забавы...", "у прежних русских купцов было купеческое слово...", "я полагаю, что "советы депутатов" надо шаг за шагом, снизу вверх, заменить земской системой...", "и как ни жжет сегодняшнее — о нашем будущем устройстве все же нужно думать загодя. Мне же и возраст мой не дает уверенности, что я еще буду участвовать в обсуждении этих вопросов". (При этих словах воображенная мной мещанка должна прикрыть припудренный нос старым веером и стрельнуть глазами.)

Солженицын знает, что неприлично ругать пригласившую его хозяйку салона, однако он не отказал себе в удовольствии несколько раз пнуть носком туфли под столом "шумливую перестройку" и "столичную" интеллигенцию, обозвав ее длинно "рождаемая современной состязательной публичностью интеллектуальная псевдоэлита", которая "подвергает осмеянию абсолютность понятий Добра и Зла".

— Дорогой дедушка, — хочется сказать. — Твои неспешные многотрудные старомодные советы неуместны и даже кощунственны в ситуации, когда объект "обустраивания" — Россия несется со всем населением, как сорвавшийся с самого верха небоскреба лифт. А ты выглядываешь, чопорный дедушка, из вермонтского окошка сверху и бубнишь в шахту лифта на жаргоне голливудского мужика про *затратный процесс, прозор будущего*, о том, как меблировать этот самый лифт по образцу 1913 г. "Я полагаю, что надо шаг за шагом, снизу вверх, заменить..." Ты бредишь, старик, десять минут осталось до гибели, какие "шаг за шагом"!..

Ты бы спустился бы в эту самую Россию, в несущийся лифт. За семнадцать лет твоего отсутствия там все по-прежнему стоит не на месте. Но, конечно, тебе, важному лауреату, неудобно, как простым смертным. Тебе нужно, чтоб извинились, покаялись, ОСОБО ПОКАЯЛИСЬ и ОСОБО ПРИГЛАСИЛИ, красный ковер и все такое прочее. Однако выигрывая в комфорте и уважении, всегда проигрываешь в прямом личном знании и понимании. Ты бы проехал в ледяном плацкартном вагоне ночь по этой России, сбривши бороду и замаскировавшись, вот и узнал бы, какова она в 1990 г. И все понял бы. Ты ведь умный, только застоявшийся... Беда с великими людьми в том, что, став великими, они перестают общаться лично с реальностью, с живыми смертными. Совершая за реальными (или психологическими) заборами вермонтских усадеб великие труды, великие люди склонны к созданию вокруг себя постоянной вечности. А маленькие люди, увы, живут в современности, им, народу, в вечность пропуска нет. Календарь какого года висит над твоим столом, дедушка?

Однако прислушавшись и присмотревшись к тому, что происходит в самом стремительно падающем лифте, с удивлением обнаруживаешь, что занятия команды и пассажиров так же абсурдны и неуместны, как и советы извне вермонтского старца. Разве время сейчас для экономического эксперимента или (если продолжить и развернуть метафору) для радикальной перестройки всего корпуса лифта, находящегося в свободном полете? Россия — сорвавшийся, держащийся на нескольких последних тросах лифт, все набирающий ускорение. Главное — остановить его, пока он не расшибся вхрясть со всем многонациональным многомиллионным содержимым: лесами и пашнями, приватизированными или нет, со всеми немцами, коряками, русскими — ХРЯСТЬ! Проблема интерьера, мебели, обоев, вешать иконы или нет — потом. Никто не против

и рынка (или полурынка), или кто хочет — берет землю, а кто не хочет — пусть живет колхозом; но падающий вниз отвесно лифт не разбирают, не ремонтируют. Это самоубийство.

Почему лифт сорвался? Новая команда думала, что управлять им можно как угодно. Здесь нажал кнопку, там — кнопку, что угодно исполним, как на рояле. Было ой как легко диссидентам в 60-е годы безответственно кричать, что коммунисты загубили Россию, проклинать тоталитарный режим. И вот, пожалуйста, — приборная доска, кнопки, все или почти все, несколько лет уже под руками если не самих вождей диссидентства 60-х годов, то под руками их последователей, учеников, обожателей и подражателей. Правьте страной, народные депутаты, новые министры, гениальные экономисты. И что же? Оказалось, что руководить государством вовсе не просто. Необходимо умение, талант и опыт вождения. Недостаточно иметь идеи. И даже вредно иметь много идей. В первые же годы наперестраивали, сломали и отрезали слишком многое и слишком быстро. Не все оказалось можно и нужно перестраивать. Оказалось, сваливая статуи Сталина и Брежнева, перестарались, развалили и фундамент под собой, то, на чем стоять НУЖНО лидерам, дабы народ их уважал и слушал. Нарушили преемственность власти. Уничтожили уважение к ней. Гласностью воспользовались вперед других арривисты и демагоги. Демократией широко воспользовались немедленно уголовные преступники. Благонамеренная новая команда руководителей благородно заявила о том, что каждый народ СССР имеет право на самоопределение. Забыв о том, что народов в СССР сто тридцать или больше и что кроме партийных секретарей и пары кинематографистов да писателей у этих народов нет лидеров. Потому, самоопределяясь, народы окажутся слепы. И оказались слепы.

Новые лидеры СССР импортировали Новую Богиню: Демократию. В ЗАПАДНЫХ странах это — мощная девушка высокого роста, решительная и могучая. В СССР демократия оказалась бессильной и беззубой. Годами дистрофичная советская демократия ждала, прежде чем частично подавить национальный бандитизм в Азербайджане, и до сих пор ждет, пока армянский национальный бандитизм утихнет сам. (Да будьте вы независимы, но зачем же резать старух и детей соседей!) Американская же зубастая и агрессивная демократия двинула национальную гвардию в восставшие по всей стране черные гетто, отстреливая повсюду нарушителей закона и порядка, как волков, без колебаний. В одном только детройтс-

ком гетто отстреляли более сорока. Не заботясь нисколько об обвинениях в расизме, но заботясь о стабильности государства. Мобильная американская демократия тотчас передвигает свои авианосцы и морскую пехоту повсюду в мире, готовая отстрелять и иностранных волков. Даже если ей (демократии) только показалось, что ее "жизненно важные интересы" каким-либо образом где-либо затронуты. Пусть даже и за десятки тысяч миль от родных берегов. Почему советская демократия не присвоит себе этот очень демократический принцип: неустанная защита всеми средствами "жизненных интересов советского народа"? И не защищает их всякий раз, когда они в опасности?

Живя во французской демократии, я вижу ежедневно в горячих точках Парижа серые автобусы, наполненные вооруженными автоматами жандармами, готовыми мгновенно вмешаться в любую ситуацию. Жандармерия во Франции подчиняется министерству обороны. По сути дела, французская демократия давно легализировала постоянное присутствие армии на парижских улицах. Советские же обожатели Сахарова и Солженицына, придя к власти, до смерти боятся прослыть тоталитарными.

И лифт несется. И кровь сочится из его национальных углов-окраин.

Самое модное времяпровождение (после рыночных фантазий, разумеется) в падающем лифте — "выходить из КПСС". "Я вышел из КПСС!" — звучит, конечно, гордо. Если поместить такой поступок в 1951 г. В 1990 г. хорошо бы вообще не говорить вслух о таком поступке. И члены КПСС, и бывшие его члены, межрегиональные западники-депутаты, должны бы очнуться и совместно броситься останавливать падение. Кто на крышу лифта — связывать оборванные тросы государственности, кто, вооружившись чем попало, все годится, чтоб остановить лифт, — тормозить оставшиеся еще тросы!

Но нет, куда там. Враждебно поглядывая друг на друга из разных углов, одни (Межрегиональная группа) срочно пишут проекты радикального размонтирования корпуса советского лифта в 500 дней, другие, заметно уставшие (Полозков, затравленные прогрессистами генералы), огрызаются... Занятые друг другом, они игнорируют тот факт, что вокруг вопят от ужаса пассажиры — народ, что лифт несется к гибели.

Только невежеством, полным отсутствием всякого уважения к государственности можно объяснить поведение людей,

столпившихся у приборной доски лифта. Государственность создается долгими веками, это сложный конечный баланс множества исторических сил, с трудом налаженный во имя интересов многих групп населения, как национальных, так и классовых групп. Государственность служит интересам народов прежде всего. Дабы самая мирная и банальная деятельность миллионов людей — работа, семейная жизнь, продолжение рода — могла происходить безбоязненно, защищенная от внешних, чужих врагов и от внутренних волнений. Против "немца" нужна народу государственность, но еще от "бейрутизации" жизни защищает всякое государство своих граждан, защищает тихую часть населения от буйного меньшинства. Лишь государство сплачивает *жителей* в народ. Государство благородно, несмотря на все эксцессы тираний, потому что превращает стадо говорящих животных *в общество.* Механизм русской государственности особенно сложен ввиду рискованного положения России — СССР на стыке двух ментальностей: западной (европейской) и восточной (азиатской). Русская государственность, сильная по необходимости, организующая разные народы сильных темпераментов, сумела спастись и усилиться даже в единоборстве с коммунистической идеологией. Неумелые и неопытные самые новые лидеры, увы, перепутав государственность с идеологией коммунизма, сумели разладить и размонтировать отчасти с таким трудом многими поколениями устроителей и кровью наших предков налаженный ее механизм.

Половина тросов обрезана, и лифт летит в пустоту. Но самые буйные реформаторы продолжают, вглядываясь в оставшиеся тросы и кабели над головой, предлагать "новые идеи". "А зачем нам этот толстый кабель? Такое впечатление, что он ничего не держит. Отрежем, а? Употребим его на что-нибудь другое. Зачем нам армия, если у нас нет врагов? Буш к нам прекрасно расположен. НАТО даже пригласило Горбачева в свою штаб-квартиру в Брюсселе за то, что мы отдали им Восточную Германию".

Притча о падающем лифте и борющихся в нем за место у приборной доски лидерах, разумеется, намеренно упрощает ситуацию. Но я обратился к притче, для того чтобы, упростив ситуацию, уяснить ее. Член КПСС, не член КПСС, выйти, остаться, программа 500 дней или 600 дней, самые модные рецепты внутренней отделки советского лифта сегодня абсурдно неуместны в несущемся к гибели Советском государстве. Они были выносимы в далеком прошлом — несколько лет

назад. Нужно остановить летящее в бездну, навстречу гибели государство всем вместе. И членам КПСС, и противникам КПСС. Стабилизировать лифт. Связать нужные тросы. Дать отдохнуть испуганному населению. Убрать преступников и убийц туда, где им полагается быть. Дать не "счастливое будущее", а простой хлеб в магазины. Успокоить душу народную. А уж потом заниматься реформаторством.

Крушение оземь советской государственности будет страшным для всех его народов, для каждой советской семьи. Даже сейчас, когда лифт задевает порою о стену в падении, кровавые полосы идут по телу его окраинных народов.

Комсомольская правда. 1990 г. 20 октября.

ДУША ИВАНА ИВАНОВА ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ СОЦИАЛИЗМА...

Пока группы столичной буржуазии, вооруженные каждая своим рецептом перестройки экономики, борются за власть... Пока два Совета Министров на одну Москву и несколько команд экспертов апеллируют к народным депутатам: "Мой, мой рецепт самый действенный!", "Нет, от вашего больной рискует умереть, он слишком радикален. Рецепт моей команды — самый лучший!" — население — русский народ и народы республик переживают, предоставленные сами себе, свои процессы. Новые лидеры уверили их в том, что, позволив свершиться "сталинизму", они — самые виновные народы на планете, внушили им комплекс вины и комплекс неполноценности. Коллективная психика населения СССР переживает страшнейший стресс. Советский народ психически болен сегодня.

Наверняка боссы перестройки относят "коллективную психику народа" к той же области, что и гадание по руке, астрология, психоанализ и прочее другое "шарлатанство". Их, воспитанных в системе вульгарного советского марксизма, заботят исключительно проблемы кормления и работоспособности масс, то есть они относятся к человеку как к машине. Отсюда проистекает их бесстрастная безжалостность... Ну да, они подозревают, что у советского Ивана Иванова есть ДУША, но игнорируют это предположение в своей ежедневной деятельности. И это было бы не так уж страшно, если бы новые лидеры являлись продолжателями старого режима, шли

бы по той же широкой протоптанной дороге, на которой массы, следующие за ними, особые шоковые сюрпризы не ожидают. Но лидеры перестройки — радикалы, и изменения, произведенные ими в советском обществе, — революционные изменения. И каждое из этих революционных изменений уже смутило, перепутало, сконфузило, возбудило и депрессировало коллективную психику советских людей — Иванов Ивановых.

Революционеры-перестройкисты ликвидировали первым делом уже мертвого врага — СОВЕТСКУЮ ИСТОРИЮ. Выкопав труп, пустили его в расход как политического врага, даже не задумавшись в спешке, что с Историей с большой буквы, с Большой Историей каждого советского человека соединяет невидимыми нитями его собственная маленькая личная история. Могильные холмики нескольких поколений, фотографии, воспоминания, унаследованные верования советских лет, пословицы, песни и поговорки советских лет, дружбы родителей, семейные мифы, лица, облики, образы соседей — все, что на склоне лет, оглядываясь назад, человек и называет жизнью. Все это вынужденно переосмысливается сегодня миллионами советских людей. Переосмысливаются образы и ситуации. Поневоле советские люди заняты работой перестановки, переоценки, создания нового варианта каждой личной истории. "Лейтенант Сидоров с третьего этажа, следовательно, был палач уже тем самым фактом, что служил в войсках МВД... между тем какой хороший был дядька, а хромоногая угрюмая реабилитированная писательница с первого этажа, заносчивая и отдельная, никому не нравилась в доме, но согласно сегодняшней морали она-то и была самым "хорошим", то есть положительным, человеком того времени..." — так вот должен рассуждать 40—50-летний мужик Иван Иванов, перебирая детские воспоминания. Конфузясь и против своей воли он вынужден психологически предать многих друзей того времени и взять в "хорошие люди" многих неприятных типов. Если он не сделает этого, то будет жить в разладе со своей эпохой. "Мы выходим из КПСС, и вот почему", — объясняют в газетах звезды перестройки первой величины и звезды помельче, а в памяти миллионов Ивановых возникает теплая атмосфера первомайских демонстраций, шутки и смех, и дядьки и тетки этой самой КПСС, кто-то из них был плохой, кто-то — хороший. "Посмотрим еще, до чего вы доведете страну, беспорочные!" — бурчит упорный Иван Иванов, несогласный отдать свое детство и юность и их ценности. А газеты кричат: "Погромы в Киргизии!", "Погромы в Баку!", "Взрыв

автобуса в Азербайджане!" Может быть, и готовый уже поступиться своей личной памятью, Иванов не может этого сделать *в таком* настоящем. Результат: потеря критериев для оценки, постоянное сравнение прошлого и настоящего, РАСТЕРЯННОСТЬ, смятенность души.

Покончив с Историей, революционеры-перестройкисты разрушили понятие советского человека о справедливости внутри советского общества. По различным историческим причинам советский человек всегда принимал за справедливость прежде всего равенство. Нет, советский вариант равенства не исключал привилегий для партийных бояр и дворян, да, Иван Иванов зло иронизировал вслед черным "Волгам", проезжающим через город: "Слуги народа поехали!" Да, Иван Иванов знал, кто из местных властей берет взятки, пессимистически подозревал всегда, что самая суть системы торговли предполагает мошенничество, но по большому счету он был уверен, что советское общество есть общество равенства, то есть оно справедливое, то есть в нем значительное большинство живет в более или менее равных условиях. И если Ивановы шли в университеты, то не для того, чтобы, выучившись, зарабатывать больше, — напротив, инженер зарабатывал часто меньше рабочих, — но чтобы приобрести знания и заниматься чистой работой, а не физическим трудом. (Двадцатилетним парнем автор этой статьи зарабатывал в литейном цехе в 1963—1965 гг. от 180 до 320 рублей в месяц. Советский академик имел право на 500 рублей.)

Глядя сегодня на разгул удалых кооператоров (а первые кооперативы возникли, к сожалению, не в сфере производства, но в сфере спекуляции и обслуживания), не создающих новые ценности, но успешно перепродающих втридорога плоды его же рабочих трудов, Иван Иванов (Иванченко, Ованесяны, Иванидзе, Иванидовы и прочие мужики республик) зол и грустен (злы и грустны). Ранее, до 1985 г., шустрить и устраиваться считалось нечестным, НЕМОРАЛЬНЫМ способом существования. Ворующим работникам торговли, да, зачастую завидовали, одновременно презирая их и гордясь своей *моральностью*. Сегодня оказалось, что вчера презираемые качества эти — шустрить и устраиваться — есть поощряемые доблести нового общества. (Новые лидеры поощряют в гражданах именно эти качества. В печати раздаются голоса в пользу выпуска из тюрем преступников, осужденных до 1985 г. за "экономические преступления".) Растерянный Иван Иванов и все советские Иваны испытывают психологические трудно-

сти в удостоверении (идентификации) личностей ДОБРА и ЗЛА. Кто есть кто? Что есть морально, какое поведение, а что аморально? Ранее Ивановым было известно твердо, где Добро, где Зло. Сегодня — неизвестно. Президентским же декретом народную мораль не изменить.

Вдобавок советская мораль по происхождению вовсе и не советская, вовсе и не так уж навязанная. В основе советской морали лежит не по приказу Ленина и Сталина вдруг взятая и насильственно насажденная мораль октября 1917 г., но мораль низших классов общества, даже и не рабочая, но крестьянская, ставшая после грандиозной вспашки Российской империи плугом революции (и ликвидации высших классов) всеобщей усредненной моралью. *Советская мораль есть адаптированная для всего общества старая крестьянская мораль:* привычка к жизни "миром", совместный антагонизм крестьян к помещику, к барам вообще, к ростовщику — ее основные элементы. (Автор считает нужным заявить, что он не идеализирует советскую народную всеобщую мораль. Как и во всякую массовую мораль, в нее входят составными элементами и ханжество, и бесцеремонное подавление индивидуальностей. Но игнорировать существование этого кодекса поведения Иванов Ивановых значит допускать тягчайшую ошибку в любых политико-социальных вычислениях.)

Возбужденные толпы, состоящие из Ивановых всех национальностей, сегодня растеряны так же, как и психика отдельного Ивана Иванова. Чего придерживаться, во что верить, как себя вести? Как себя вести в стране, где черное еще пять лет назад стало белым? Сотни психологических проблем атакуют психику Ивана Иванова. Определить себя по отношению *к новым богатым* — одна из них, и немаловажная. Честно богатым? "Нечестно богатым", — подсказывают из глубины десятков поколений крестьянские предки. (Один из корней антисемитизма именно это "нечестное", по мнению народной морали, происхождение еврейского богатства[1]. Христианская церковь, католическая особенно строго, запрещала христианам заниматься ростовщичеством. Еврейская религия, как известно, не запрещает занимать деньги под проценты. Посему это ненавидимая массами профессия многие сотни лет была еврейской привилегией).

Раздробленная на тысячи Советов депутатов (в одной Москве 34 Совета!) по десяткам республик, по сотням мини-

[1] Нет нужды напомнинать о том (надеюсь), что всеобщее еврейское богатство — сказка.

стерств, изошедшая в дебатах (часто это сырые эмоции вслух), власть катастрофически ослабла. Здесь не место выяснять причины ее слабостн, нас ннтересует то, как слабость власти сказывается на ежедневной жизни Ивана Иванова и на его психике.

После наступления темноты улицы советских городов пусты. Они разительно похожн на улицы городов из мрачных фнльмов о мрачном будущем. Очевнден действительный снльнейший рост преступлений (связанный именно с ослаблением власти), этот рост зафнксирован официальной советской статнстикой, о преступности ежедневно сообщают Иванову советские газеты. Иван Иванов переживает, если его дети-подростки задержнваются вне дома после наступления темноты, куда больше, чем обыкновенно нервничал советскнй отец. Страх вызывает в нем неврастению, ложится еще бóльшим грузом на его психику. Сам он также не уверен в своей личной безопасностн. Слухи об убийствах н действительные пронсшествия, о которых его ннформнруют газеты (последнее — ужасающее убнйство протоиерея А. Меня топором), столкновення с преступностью его соседей н коллег по работе не способствуют поднятию настроения Иванова. Живет он, вороша память, высчитывая, бурча, злясь, вздрагивая н боясь. Ему, отцу семейства, унизительно чувствовать себя беспомощным. Любая группа малолетних хулиганов способна сегодня терроризировать, еслн захочет, его семью, и он ничего не сможет сделать. Иванову страшно появившихся в советской жизни спортивного вида молодчиков рэкетиров и стыдно своих страхов. Постоянно сравннвая "тогда" н "сейчас", он бонтся этого *сейчас* и не хочет в то же самое время прнзнать, что *тогда* было тише, спокойнее, лучше, счастлнвее, наконец. Вспоминая свои пятилетней давностн недовольства бюрократией, застоем, коррупцней, прнвнлегнямн партийной аристократии, то, как он ругался вслед черным "Волгам", он вынужден признать, что в сравнении с мрачным "сегодня" за окнамн прегрешения застойных бюрократов были детскнмн шалостями. Проехав с работы домой по грязному, в колдобинах мрачному городу, включив телевизор и поглядев двадцатиминутный показ какого-нибудь Каннского кинофестиваля или черт знает чего другого хорошего там, на Западе, Иванов чуть ободряется. "Вот у ннх ведь там хорошо, н мы переживем трудностн переходного периода, и у нас, наверное, будет хорошо".

Приходит грустная, с пустыми сумками жена Иванова. После работы забежала в магазин. Проблема пнтания ннкогда

не была легка в СССР. Мария Иванова стояла в очередях до 1985 г., и это было ненормальным нормальным явлением. Но перестройщики стали выдавать Ивановым сахар по карточкам, а с недавних пор появились очереди за хлебом, в последний раз подобный позор случился со страной треть века тому назад. Эта ситуация живо напоминает Иванову фильмы о чудовищной разрухе гражданской войны. Сам Иванов за всю его сорока- или пятидесятилетнюю жизнь в разрухе не жил. СССР никогда не бежала впереди всех в мирововм забеге за процветанием, но пятьдесят—шестьдесят стран бежали сзади. В разруху повергали обыкновенно страну революции и войны. "Но ведь в 1985 г. не произошла война", — говорит себе Иванов. Мария и Иван Ивановы сквозь зубы клянут власть, но им стыдно выглядеть в собственных глазах людьми непередовыми и непрогрессивными. Логично, что они набрасываются на прессу, ищут у умных и опытных людей ответа на свои тревоги. Что будет? Что делать? Будет ли лучше? Почему сегодня так плохо и страшно?

Пресса же устами звезд перестройки не стесняется обвинять в лености (и даже неполноценности!) их, миллионы Ивановых. Святослав Федоров в интервью брестской газете "Заря" (перепечатано в "24 Часа". 1990. № 32) называет советское общество "обществом полурабов" и утверждает: "Очень многие из нас совершенно не хотят работать. Таких людей у нас не менее 40—50 миллионов... мы не хотим по-настоящему работать..." Однако Федоров говорит, что "*должен* рисковать весь народ".

Писательница Татьяна Толстая (из рода царских и позднее сталинских бояр) в высшей степени недовольна Ивановыми. "Верят в крик, но не верят в ум. Вообще, две вещи не всегда пользовались почетом на Руси — ум и труд, что сказывается и в фольклоре, в пословицах, и в жизни. Всегда меня удивляла песня "Дубинушка", которая уже начинается с презрения, словно со скривленными губами поется: "Англичанин мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину, а наш русский мужик, коль работать невмочь, так затянет родную "Дубину". Слушаеш и думаешь, почему же ты, голубчик, сам не изобретаешь за машиной машину?" ("Совершенно секретно". 1990. № 4.)

И Федоров рекомендует Ивановым заняться изобретательством: "Сегодня вы изобретаете какой-нибудь самолет, завтра вы строите свой аэропорт, послезавтра вы летите и зарабатываете деньги для себя и людей, которые живут с вами одними стремлениями..."

"А не полетел бы ты, глазной хирург, на ... !" — ругается Иванов и отбрасывает газету. Натолкнувшись на подобное безграмотное (слова "Дубинушки" не народные, боярыня Толстая, это не он сам себя называет "наш русский мужик", но ваш брат-барин сочинил) презрение и враждебность, Ивановы остаются со своим смятением одни. Они все чаще ищут убежища в старом, до 1985 г. времени, когда было спокойно, когда была пусть и неэнергичная и не особо экономически показательная жизнь, но души народные не перекручивали в гигантской мясорубке перехода от социализма к... какой-то еще более передовой, но уже страшной ценой достающейся системе.

Еще более травмирована психика советских людей в окраинных республиках. Там льется кровь, стреляют, зверствуют. И кричит в телекамеру, рыдая, армянская бабка, вызволенная из Баку, призывая самого большого начальника Горбачева вмешаться в армяно-азербайджанскую распрю, не понимая высоких материй перестройки и демократии, бормочет что-то жалкое и вышедшее из моды о том, что "столько лет жили все в Баку, и русские, и армяне, и азербайджанцы, душа в душу, друзья и соседи". А в другую телекамеру рыдают азербайджанские родственники погибших во взорванном армянскими боевиками автобусе: "Да что же это такое, да останови же преступления, Горбачев! Ведь жили мы, друзья и соседи..." А Горбачев медлит, и советники его — прогрессисты и прозападники не советуют ему вводить войска на территории, где идут погромы: "Запад скажет, что мы не демократы". И потому что ложно понята советскими неофитами идеология демократии, дети, женщины, старики уже принесены в жертву жестоким новым временам — Молоху Демократии. Хартия демократии, позаимствованная у Запада, глаголет, что право на самоопределение должно быть признано за всеми народами, если они этого самоопределения желают. (Сам Запад ханжески не следует своей же хартии. Баски и северные ирландцы, корсиканцы и аборигены Новой Каледонии, бельгийские фламандцы никогда не получат своей независимости.) На самом же деле Ованесяны, Иванидовы и Иванидзе не участвуют в национальных движениях. Они страдают от национальных движений. Участвует и хочет национальных государств всегда лишь активное крайнее меньшинство. Загублены бабкины дети всего лишь для того, чтобы Тер-Петросян стал президентом, сотни безответственных, но амбициозных музыковедов и писателей стали лидерами нации — министрами и депутатами, а десяток тысяч горячих голов (в нормальные времена они

закончили бы свои дни в тюрьме) образовали бы вооруженные группы по типу бейрутских банд. В самом удачном случае они сольются в конце концов в национальные войска. Национальные войска, как показывает опыт — история деколонизировавшихся стран (Европы в 1918—1945 гг., Азии, в частности Индии и Пакистана, в 1947—1950 гг., Африки в 60-е годы), — рано или поздно всегда затевают войны с соседями. Рано или поздно. Национальным боссам, может быть, и кажется, что они несут своим народам какое-то небывалое освобождение. На деле они несут ему кровь и слезы. Сегодня прекрасное национальное будущее обещается ими, невозможно, однако, проверить, правдоподобны ли обещания. Но неприглядное настоящее зияет в окне Иванова. Если в эпоху перестройки граждан убивает не государство, но частные преступники и националисты (они первые приватизировали бизнес убийства), то почему Иванов обязан считать перестроечный режим лучше тоталитарного, предшествующего ему? Изуродованные трупы Оша, что, менее мертвы, чем были трупы Гулага?

Рабочий мужик Иваниндов — Иванидзе — Ованесян смотрит на бабкино плачущее, в морщинах лицо и скрипит зубами. У него нет политических амбиций, он, может быть, и чувствует себя теплее в толпе людей, говорящих с ним на одном языке, но и только. На этом его национализм кончается. И он не может понять, зачем все это затеяно? Зачем все это происходит? И почему сегодня?! Почему не досталось подобное несчастное испытание другим поколениям? Ему обещают (опять, второй раз в этом веке) счастливое будущее и, не спрашивая его согласия, заставляют жить в кровавом настоящем.

По всем республикам мечутся группы мужиков с кровавыми руками, и по всем советским окраинам плачут слабые старухи, и скрипят зубами Ивановы: "На х... нам ваша перестройка, если нужно пройти через кровь и слезы!.."

И вот в этой-то ситуации, очень смахивающей на времена, когда малая орда кочевников только что прошлась по стране и в ужасе ожидается нашествие Великой Орды, столичные начальники, денно и нощно заседая, готовят Ивановым программу бессмертного подвига, по размаху могущую соперничать только со строительством коммунизма, — программу перехода страны к капитализму. Это миллионам-то людей с развороченными душами вы такой подвиг навязываете? "Должен рисковать весь народ"? Но когда душа народная больна, то у Ивановых руки опускаются. А вы их строить зовете. Да

еще энергично строить. Иван Иванов не может участвовать в интеллектуальных играх советской буржуазии. Так же как Иванченко, Ованесян, Иванидов не могут участвовать в играх своих национальных буржуазий. Интересы и цели Ивановых и буржуазии (Святослава Федорова, академиков, писателей) различны. Ее интересы — социальное изобретательство, социальные амбиции, власть. Интересы Ивановых в том, чтобы жить прежде всего в социально стабильном обществе и уже затем — в обществе довольства и процветания.

Иван Иванов и все 300 миллионов Ивановых психически больны. Пять лет надежд, кризисов, все больше неудач и потерь его страны истощили душу Иванова, издергали ее, принесли ему растерянность, неуверенность, внушили пессимизм и ужас. Определенный маразм перестроечной мысли проявляется в том, что экономическая "рыночная" реформа сделалась для боссов перестройки идеей фикс, проблемой номер один и затмила чуму, свирепствующую в стране. Они одержимы экономикой, и обязательно рыночной. "Рынок! Рынок! Рынок!" — кричат газеты. В то время как даже деревенскому психиатру давно уже ясно, что в социально нестабильной стране с больной душой любая самая гениальная реформа провалится. Ибо Иван Иванов не в состоянии работать. Его надо вылечить вначале. Покоем, восстановлением порядка в стране. Стабилизацией страны. Поднять его мораль, а уж потом взваливать на него реформы. Хоть вся КПСС выйдет из КПСС и войдет во что-нибудь другое, без участия Ивановых, как вы их ни презирайте, вы останетесь опасными болтунами, и только, тт. Шаталины, Свят. Федоровы, Ельцины, Бочаровы и Аганбегяны... Во время чумы пирующие за столом, склоненные над писчебумажными яствами рецептов самого нового капитализма.

1990 г.

СТУКАЧЕСТВО КАК ИДЕОЛОГИЯ

Я уже отмечал пристрастие "демократической" прессы к стукачам и предателям. Всероссийская слава стукача Александра Экштейна — пример этого пристрастия. Выступив с отрывками из "Дневника стукача" на страницах "Огонька", Экштейн успешно обошел страницы многих изданий ("Совершенно секретно" и пр.). Апофеоз же его состоялся на Центральном телевидении в ноябре прошлого года. Двадцатиминутное интервью в программе "Взгляд" сделало из Экштейна

национального героя. Я совершенно серьезно считаю интервью с Экштейном лучшим интервью времен перестройки. Была бы моя воля, я дал бы Экштейну премию имени Достоевского, настолько именно в духе героев Достоевского упоенный собою негодяй и подлец разглагольствовал с экрана, объясняя зрителям, что "все вы — стукачи", и подвел, мерзавец, идеологическую базу под свою подлость. Виноватой оказалась, как и следовало ожидать, система. Что касается меня, то я умудрился прожить сорок семь лет, никого не заложив, и уверен, что добрые две сотни миллионов советских граждан никого не заложили. Не закладывать учили меня отец — советский офицер, работяги, с которыми я работал на заводах и стройках, хулиганы и урки рабочего поселка, где жила наша семья. Закладывать своих, согласно этике 50-х годов, считалось самой последней подлостью. И вдруг такой поворот в умах... Экштейн и ему подобные вошли в моду... Чем же Экштейн *им* нравится? А в том, что он *им* нравится, нет сомнения. *Им* нравится и притягивает *их* толстый боров предатель Аркадий Шевченко. Им нравится предатель Олег Гордиевский... Хорошо, если я не совсем вправе поставить слово "нравится", то "привлекает" будет вполне на своем месте. Предатели и стукачи интересуют, привлекают, интригуют "демократическую" прессу.

Антигерои-предатели существовали на Руси испокон веков, так же как существовали они у всех народов мира. Имя Эфиальта — грека, предавшего защитников Фермопил персам, сохраняется 25 веков. Но здесь пойдет речь о предателях особого рода — "идеологических". Они, предатели "плохих" режимов, находятся на особом, двусмысленном положении. Если с эфиальтами и мазепами все просто, то с "идеологическими" все сложно. Князь Курбский предал государя Ивана Грозного, сбежал в Литву. Переметнулся к врагам Российского государства. Однако, зная репутацию Ивана Грозного, мы, потомки, относимся к предательству Курбского снисходительно, делая его кем-то вроде современного диссидента, Василия Аксенова или Георгия Владимова. Письма Курбского сравнимы с выступлениями диссидентов на радио "Свобода". "Бичуя" несправедливости абсолютизма времен Екатерины, был своего рода "позитивным" стукачом Радищев. Можно составить временнýю цепь из антигероев, получится что-то вроде: Курбский — Радищев — Чаадаев — Герцен — Кравченко — Солженицын... Из этой цепи становится ясным, что существует, очевидно, определенная российская традиция из-

обличения "стукачества" на плохие режимы. Можно восхищаться Курбским или Чаадаевым, а можно и не очень. К находящемуся под домашним арестом Чаадаеву приезжали на поклон с почтением (свидетельствуют современнники) генералы н светские женщины. Уже тогда, как видим, двусмысленная фигура обличителя-интеллектуала притягивала к себе русское общество... А что, если советская демократическая интеллигенция, следуя этой традиции, самовольно продолжила ее Александром Экштейном и Аркадием Шевченко? Что, если советские демократы заблудились в своей собственной ментальности н каким-то образом отождествляют себя с фигурой стукача и предателя? Если это так, дела наши (россиийского общества) очень плохи. Чего не натворит (и уже натворила) дезориентированная до такой степени интеллигенция!

Тут я вынужден покуситься на последнее якобы несомненное звено в цепи традиции героических антигероев. На кумира посягать необыкновенно опасно, потому я попытаюсь уйти от ответственности. Я приведу высказывания о Солженицыне чужих людей, ниостранцев. Предварительно, однако, я вынужден сделать следующее заявление. Я не сомневаюсь в том, что Александр Исаевич Солженицын — крупный писатель, и уверен в том, что он еще более крупномасштабная личность, и за все это он заслуживает премии именн изобретателя динамита. Не занимать ему и храбрости. Однако я вовсе не уверен в оценке ролн этого человека в Истории. По моему мнению, он, помимо своей воли, сыграл (во всяком случае, вне СССР) негативную роль. Но прислушаемся к чужим голосам. В книге Боба Вудварда (вы помните: журналисты Вудвард н Бернстайн раскопали дело "Уотэргейта"...) "ВУАЛЬ — секретные войны ЦРУ" на с. 40—41 я наткнулся иа следующнй эпизод.

В конце ноября 1980 г. (Рейган уже выбран президентом, но только в январе приступит к исполнению обязанностей) Рейгана посетнл в Калифорнии французский полковник Александр де Марэнш. Убежденный и активный антикоммунист (в его кабннете висела карта, где красным были окрашены страны, находящиеся под коммунистическим влиянием), полковник в течение десяти лет был начальником французской контрразведкн. Между ним и Рейганом состоялся разговор, отрывок из которого приводнт Вудвард. Цитнрую.

"Рейган: "Нет ли у вас совета для меня? Все дают мне советы".

"Я могу лишь рекомендовать вам встретиться с определенными личностямн и нзбегать других", — сказал де Марэнш, который говорит на прекрасном английском.

Рейган: "Кого я должен увидеть?"

Полковник де Марэнш назвал Александра Солженицына, человека, который "понял природу советского зла", и Жонаса Савимби, шефа "Юнита" — движения сопротивления, которое воюет против коммунистического режима в Анголе... ЦРУ нелегально оказывало поддержку Савимби... "Для того чтобы понять, что есть ад, необходимо встретиться с людьми, которые его знают", — декларировал Александр де Марэнш".

Признаюсь, меня неприятно поразило, что наш Солженицын так высоко оценивается шефом французской контрразведки. И не просто шефом, но человеком широко известным во Франции своими ультраправыми взглядами.

В книге ставшего известным благодаря Норману Мейлеру американского заключенного Джека Хенри Абботта "В брюхе зверя" (письма из тюрьмы к Норману Мейлеру) на с. 157 есть очень неприятные для Александра Исаевича строки. Я приведу здесь лишь часть менее обидную, но приведу, так как считаю, что любое, и тем более такое крайнее мнение заслуживает, чтобы его знали советские читатели, пытающиеся ориентироваться в современном мире. Абботт пишет: "...я прочел три книги Александра Солженицына: "Август 1914", "В круге Первом" и "Архипелаг Гулаг". Я также прочел несколько его статей.

Он предатель не коммунизма (для этого прежде всего надо быть коммунистом), но своего народа, своих соотечественников (заметь: Америка есть седьмое небо для самых зловещих из предателей!).

Я был счастлив прочесть "В круге Первом", потому что за всем его говном я узнал многое о том, как снисходителен был Советский Союз к своим заключенным. Я просидел в тюрьме в два раза дольше, чем он, и я не предатель, который пытается отдать свою страну другой стране. Он отсидел десять лет в тюрьме за преступление, которое было бы почти точно наказуемо смертной казнью сегодня в США. И если не смертной казнью, он бы сейчас только начинал его срок пожизненного заключения в Левенворс (тюрьма строгого режима. — *Э. Л.*). В любом случае, он бы никогда в жизни не освободился. Я отсидел больше времени, чем он, только лишь в "дыре" (штрафной изолятор в американских тюрьмах)."

Талантливый и преступный Джек Абботт слишком резок в своей оценке. Все же мы не вправе называть предателями людей, выступающих против "плохих" режимов с пером в руках. Чаадаев или Герцен и уж тем более страдалец Радищев

— не предатели. И если я иронически назвал их "стукачами", то поставил слово в кавычки. (Во время Великой Отечественной войны партизаны, не очень разбираясь, вешали переводчиков на площадях вместе с полицаями.) И все же Аббoтт правильно понял самое распространенное понимание "Архипелага Гулаг" западными толпами. А именно: "совьетс" — народ архипелага. Страшное уравнение. Публикация томов "Архипелага" на Западе была мощнейшим ударом по репутации коммунизма как идеологии, но также и ударом по СССР, по советскому народу. Я вынужден подтвердить Аббoтта. Я жил в тот период в США. Лишь немногие интеллектуалы способны были строго разграничивать коммунистическую идеологию и советский народ. Обнародование на Западе существования Гулага послужило доводом не только против коммунистической системы, но против СОВЬЕТС, как нас называют в Соединенных Штатах, вовсе не отличая коммунистов от беспартийных и русских от других народностей. Ужасные "совьетс", способные создать Гулаг, заслуживали бы горячей войны, не будь у них ядерного оружия. Закономерно, что очередной припадок "холодной войны" совпал с публикацией солженицынского "Архипелага". Александр Исаевич, публикуя книгу, должен был предвидеть и такую интерпретацию.

Если демократическая интеллигенция действительно считает, что СИСТЕМА виновна в появлении подлеца Экштейна, что Аркадий Шевченко и Олег Гордиевский могут быть оправданы потому, что они предали "плохую" систему, демократическая интеллигенция забралась на минное поле и тащит на него часть советского общества, следующую за ней. А они-таки, кажется, так считают. Меня поразил тот факт, что в предисловии к отрывкам из мемуаров Аркадия Шевченко "Совершенно секретно" (1991. № 1) называет его... "бывший высокопоставленный советский дипломат - невозвращенец...". Я не могу отделаться от мысли, что "демократическая" печать пытается внушить читателям, что предавший Родину в 1948 г. предал всего лишь "сталинизм", а предавший ее в 1978 г. предал "застой", и только. Э, милые, так дело не пойдет, Родина всегда одна. Шевченко был важный чин министерства иностранных дел в ранге посла. Он знал секреты, за выдачу которых иностранному государству в любой стране полагается, как минимум, пожизненное заключение. Называть Шевченко невозвращенцем — значит оправдывать его предательство. Вот если бы Шевченко вдруг покинул здание ООН для жизни отшельника в австралийской пустыне — тогда он был бы

невозвращенец. Но этот жирный окорок без стеснения пишет о том, как он выпросил у ЦРУ даже... девочек.

Если Шевченко для демократов еще полусвой, то уж коллеги, работающие на радио ЦРУ "Либерти", совсем свои. "Верните наших домой!" — развязно требует Юрий Щекочихин в "Литературной газете" (1991. № 14). Для корреспондента "Московских новостей" Александра Кабакова сотрудники "Либерти" очень симпатичные люди. Цитирую эпитеты, какими Кабаков наградил их: "милейший", "отличный спорщик", "тихий, мягкий". Правда, один из сотрудников "жестоко ироничный", но только один. "МН" с большим пониманием относится и к Щаранскому (1990. № 40), и к "невозвращенцам" — безумной семье Ващенко, в свое время проведшей пять лет в подвале американского посольства в Москве (1991. № 5). С чего бы это? Егор Яковлев — автор премированных киносценариев и книг о Владимире Ильиче Ленине, "невозвратившийся" уже два раза: к Ленину в 1985 г. и к Горбачеву в 1989 г. (сейчас в стане Ельцина), симпатизирует родственным душам?

Если явных предателей Родины еще только дотягивают в свои, то предательство прошлого страны уже давно узаконено и является обязанностью каждого номенклатурного демократа, как ранее было обязательным для него членство в компартии. Трудно найти номер "демократического" издания (да и умеренные и даже "консервативные" печатные органы грешат этим), в котором не содержалось бы материалов, стучащих на прошлое, разоблачающих историю. Даже находящиеся, казалось бы, за пределами политики трагические, но нормальные в контексте жизни события — смерть Горького, самоубийство Есенина — подвергаются выворачиванию наизнанку, обнюхиванию, сомнению, стучанию на... Иррациональная страсть к событиям 60—65-летней давности похожа на симптомы редкой болезни "некрофилии" и поражает своей бессмысленностью. Даже если допустить, что Горького и Есенина убили, даже если найдутся доказательства, что их убили по приказу Сталина, то что это меняет? На Сталина уже достаточно материалов было собрано еще в 1956 г. Остановитесь! Довольно! Но каждый хочет пнуть ногой мертвого тирана и плюнуть в него, дабы засвидетельствовать свою благонадежность сегодня. Есть отвратительные кадры кинохроники, когда толпа пинает ногами в голову, тушит сигареты и мочится на труп Муссолини. Отвращение вовсе не становится меньше оттого, что вы отдаете себе отчет, что это труп "дуче".

Коллективным стучанием на прошлое, стараниями тысяч журналистов, мемуаристов, историков, "невозвращенцев" уда-

лось изменить даже представление о климате прошлого. После чтения "стукаческой" советской прессы у иностранца, я полагаю, должно возникнуть впечатление, что на протяжении семидесяти лет Советской власти в стране было темно, шел снег, дул пронизывающий холодный ветер и по улицам советских городов разъезжали исключительно "воронки" с заключенными.

Мерзавец Экштейн прав в одном. Вожди стукачества, сделавшие его фактически новой идеологией вместо коммунистической, сумели заразить болезнью стукачества миллионы людей. В стране бушует эпидемия стукачества. Седовласый писатель, выступающий в Париже на встрече с читателями, стремясь быть правовернее папы римского, поливает последними словами свой Союз писателей, в котором он верноподданно состоял пятьдесят лет, и лишь год назад вышел из него, дабы вступить в "Апрель", где членами (вот абсурд-то!) сплошь бывшие члены ССП! Беззаботно стучит на свой народ (сам часть его) советский турист, объясняющий приславшей ему вызов французской семье: "...в Союзе ничего нет и не будет никогда, потому что наш народ не умеет работать... коммунистический режим развалил страну..."

Стучащий чувствует себя героем? Маленьким героем-доносчиком, ничем не рискующим бессильным подражателем тем немногим, кто имел мужество (или безрассудство) выступать против Зла до 1953 г. ... Судьба устроила так, что мне пришлось присутствовать при (куда более лимитированной) местной эпидемии стукачества среди советских эмигрантов в Америке в 1975—1980 гг. Почувствовав себя в безопасности, как смело бросились бывшие советские граждане стучать на СССР! Очевидно необходимое условие для возникновения эпидемии — отсутствие риска. Уже шесть лет бушует эпидемия стукачества в полную силу в огромной стране. Опасно долго бушует. Нормально, что время от времени в жизни народов случаются периоды переоценки ценностей. Однако для трех сотен миллионов людей находиться в состоянии негативного отрицания целых шесть лет и не прийти к позитивному мышлению есть признак того, что болезнь перешла в хроническую. Оставаясь в стадии стукачества столь долгое время, советское общество паразитирует на прошлом: отрицая его, утверждается за его счет. Отрицательное мышление, превратившееся в идеологию стукачество может лишь разрушать. Создать оно ничего не в силах. Выгляните в окно! Настучав на свою историю, объявив ее преступной, вооружили мощными ар-

гумеитами "сталииизма" и "застоя" иациоиалистов всех мастей и теперь удивляются, что распадается страна. Вдохиовившись аититоталитаризмом, доборолись против центральной власти до такой степени, что раздробили ее иа тысячи властей. Результат — политической власти не существует. Остатки порядка поддерживаются по привычке оргаиами порядка. А если распадутся и милиция и армия?

Оказывается, *их* это ие страшит. В том же иомере "Литературной газеты", где Щекочихин призывает вернуть стукачей с "Либерти" в Москву, Борис Стругацкий поделился с корреспондеитом газеты таким вот, мягко говоря, безумиым откровением: "Я оптимист. Еще каких-нибудь пять лет назад я был совершеиио уверен, что сложившуюся у нас в стране государственную систему власти расшатать невозможно... А теперь вижу: есть такие силы. Не могу иазвать их, не вижу их, ио зато вижу результат их действий. Вижу, как машина иачинает сбоить, как оиа дребезжит, разбалтывается, норовит заклинить... Это вселяет надежду". С вашим иосом ("Литературиая газета" поместила фото самосожженца) и вашими очками, уважаемый Борис Натанович, в момеит, когда машииа заклинит, Алексаидр Экштейн настучит на вас, а его дружки вас личуют на московской улице. Молите Бога, чтобы оиа тяиула! Неиавистная вам, оберегающая вас "машина". Метод стукачества распространился и на культуру. Стукачи-писатели пишут книги иаоборот — карикатуры иа свои же прежние кииги. Стукачи-художники, отталкиваясь от соцреализма, создают карикатуры (первопроходец в этой области художиик Целков — любимец Евтушеико). В сущиости, все современное советское искусство (за редкими исключениями) есть карикатура на советское общество до 1985 г. Самостоятельиого искусства стукачество создать не в силах.

Размеры статьи ие позволяют мне проаиализировать стукачество как культурный метод так подробио, как мие хотелось бы, ио я позволю себе остановиться на жаире популярной песни. Уже герой песеи Высоцкого и Галича (не всех, но многих) есть, по сути дела, карикатура на героя. Стучащий иа самого себя, ои ие верит в свою трагичность, но, иапротив, увереи в своей карикатурности, грубости, хамстве. Вечный провинциал с окраииы мира (Европа ему метрополия), ои так себя всегда и призиает провиициалом и спешит окарикатурить (заложить) свой народ, свою страну и тем самым подчеркнуть различие между ними и собой. Отделиться. Ои предает, чтобы не прииадлежать. Чтобы сказать: "Я поиимаю, что оии бед-

ные, и грубые, и провинциальные, и потому, что я это понимаю, я не такой, как они". Ибо советский стукач страдает комплексом неполноценности.

Современные поп-авторы и исполнители так и не вырвались за пределы карикатурности и сатиричности, навязанных им сильным талантом Высоцкого, каковой, увы, отдал дань стукачеству. (В лучших своих песнях Высоцкий, однако, поднялся выше стукачества.) Поп-тексты держатся исключительно на стукачестве на "старый режим". Издевка, насмешка над своими, нашими, над верованиями отцов — их метод. (Декларируемое часто советскими поп-идолами якобы равнодушие к политике не соответствует действительности.) "Наслаждайся трезвым бригадиром", — издевательски скандирует певец группы "Центр" Вася Шумов. Чем бы вы были, дорогие ребятки, без всех этих бригадиров, сталинистов? Вас не существовало бы, так как вы существуете лишь в отрицании ТЕХ — героических и сильных. Мощный мужественный рок-н-ролл не может быть создан на основе идеологии стукачества. До сих пор с Востока слышны только бессильные визги.

Стукачество неразрывно связано с завистью. Недаром такое центральное место в мировоззрении "демократов" занимает предмет зависти — Запад. Воспаленная мечта ИХ — ИХ ЗАПАД — мало похож на реальные страны Запада. Запад вызывает у советского стукача комплекс неполноценности. Именно комплекс неполноценности вызывает к жизни вот уже шесть лет тысячи реформ — одна другой непригоднее, одна другой фантастичнее.

С отрицательной идеологией стукачества страна обречена на агонию и смерть. Одним отрицанием плюс сухая формула рынка не объединить массы. Призыв к совместной спекуляции и обогащению, разумеется, может вдохновить несколько миллионов, но не три сотни миллионов людей. Стране срочно нужна ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПОЗИТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ. Обращение к интернациональным традициям российской цивилизации, к народным корням, к благородному коллективизму, к равенству неизбежно.

Советская Россия. 1991. 3 августа.

ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ С МОЕЙ СТРАНОЙ?

Интервью с самим собой № 2

— Многие советские газеты опубликовали в последние месяцы отклики читателей (письма и статьи) на твои статьи в "Известиях" и в "Собеседнике". Частый лейтмотив этих откликов — попытка дисквалифицировать тебя, твои мысли и идеи только на том основании, что ты живешь за рубежом, в Париже. Не стоит, мол, нам прислушиваться к голосу из-за рубежа. Например, антилимоновская статья в "Советской культуре" так и озаглавлена: "Может быть, обойдемся?" Что ты об этом думаешь?

— В моем праве учить и давать советы я не сомневаюсь. Право высказывать свое мнение по вопросам советской внутренней и внешней политики у меня естественное. Его дает мне принадлежность к украинской нации по отцу и к русской по матери. Это право я имею потому, что бесчисленные поколения моих крестьянских предков кормили Россию хлебом и умирали с оружием в руках, защищая ее в снежных полях. В Великой Отечественной войне погибли все мои родственники мужского пола, кроме отца. Несомненное право высказываться о том, что происходит на земле, где я родился (и жил до тридцати лет), я имею и как писатель, пишущий на русском языке. И как единственный сын престарелых родителей-пенсионеров, живущих в СССР и разделяющих вместе со всем народом тяготы перехода от недостроенного социализма к невразумительному и, по-видимому, страшному будущему. Поэтому я вправе спрашивать радикалов перестройки: "Что вы сделали с моей страной?"

Дисквалификация же по принципу географическому ничуть не более благородна, чем, скажем, дисквалификация по принципу расовому. Цель дисквалификации — избавиться от сильных противников. "Лимонов из Парижа" — звучит одновременно завистливо и презрительно. Можно подумать, что речь идет о купце или принце крови, — привилегированный и избалованный, живет он в Париже из прихоти. Между тем я родился в семье солдата сверхсрочной службы, в рабочем поселке. Двадцать лет я работал и в СССР, и в США простым рабочим. Писателем мне удалось стать только в возрасте 37 лет. У ребят из цеха точного литья харьковского завода "Серп и молот", где я работал обрубщиком и шихтовщиком в 1963—1964 гг., было столько же шансов оказаться

в Нью-Йорке и Париже, как и у меня. То есть никаких. Всем, что я имею, я обязан себе. Своему таланту... Кстати сказать, перестроившаяся Родина так и не удосужилась вернуть мне отнятое у меня в 1974 г. гражданство. Так что прежде чем упрекать меня в том, что я даю советы "из Парижа" (для детского сознания моих советских критиков Париж представляется бесспорным раем земным, между тем это жестокий и дорогой город), справедливо было бы предоставить мне возможность жить в Москве.

— Какова твоя личная позиция, где ты помещаешь себя в советской политике? В каком месте шкалы? Слева? Справа? В центре?

— Я не левый, я не правый и не в центре. Я естественным образом люблю мой народ, которого я верный, пусть и блудный, сын. Я защищаю мой советский (заметь, не русский, но советский) народ, людей этого народа, многие из них совсем простые люди, мало чего добившиеся в жизни. Сам я долгие годы был неудачником и в СССР, и в Соединенных Штатах и книгу "Дневник Неудачника" написал. В ней я пытался интерпретировать чувства и желания каждодневного пролетария, человека, вынужденного выполнять скучную и монотонную работу. Прототипом книги послужил я сам и моя собственная судьба — разнорабочего в Нью-Йорке. Я и остался в известном смысле неудачником, сохранил психологию такового, так как пришел в литературу довольно поздно, моя первая книга была опубликована во Франции, когда мне было уже 37 лет. Я пытаюсь защитить мой советский народ от обманов, от ложной информации, от новых красивых иллюзий, которыми его кормят энергичные супермены — новые лидеры, вооруженные подозрительно энергичными лозунгами... Честные и трудолюбивые, советские люди не понимают технических деталей высоких проектов экономики и политики. Как всегда, они лишь хотят верить в лучшее будущее, несмотря на то что их много раз и самым жестоким образом обманывали. В 1979 г. страна послала свою молодежь на войну. Они отправились воевать, доверяя своей стране. Сегодня советским людям говорят, что, для того чтобы завтра жить лучше в рыночной экономике, *сегодня они ДОЛЖНЫ жить очень плохо.* Скрипя зубами, они сомневаются (ради построения коммунизма их также заставляли пожертвовать сегодняшним благополучием), но стараются верить и терпят. Пользуясь их долготерпением и доверчивостью, их вовлекают во все новые эксперименты.

Сегодня новые демократические политиканы, уже куда более зубастые и профессиональные, чем старые лидеры, оскорбляют советских людей, называя их ЛЕНТЯЯМИ (миллионер Святослав Федоров: "В стране... 40 — 50 миллионов лентяев"), народом алкоголиков, пинают мой народ и оскорбляют его историю. Я пытаюсь сказать советскому народу в моих статьях, что он не хуже других народов, что нам нечего стесняться нашей истории. Что мы должны гордиться ею. Я говорю советскому народу, что он честный, трудолюбивый, и сильный, и талантливый народ. Я пытаюсь поднять его мораль в момент, когда его совсем затюкали...

Мне оказывают сопротивление. Например, "Литературная газета" в лице ее редактора Федора Бурлацкого отказалась печатать мои статьи. Бурлацкий передал мне, что "не хочет ставить газету под удар". На самом деле он не хочет ставить под удар своих сообщников и союзников — партию советской буржуазии — Межрегиональную депутатскую группу и людей вокруг нее. Однако в 1980 г. "Литературная газета" практически с той же, что и сегодня, редколлегией не постеснялась напечатать оскорбительную для меня статью "Человек на дне", а в номере 51 за 1990 г. напечатано враждебное письмо профессора Эткинда против меня.

— *Каким образом писатель Лимонов вдруг превратился в журналиста и публициста Лимонова?*

— Я всегда хотел стать журналистом. Ясно, что в СССР 60-х и в начале 70-х годов мне, сыну простых родителей, провинциалу, нечего было и мечтать о журналистике. Эта профессия была облюбована детьми партийной аристократии и отпрысками советской буржуазии. К тому же я не хотел становиться советским журналистом, я хотел быть ЖУРНАЛИСТОМ. Первой моей литературной активностью за границей была, кстати говоря, журналистская деятельность. Уже в Вене, едва сойдя с самолета, я написал серию статей о московской контркультуре. Оказавшись летом 1975 г. в Нью-Йорке на должности корректора в эмигрантской газете "Новое Русское Слово", я воспользовался возможностью и стал предлагать главному редактору свои статьи. Многие были отвергнуты, но кое-какие прошли. В октябре 1975 г. "НРС" опубликовало мою статью "Разочарование" — о положении бывших советских граждан в Соединенных Штатах. Это была первая "антизападная" статья, написанная советским эмигрантом, и мне пришлось дорого за нее заплатить. Приложение к "Известиям" — "Неделя" напечатала пересказ моей

статьи, к редактору "НРС" явились типы из ФБР, и Андрей Седых объявил мне, что "ваша помощь газете больше не нужна". Излишне объяснять, что я оказался без средств к существованию. Осенью же 1975 г. я пытался поместить мои статьи в нью-йоркские газеты: "Нью-Йорк таймс", "Нью-Йорк пост", "Дейли ньюс", "Вилледж Войс". Порой я работал в соавторстве с другим "диссидентом среди диссидентов" Валентином Пруссаковым. Нас отовсюду гнали. Между тем мысли и идеи, высказываемые нами, были далеко не глупыми. Мы отстаивали взгляд на СССР, как на дряхлое, застойное государство, в Соединенных же Штатах тогда и общественное мнение, и пресса сохраняли устарелый имидж СССР как тоталитарно-кровавого сталинского государства. О "кровавом советском режиме" разглагольствовали и диссиденты. В ноябре 1975 г. нам с большим трудом удалось убедить корреспондента "Лондон таймс" в Нью-Йорке Питера Стаффорда напечатать в "Лондон таймс" пересказ "Открытого письма А. Сахарову", подписанного Пруссаковым, Бахчаняном и мной. Речь шла о брошюре Сахарова "О стране и мире", за которую он тогда получил Нобелевскую премию мира. Отнесшись к взглядам Сахарова с уважением, мы, однако, указывали на его опасную идеализацию Запада, написали, что мы не узнаем наш Запад в сахаровской интерпретации, указали также на опасный альтруизм Сахарова. (Я горжусь тем, что первым, пятнадцать лет назад, указал на опасность экстремистского альтруизма Сахарова. Считаю, что именно альтруизм и идеализм сахаровского типа привели сегодня СССР на грань катастрофы.) Наша неравная борьба с западной прессой закончилась 26 мая 1976 г. демонстрацией и пикетированием здания "Нью-Йорк таймс" в знак протеста против игнорирования нашей информации. Интересно, что ни один советский журналист не явился на демонстрацию, хотя всем им, аккредитованным в Нью-Йорке, мы послали приглашения. Зато на демонстрации присутствовал агент ФБР. Подошел к нам и показал свой "бэдж" (бляху). Чтобы боялись.

После демонстрации я понял, что стену лбом не прошибешь. Думаю, что в значительной степени из-за невозможности выразить мои идеи, мысли и чувства в прессе я и написал свой первый роман. В нем, помимо "лирической" личной ноты, звучит протест и негодование американской социальной системой, оказавшейся такой же агрессивной к "инакомыслящим", как и советская. На долгие годы я ушел в писательство и, только заработав литературное имя в середине 80-х, стал

писать для французских газет и журналов. Теперь я пишу уже на трех языках. (Для немцев и голландцев я пишу по-английски.) Так что я старый волк журналистики. Мне посчастливилось встретить на моем жизненном пути таких известных "аутсайдеров" западной журналистики, как Александр Кобёрн (работал в нью-йоркской "Вилледж Войс") и позднее Патрик Кэмпбелл из английского "Нью стейтсмен". (Это Кэмпбелл был источником скандала с английским сателлитом-шпионом.) Так что у меня позади хорошая школа. В настоящее время я член редакционного совета оппозиционного сатирического французского еженедельника "Идиот Интернасьональ". Предпочтение я отдаю журналистике политической. Интересно распознавать фальшивых людей и фальшивые проблемы.

— *Какие фальшивые проблемы ты видишь у нас, в нашей социально-политической жизни?*

— Пожалуйста, вот приходит на ум сразу — сведение счетов с Историей. Пять лет нездорово тратит свои силы общество на борьбу с призраками прошлого. Сведение счетов с Историей — занятие неблагородное, как всякое сведение счетов с отсутствующим, мертвым врагом, которому к тому же вы позволили умереть своей смертью. И *сталинизм*, и *застой* умерли сами от дряхлости еще до 1985 г., поэтому трусостью можно квалифицировать все возбужденные "разговоры на лестнице" (французское выражение) — обличения, бичевания, осуждения мертвых врагов. В прессе, на радио и телевидении, на заседаниях и уличных митингах. Обличать в тысячный раз Сталина или Троцкого, славословить кого там... Бухарина или даже Деникина, ловко оперируя "если бы" да "кабы", есть современный вид конформизма. Пора всем это понять. Благороднее, тяжелее обратиться лицом к энергичным и сильным сегодняшним противникам: к разрухе, к нехватке продовольствия, к преступному миру, к бессмысленным страшным национальным бунтам. Достаточно утешать себя тем, что при Сталине "страдали", и указывать ленивым перстом на его "преступления". Сталина уже нет в живых целых 39 лет. Критика прошлого более не нужна сегодня, ее было столько, что достаточно. Сегодня радио- и телеминуты, и часы, и квадратные сантиметры площади в газетах, потраченные на критицизм прошлого, отнимают живое место у тяжелых насущных проблем.

— *А каково твое мнение о "сведении счетов" с КПСС?*

— Только отойдя на значительное временное расстояние, можно будет определить ее роль в Истории. КПСС сегодня

защищать рискованно. Однако, не имея с ней никаких связей (меня даже в комсомол в свое время не взяли), я могу попытаться взглянуть на проблему спокойно. В сегодняшние горячие времена обывательское мнение утверждает, что эта группа населения (КПСС) виновна во всем. На мой взгляд, члены КПСС, около 18—20 миллионов мужчин и женщин страны (и все нынешние лидеры перестройки среди них), не могут быть безболезненно отделены от тела страны, от народа. Они не были чужеземной группой захватчиков (и сегодняшние члены КПСС, и те, первых годов Советской власти), они связаны с советским народом родственными, производственными, дружескими узами. Они — неотъемлемая часть народа, его братья, отцы, деды, сестры. Подозревать их в злоумышлении против страны — бездарная попытка свалить ответственность со всего народного коллектива на группу, сделать их козлами отпущения за молчание и соучастие ВСЕХ. Вершину пирамиды КПСС (но и всего советского народа) составляла коммунистическая аристократия. Если уж распределять вину, то вина партаристократии много больше, чем вина рядовых миллионов членов.

В чем действительно виновата КПСС? В том, что начиная со своего основания и вплоть до смерти Сталина и даже позднее КПСС ошибалась вместе со всем человечеством, веря в утопическое коммунистическое общество и в то, что его до́лжно установить насильственно. Сегодня легко утверждать, что наши деды были неправы, но чтобы убедиться в этом, понадобилось две трети века. Самая последняя по времени "вина" КПСС периода застоя в ее неэффективности как руководящей группы страны. Измениться ей мешали догмы, унаследованные от героического ее прошлого. Вина КПСС в том, что она позволила себе устареть. Озлобившись сегодня (и осмелев по разрешению Генерального секретаря КПСС, вот парадокс!), обыватель склонен мстить КПСС за ВСЕ. Это ВСЕ сам обыватель не в силах сформулировать. За удержание очень большой власти очень долгое время? За коррупцию ее лидеров? Но "коррумпирование" (так у вас говорят?) не есть специфический порок лидеров КПСС.

Коррупция не связана с идеологией. Обвинения в коррупции предъявляются во всем мире ежедневно властям всех политических направлений и ориентаций. КПСС виновна в "преступлениях" Сталина? Но КПСС пострадала от его "преступлений" больше, чем непартийный народ...

Куда легче начать с конца и ответить на вопрос, в чем КПСС не виновата. Имею смелость заявить, что в несчастьях,

и трагедиях, и крови последних пяти лет она не виновата. Если она и участвовала составным элементом в социальных волнениях 1985—1990 гг., то вину следует возложить на другие, уже "демократические", но экстремистские силы, бездумно столкнувшие советское общество в нигилизм. Как бы там ни было, самое умное сегодня — забыть о вине КПСС и срочно спасать Советское государство, разрушением которого все советское общество, все социальные слои исступленно занимались последние пять лет. Не соображая, что делают. Думая, что убивают идеологию, убивали государственность. К сожалению, структура КПСС во многом служила и структурой государства. "Сведение счетов" вообще занятие разрушающее, нездоровое, оборачивающееся и против тех, кто нападает, мстит, и против тех, кто защищается. Теряют в конечном счете все.

— Тебе не кажется, что ты играешь на руку компартии?

— До компартии мне дела нет. Я с ней никак не связан. Единственным настоящим советским коммунистом, встреченным мною в жизни, был мой отец. Выслужившись из солдат до старшего лейтенанта, он был маленьким коммунистом, одним из миллионов, и если считать привилегией комнату в 20 квадратных метров в коммунальной квартире в рабочем поселке, то наша семья была привилегированной. Компартию пусть защищают другие. Однако не для того советский народ по инициативе честного Горбачева начал сваливать с плеч партийную аристократию, чтобы немедленно вскочила к нему на плечи компания университетских профессоров, писателей, журналистов-депутатов (в одной только редколлегии "Огонька" — пятеро народных депутатов СССР!), член-корреспондентов и академиков (пятеро в Государственном совете!). Нет, я не защищаю компартию, но предостерегаю мой народ от новой опасности, от опасности полного захвата власти буржуазией знания. Эти люди готовят моему народу небывалое после революции 1917 г. перераспределение богатств в стране. И намерены лишить "40—50 миллионов лентяев" даже того скудного прожиточного минимума, который поддерживал их существование при застое.

Завлекая мой народ блестящим призраком будущего капитализма, компания доцентов, журналистов, срочно вышедших из партии авантюристов, размахивает магической формулой рынка. Не желая сказать моему народу, что богатства и уровень жизни западных стран достигнуты ими не при помощи магической формулы рынка, не единожды, но ПОСТЕПЕННО

— НАКОПЛЕНИЕМ, СОБИРАНИЕМ, НАСЛОЕНИЕМ БЛАГОСОСТОЯНИЯ. Что у нынешнего поколения советских людей благосостояния не будет — они народу об этом не говорят. Не хотят они заявить во всеуслышание (но проговариваются) и о том, что непременным условием рыночного процветания будет узаконенное отстранение от участия в процветании значительной части населения. Так обстоит дело на Западе, так это будет и в СССР. И даже будет много хуже. Ибо если процветание западных обществ достигнуто за счет нескольких факторов: 1. Эксплуатации стран "третьего мира" (Запад скупает у них сырье за бесценок). 2. Эксплуатации планеты с помощью современных технологий. 3. Несправедливой эксплуатации части своего собственного населения (содержание около 10% трудоспособных на режиме безработицы, недоплата старым, слабым, малоквалифицированным, молодежи). В СССР же, где отсутствуют технологии для эксплуатации планеты, а природные ресурсы — свои, единственным объектом эксплуатации окажутся эти самые, заклейменные Федоровым "40—50 миллионов лентяев". И советские бедные будут много беднее западных бедных. Советские же безработные будут нищими.

Моему народу за всю его историю не пришлось еще познакомиться с буржуазными политиканами и их нравами и методами. КПСС и партократия были авторитарными администраторами. Советского человека ждет множество обманов и разочарований, ибо завлечения, соблазны, обман есть операционные методы демократической системы. И эти методы немногим благороднее принуждения. Советский народ должен понять, что партократия — его вчерашний враг, новая буржуазия — враг сегодняшний.

— *Какой выход ты предлагаешь?*

— Советское государство умирает. Беззаконие и безвластие достигли катастрофических размеров. Уже в статье от 20 октября 1990 г. в "Комсомольской правде" (увы, варварски сокращенной редакцией) я говорил о необходимости отказаться от "борьбы за власть в падающем лифте". Наша Родина в смертельной опасности. Поверх классовых, национальных и политических различий следует обратиться ко всем, кому дороги наш уклад жизни, наша история, прах наших предков в нашей земле: прекратите безумное саморазрушение! Советский народ переживает период малодушия и неверия в себя. В эпоху мазохизма ввергла его неопытная и жадная до власти советская буржуазия, стремящаяся оттягать власть у уходящей с политической сцены коммунистической аристократии. Безду-

мно и бездарно взявшись разрушать все структуры советской жизни одновременно — историческую, политическую, социальную, экономическую и психологическую, — советская радикальная буржуазия привела нашу Родину к краю пропасти. Необходимо остановить страшную болезнь малодушия. Она грозит гибелью Советскому государству и неисчислимыми бедами советским людям. Все здоровые силы советского народа обязаны объединиться для спасения Народа, Родины и Государства. Политические партии, объединения и группировки должны временно прекратить всякую политическую борьбу. Опасно существующее в стране многовластие должно быть немедленно устранено. В частности, прежде всего должно быть устранено двоевластие в самой Москве. Самозваное правительство Российской Федерации, находящееся в состоянии фактического мятежа против правительства СССР, должно немедленно самораспуститься. В противном случае Президент СССР властью ему данной обязан арестовать самозваное правительство. В том случае, если Президент СССР окажется не способен устранить многовластие, здоровые силы советского общества обязаны образовать комитет общественного спасения. К. О. С. должен быть образован представителями общественности, пользующихся доверием и авторитетом различных территориальных, национальных и профессиональных групп СССР. В него должны войти в обязательном порядке высшие религиозные лидеры мусульманских республик, католические, протестантские и ортодоксальные священники, представители армии, представители профессиональных групп (в частности, тяжелых профессий — шахтеры, сталевары, железнодорожники), так же как ветераны войны, отцы и матери многодетных семейств, и, разумеется, крестьяне. То есть в Комитете должен быть впрямую представлен советский народ, а не боссы буржуазии, не замы, профессора и академики. Такой способ представительства называется прямой демократией.

Под лозунгом "Одна страна! Одна Родина! Один народ — советский!" комитет общественного спасения обязан прежде всего установить порядок в стране. Для этого он должен от имени народа обратиться к армии с просьбой выполнить ее священнейшую обязанность — защитить советский народ в эти смутные времена, защитить Советское государство от распада.

— *Все это звучит как подстрекательство к сильному режиму.*

— Именно так.

Советская Россия. 1991. 30 января

ЖДУТ ЖИВЫЕ И ПАВШИЕ

Интерпретируя СССР как последнюю колониальную империю, либеральные зарубежные (например, Элен Каррэр Д'Анкосс) и советские историки намеренно совершают вульгарную ошибку. Тем более опасную, что интерпретация историков на наших глазах превращается в идеологию, удобную для сепаратистов всех мастей. СССР не есть последняя колониальная империя, но многонациональное государство-цивилизация.

Наследуя в той или иной степени Римской империи, оказавшиеся на территории Европы варвары создали шесть соперничающих между собой основных цивилизаций. Это: англосаксонская, французская, иберийская, итальянская, германская и российская (последняя наследовала Восточной Римской империи). Из них три — англосаксонская, иберийская (то есть испано-португальская) и российская — в поисках жизненного пространства смогли успешно распространиться за пределы Европы и остаться там, закрепив за собой территории. Англосаксонская успешно колонизировала Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию, иберийская завоевала Южную Америку и колонизировала ее еще прочнее, смешавшись с местными жителями, навязала свой язык и культуру. Российская цивилизация залила собой вакуум Сибири и пограничные ей территории Кавказа и Азии.

Чтобы понять сущность российской цивилизации, присмотримся поближе к соседям — к германской и французской цивилизациям. Если основополагающим принципом германской цивилизации является древнеримский принцип "право крови" (jus sanquinis), то есть там, где живут люди германской крови, там есть германская земля, то французская цивилизация основана на другом, прямо противоположном принципе римского права, на "праве почвы" (jus soli). То есть там, где французская земля, — там французская нация. Принцип "права почвы" был адаптирован французской цивилизацией вынужденно, потому что соответствовал реальности уже существующей, ибо на земле Франции сливались и смешивались в разные времена десятки кровей. Кельтская, латинская, галло-романская и германская, баскская и фламандская, бретонская, овернская и шампанская. Позднее, уже в новое время, — арабская, польская, итальянская... История Франции есть ИСТОРИЯ УДЕРЖАНИЯ ПОЧВЫ, вне зависимости от этнического состава племен, находящихся на этой земле. Племе-

нам этим был дан сконструированный язык (для множества из них заимствованный) — французский язык: великолепный инструмент объединения и цивилизации. Российская цивилизация принадлежит к тому же типу, что и французская, кровь для нее не важна, ее основополагающий принцип — "право почвы" (однако благодаря нашему географическому положению мы оказались одновременно и успешной экспансионистской цивилизацией, подобно англосаксонской и иберийской). По земле нашей прошли, взаимно сливаясь, столько наций и племен, что говорить о "славянской крови" как таковой можно лишь условно. РОССИЯ — это не кровь, не этнос — это ИДЕЯ. У истоков нашей государственности стоят варяги-скандинавы, мы смешивались с половцами, бурятами, поляками, монголами и многими другими нациями на протяжении тысячелетия. Уже в XVII в. русское общество было подлинно интернациональным. Шантай Лемерсьер-Кэлькэжэй пишет в своей книге "Монгольский мир": "...в XVII веке русская аристократия насчитывала 156 семейств татарского происхождения, 168 семейств Рюриковичей и 223 семейства польско-литовского происхождения" (я приводил уже эту интересную статистику в одной из моих статей, но позволю себе процитировать ее еще раз, настолько она показательна). Позднее к этому интерналу присоединились немецкие и голландские семейства, приглашенные Петром и Екатериной, грузинские и азиатские роды, бежавшие от Наполеона французы... Российская цивилизация принимала охотно всех, кто имел желание служить ей и овладевал русским языком. (Парадоксально, что самый на сегодняшний день экстремистский сепаратизм — литовский — возглавляется Ландсбергисом, чей немецкий предок получил землю в Литве из рук немки Екатерины за службу в русской армии!) Русский язык послужил инструментом объединения и цивилизации для ста двадцати или более наций и племен. Российской цивилизации верой и правдой служили поляки, немцы, грузины, кто угодно. Вспомним, что немка Екатерина была самой экспансионистской из русских самодержцев. *История российской цивилизации есть история коллективной гениальности многих народов и многих кровей.* Там, где русская земля, там "русский (в широком смысле этого слова) человек", а кровь у него может быть калмыцкая, монгольская, немецкая — какую Бог дал. Вот таким был (и оставался в годы Советской власти, лишь человек стал называться "советским") основополагающий принцип российской цивилизации. Всякий, кто старается сузить российскую цивилизацию до размеров сла-

вянской крови (ее, пожалуй, не найдешь, чистой славянской и в далеких северных деревнях), служит ей плохую службу.

У КАЖДОЙ из европейских цивилизаций за долгие века конфликтов (достаточно лишь вспомнить, сколько раз сталкивались в войнах французская и германская цивилизации) образовались в конце концов естественные границы. Они нигде не бесспорны, ибо проходят по телу живых народов, их разделяя и рассекая. Эльзасский диалект германского языка чаще слышится на улицах Страсбурга, чем французский язык, эльзасские блюда германской кухни, архитектура старого Страсбурга — германская архитектура, но Эльзас-Лотарингия — французскаая территория. (Шесть раз переходила Эльзас-Лотарингия из рук в руки за последние сто лет, прежде чем граница застыла.) Ницца, без сомнения, куда более итальянский город, нежели французский, однако только крушение Франции как государства сможет вызвать пересмотр границы между двумя цивилизациями.

В чем различие между *пограничными* территориями, подобными Эльзас-Лотарингии или Ницце, и колониями? Колонии обыкновенно суть территории, совсем чуждые колонизаторам по традициям и культуре и расположенные за морем или лежащие за множеством чужих границ. (Нам говорят, что колониализм предосудителен и он обречен. Однако существует столько же примеров удачливого, успешного колониализма, сколько примеров неуспешного. Полная колонизация англосаксонской цивилизацией Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии и иберийской цивилизацией — Южной Америки опровергает якобы непреложный тезис "прогрессизма" — неминуемое "освобождение" всех колонизированных наций...) Пограничные же территории между цивилизациями всегда отчасти "наши", но уже и не наши. Таковы прибалтийские территории, контролируемые российской цивилизацией с темнейших времен. Российская цивилизация вовсе не пришла в Прибалтику с Петром. Российские города-государства Новгород, Полоцк, Псков древнее соседних с ними городов прибалтийских наций. Если Новгород основан в 862 г., Вильнюс только в 10 в., Рига — в 1201 г. (германскими рыцарями!). В 1239 г. (тогда еще языческие) литовские племена сожгли Полоцк. 15 июля 1240 г. Александр Невский разбил шведов на Неве. В 1242 г. он же бился с германскими рыцарями на льду Чудского озера, по озеру этому и сегодня проходит "граница" между РСФСР и Эстонской ССР. Так что земли эти и "наши" одновременно, и не наши, как и полагается пограничным

переходным территориям. Удержать их сегодня или отдать крошечным самолюбивым агрессивным национализмам зависит только исключительно от того, тонка ли стала кишка у российской цивилизации. Только от этого. Ибо никакого высшего, от Бога, принципа по поводу отношений между нациями не существует. Ни Яхве, ни Иисус, ни Аллах не завещали человечеству фундаментальной заповеди по этому поводу. Молчит об этом предмете и идеология либерального капитализма. (Марксистская идеология склоняется, как мы знаем, в идеале к отмиранию государственных границ.) История же свидетельствует, что все государства сформировались исключительно насилием, только им. Вплоть до самых юных: Израиля, 1948 г. рождения, и Бангладеш, рождения 1971 г. (последняя выделилась из Пакистана в результате междоусобной войны и сотни тысяч жертв). И удерживаются государства от распада, видоизменения исключительно угрозой насилия.

Кстати, о нем, о насилии. Убеждение в том, что насилие отрицательно и его применение в решении конфликтов незаконно или предосудительно, есть заблуждение. Начиная от Макиавелли, политические аналитики признают силу как первейшего и главнейшего агента исторических процессов. Всякий, кто в наши дни и в нашу эпоху верит в то, что насилие есть метод, к которому прибегают только "плохие" люди и "плохие" режимы, или не понимает Историю (как новорожденные советские либералы), или не обладает интеллектуальной честностью. Наблюдая за непостоянной, нетвердой политикой Президента СССР, можно предположить, что его время от времени одергивают именно такие люди.

Должна ли российская цивилизация отказаться от прибалтийских республик во имя соблюдения морального принципа? Вопрос, о какой морали речь? О христианской? Она оставляла заботу о нациях и государствах кесарям, лимитируя себя душой человеческой. Или речь идет о морали, заключенной в Декларации прав человека? В преамбуле к универсальной Декларации прав человека лишь сказано вскользь: "Считаем существенным поощрение развитий дружеских отношений между нациями". Вполне "моральным" поступком будет просьба Германии о том, чтобы Польша отдала ей "исконные германские территории по Одеру и Нейсе". И, стремясь к развитию дружеских отношений, Польша должна бы отдать Германии добытые, кстати сказать, нашей, советской кровью территории. Ведь сегодняшняя Германия живет по иным мо-

ральным принципам, нежели потерявшая эти области побежденная гитлеровская Германия. Почему бы не отдать? Но скажите об этом Леху Валенсе... Никто ему об этом и не говорит. Напротив, лидеры Германии и Соединенных Штатов многократно заверили Польшу в неприкосновенности границы по Одеру — Нейсе. В неприкосновенности наших, советских границ нас никто не заверил и не заверяет. В отношении Запада к Восточной Европе явно просматриваются две логики. Одна для "своих", для "друзей", другая, недружелюбная, применяется по отношению к сильному сопернику — российской цивилизации.

Польшу успокоили... Однако вполне возможно представить лет, скажем, через десять (в случае, если российская государственность ослабнет), организованные США, Великобританией, Францией переговоры о переделе границ в Восточной Европе. Вспомним прецеденты: Венский конгресс, Версальский договор, Ялту. Нехотя, под нажимом уступив могучей Германии территории по Одеру и Нейсе, Польша, можно предположить, получит как компенсацию Калининградскую область и... часть Литвы. Почему нет? Ведь уже кроили как хотели. Посчитайте, сколько государств выкроили из одной только Австро-Венгерской монархии... Западу интересна сегодня Литва как аргумент и средство расчленения сильного противника — русской государственности. Однако самый близкий друг Запада (и сама — Запад) — восьмидесятимиллионная Германия, а уж следующий по значению друг — тридцативосьмимиллионная Польша. Литвой же, с тремя с половиной миллионами населения (из них 700 тысяч русских и поляков), можно будет и пренебречь. И к тому же Польша имеет не меньше исторических прав на Вильнюс, чем Литва...

"Передовые" и "прогрессивные" жители Ленинграда и Москвы (относящие сами себя к интеллигенции) склонны думать, что если СССР обрежется до границ РСФСР, то, освободившись от назойливых республиканских национализмов, они смогут спокойно наслаждаться плодами рынка и предметами западного импорта. О нет, чаадаевы, вас не оставят в покое! Это будет не концом процесса, а только его началом. Покажет клыки дружественная Финляндия, татарская республика станет точить свои пики на востоке от Москвы. Проснутся или уже проснулись марийские, чувашские и еще десятки расписных национализмов. Окрепнув и заручившись международной поддержкой (особенно северных стран), эстонские националисты предъявят свои права и на город Петра. Дождетесь! И если

сегодня это кажется немыслимым, но разве еще несколько лет тому назад казалось мыслимым воссоединение Германии? На юге и востоке РСФСР тысячами километров граничит с агрессивной сегодня исламской цивилизацией и с мощной китайской. Вы думаете, они будут наблюдать безучастно все ваши отказы и отдачи и не воспользуются моментом, дабы урвать куски насущно необходимого им жизненного пространства? Покоя не будет. Как минимум, вы будете вынуждены вести оборонительные войны следующие полстолетия.

Советские люди не должны позволить одурманить себя опиумом "демократии". На Западе это расхожее слово употребляется демагогами от политики в тех же обстоятельствах, в каких советские демагоги более полувека употребляли слово "коммунизм". Мир живет и существует по законам силы, и горе тому в этом мире, кто слаб. Слабому человеку, слабому государству, слабой цивилизации. Никакие международные права, никакие "демократические принципы" не оградят многонациональную российскую цивилизацию от полного распада и пожирания соседями, если народы ее потеряют волю к сохранению ее. Советские люди должны извлечь урок из того, что происходит в Ираке. Такое давно произошло бы с СССР, не будь у нас ядерного вооружения и мощной армии. (Разве не называли нас "кровавым советским тоталитаризмом", "зловещей империей", как сегодня называют иракский режим "фашистским"?) Нужно быть сильными. Это в интересах нас всех. От того, что РСФСР станет называть себя "демократией", отношение к нам соседей не изменится, ибо оно диктуется геополитикой, а не эмоциями.

Не следует стремиться к моральной правоте, всем угождать. Государство — не церковь. Специальностью той является мораль граждан и контроль над соблюдением заповедей. Демократическое государство (именно потому оно и демократическое) в идеальном его виде должно служить инструментом насилия широкого большинства над интересами индивидуумов и групп. Все существующие законы всех государств именно эту цель и преследуют.

Президент СССР обязан сказать четкое НЕТ экстремистам прибалтийских и кавказских национализмов и тем самым решительно остановить дезинтеграцию нашей цивилизации. Объявить военное положение в Прибалтике и убрать от власти экстремистов. Взять на себя полную ответственность за действия Советской Армии. Миллионы россиян многих наций и народностей, павшие на Чудском озере, на Куликовом поле,

в сражении под Полтавой, на Бородинском поле, в битве за Берлин, в тысячах битв за нашу общую российскую цивилизацию, смотрят на Вас, Президент. И ждут. И ждут живые; ждут друзья, ждут сомневающиеся, потерявшие веру, ждут ненавистники и враги. Не следует забывать к тому же, что мы не только окружены соперничающими цивилизациями, но и структурно объединяем в трагическом разбросе 120 народов. И все они смотрят на то, что происходит в Литве, и ждут.

Останемся ли мы российской цивилизацией или выродимся в опереточную Московскую Демократическую Республику, зависит только от нас самих. От нашей коллективной силы воли. Нам не на кого надеяться. Запад нам не друг, так же как и Восток. У государств нет друзей — есть временные союзники, меньшие или равные по силе. "Холодная война" в известном смысле была идеальной дружбой-враждой равных. Сегодня Запад презирает СССР за его слабость. Нужно быть сильными. Иначе погибнем.

Советская Россия. 1991. 15 марта

ДВЕ КАПЛИ В МОРЕ ПРЕЗРЕНЬЯ

Портрет экс-министра

"Литературная газета" № 14 и "Огонек" № 15 дружно посвятили номера семье Шеварднадзе. В "Литературной газете" — интервью с мужем, в "Огоньке" — с женой. Светская хроника меня не привлекает, но чрезвычайно интересуют новые лидеры (пусть даже и в отставке), поэтому я внимательно прочел статьи с карандашом в руках. Мне интересно было понять, кто он — бывший человек номер два режима. Вот что я узнал от Эдуарда Амвросиевича с помощью Федора Бурлацкого. Существуют, оказывается, силы и идеи, каковые условно можно назвать силами Добра. Они носят следующие имена: "политика нового мышления", "достижения перестройки", "идеалы перестройки", "принцип общечеловеческих ценностей", "цивилизованная государственность", "цивилизованное общество". В последнем, ценно объясняет Шеварднадзе, "есть правящая партия и есть оппозиция". (Нетрудно заметить, что "цивилизованный" — любимое определение Эдуарда Амвросиевича.) Очень легко узнать, кто есть кто в мире, утверждает Шеварднадзе: "...права человека. По отношению к ним можно судить, с каким строем вы имеете дело — цивилизованным или нецивилизованным".

Белоснежным силам Добра противостоят, как полагается, силы Зла. Согласно бывшему министру иностранных дел, это: "прежние стереотипы поведения и сознания", некто или нечто, кем или чем "реанимируется образ внутреннего и внешнего врага". Это "реакционные силы, стремящиеся отринуть принцип общечеловеческих ценностей, заменив его постулатами классовой борьбы", это "старые порядки".

Свою деятельность в качестве министра иностранных дел Шеварднадзе оценивает следующим образом: "... мы работали, скажем так: самоотверженно. И кое-что у нас получалось", "Когда мы начинали с Рейганом, он называл нас "империей зла", "Полагаю, что накопленный в международных делах опыт поиска согласия надо брать на вооружение нашим республикам". Приводится высказывание Горбачева, что "МИД работает нормально, что он спокоен за состояние дел на этом направлении".

Я узнал, что Шеварднадзе не против "демократической оппозиции": "Я уважаю любое демократическое движение". Экс-министр считает, что "страна буквально горит". Невзирая на то что страна горит, он "категорически против использования армии в карательных целях... Давайте наводить порядок адекватными демократии средствами и методами", "Не бросать армию против собственных граждан... Надо освободить ее от этих функций".

Будущее горящей страны, каким оно видится Эдуарду Амвросиевичу? "Когда в обществе нет самого элементарного порядка, на арену может выйти *совершенно неизвестная фигура* и, посулив "железный порядок", повести за собой многих". И экс-министр заключает, что "нужны способные, деятельные люди прогрессивной ориентации".

Добравшись до "прогрессивной ориентации", я уныло подумал, что не понять мне Эдуарда Амвросиевича, так он и останется для меня таинственной личностью, прочно скрытой за броней нового перестроечного языка — "перестройки-спик". Я уже было собрался свернуть "Литературную газету", но наткнулся в самой последней колонке на следующие, слава Богу, конкретные наконец строки: "Вспоминаю о встрече с Савимби, лидером ангольской оппозиции. Пропаганда, мягко говоря, не льстила ему, и я не без опаски согласился на разговор с ним. Оказалось, *образованнейший человек, врач, умница.* Мы очень хорошо тогда поговорили и о многом договорились".

Тут-то я и получил ключ к личности Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Остановимся ненадолго на Анголе, на

позиции и на личности Савимби, и я вам объясню, кто такой Шеварднадзе.

К моменту революции в Португалии (1974 г.) в ее бывшей колонии Анголе существовало три национально-освободительных движения. MPLA (лидер Аугустиньо Нето, основано в 1956 г.), FNLA (лидер Холден Роберто, основано в 1962 г.) и UNITA (основано в 1966 г., лидер Жонас Савимби, бывший "лейтенант" Х. Роберто). Когда 11 ноября 1975 г. португальский губернатор Анголы адмирал Кардозо спустил португальский флаг и быстро погрузился вместе с последним отрядом на ожидающий в гавани Луанды военный транспорт, столица была занята партизанами MPLA. Разбитые накануне 10 ноября в битве под Луандой партизаны FNLA праздновали День независимости в маленьком городке Амбиз, а Савимби со своими партизанами находился в лесах на юге страны. Борьба за власть между национально-освободительными движениями, как видим, началась еще до провозглашения независимости, и в этой борьбе MPLA сразу же показала себя сильнее соперников. Уже в феврале — марте 1976 г. MPLA распространила свою власть на всю Анголу (несмотря на то, что FNLA и UNITA объединились против нее). Тут и могла бы страна начать мирную жизнь независимого государства. FNLA была полностью разбита, столица UNITA — Хуамба пала в феврале 1976 г., и Савимби с несколькими сотнями последних партизан скрылся в пограничной с Намибией саванне.

Но ни Южная Африка, ни тем паче Соединенные Штаты не могли простить MPLA того, что ей помогали СССР (вооружением и инструкторами) и Куба (вначале ограниченный контингент кубинских солдат увеличивался по мере вмешательства южноафриканских войск в войну). С помощью Южной Африки, Заира и Соединенных Штатов UNITA перегруппировалась и начала новые партизанские действия. Такой же черный националист, как и Холден Роберто или Аугустиньо Нето, чем же приглянулся именно Савимби режиму апартеида? Исключительно тем, что логика борьбы за власть сделала его противником MPLA. Чем руководствовались Соединенные Штаты в своей поддержке UNITA? Теми же несложными мотивами. Уже в июле 1975 г. "доктор Генри Киссинджер уговорил президента Форда отложить (первые) 32 миллиона долларов, *дабы безопасно удержать Анголу в руках Запада...* В ответ на его пожелание ЦРУ образовало Ангольские Специальные Силы..." — пишет в своей книге "Новые наемники" английский историк Энтони Моклер. Правда, при умеренном президенте

Картере конгресс проголосовал за поправку Кларка, запрещающую интервенцию Соединенных Штатов в Анголе (к тому времени против MPLA уже воевали белые наемники, нанятые на деньги ЦРУ). Воинственный Рейган, придя к власти, разумеется, надавил на конгресс, и поправку Кларка сняли. "*Мир в Анголе, таким образом, никогда не был установлен, без сомнения, потому, что UNITA получала помощь Южной Африки и (с 80-х годов) от администрации Рейгана*", — заключает канадский историк Т. Е. Ваднэй в книге "Мир после 1945 г.".

Я предлагаю читателю задуматься над тем, что вот уже шестнадцать лет (если отсчитывать с момента провозглашения независимости) подряд ведет Жонас Савимби свою борьбу за власть. Он ответствен за то, что на протяжении жизни целого поколения в стране идет война. Он ответствен за военные вторжения Южной Африки на территорию Анголы. Он ответствен за горы трупов. Теоретические же его изначальные расхождения с режимом Луанды менее серьезны, чем расхождения между Горбачевым и Ельциным.

Да, Жонас Савимби учился в Оксфорде, он отлично говорит по-английски. (Говорит он и по-португальски, не забудем, что Ангола была португальской колонией.) Однако Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе не мог оценить его английского, так как он первый (если не ошибаюсь) из министров иностранных дел СССР не говорит по-английски. Не владеет он и никаким другим иностранным языком. Он и Савимби "поговорили и о многом договорились" через переводчика. Разгадка Шеварднадзе здесь, рядом. Дело в том, что чрезвычайно рано начавший свою партийную карьеру ("он... тогда учился в Высшей партийной школе. До этого работал секретарем горкома комсомола... в 1951 г. Сталин еще был жив", — свидетельствует мадам Шеварднадзе в интервью "Огоньку"), он чувствует себя плохо образованным человеком. Естественно, у него не было времени, ведь в двадцать лет он уже был секретарем горкома комсомола! Посему Эдуард Амвросиевич преклоняется перед образованием. Согласно "пропаганде", которая "не льстила" (советской, что ли, своей? Но тогда не пропаганда, а "источники"...), выходило, что Савимби враг, плохой, то есть необразованный, а Шеварднадзе, встретившись с ним, был поражен: "*оказалось, образованнейший человек, врач, умница*", то есть, по той же логике, — хороший, свой. На мой взгляд, если враг наших друзей и союзников (а СССР связывает с Анголой договор о дружбе и сотрудничестве от 8 октября 1976 г.) оказался интеллигентным и умным врагом, он еще опаснее для

наших союзников. Неужели министр иностранных дел верил в то, что "стереотипы образа врага", "устранение которых зависит исключительно от воли сторон" (он поведал об этом Бурлацкому), — это враг глупый, враг некрасивый, враг горбатый? Жонас Савимби доказал свою политическую гибкость, политический ум, но доказал и свою беспринципность, безжалостность к своему собственному народу, каковому он уже шестнадцать лет навязывает войну и будет навязывать, несмотря на все подписанные МИДом и лично Шеварднадзе бумаги. Уже упоминавшийся английский историк Энтони Моклер не разделяет приязни Эдуарда Амвросиевича к Жонасу Савимби, называя его "нагло-самоуверенным бородачом".

Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе попал в дипломаты из первых секретарей ЦК Грузии. Интересно, как оценивает результаты его работы в Грузии Президент СССР? Горбачев "спокоен за состояние дел в этом направлении"?! Уважение к образованию, стремление к знаниям — похвальные качества. Уважающий образованнейших умниц, Шеварднадзе всего лишь неосторожно выразил восхищение авторитарным лидером с оксфордским образованием (террористом в конечном счете. Именно таких выращивает старательно перестройка уже шесть лет на окраинах страны, превратив их в инкубаторы для будущих савимби, одетых в хаки), однако за восхищением этим ясно видится метод, подход, новое мышление. Сводится метод к следующему: интеллигентный, образованный, цивилизованный, умеющий клясться "правами человека" и спрягать во всех падежах слово "демократия" — свой. Все "цивилизованные" люди — НАШИ, положительные, хорошие. Образованнейшие: филолог Тер-Петросян, писатель Звиад Гамсахурдиа, писатель Вацлав Гавел (только что навязывавший НАТО Чехословакию), а уж тем более близкий к музыке Витаусткас Ландсбергис, поэт Иван Драч — с ними можно поговорить и договориться, а наши дети и внуки вынуждены потом будут вести шестнадцатилетние войны с этими образованнейшими! И миллионы беженцев будут вынуждены покинуть родные деревни и города, бежать...

Милая женщина, жена Эдуарда Амвросиевича, трогательно сообщает, что муж "с детства много читал... Когда я выходила замуж, он, может быть, литературу знал лучше меня. Он вообще гуманитарного склада человек...". От нее же мы узнаём, что "он одержим работой. Даже в воскресенье всегда работал". "Я всегда поражалась его работоспособности, особенно в командировках. Представляете, мы ездили в Африку:

за восемь дней — семь стран. Перелеты не маленькие — по пять-шесть часов. Он только заходит в самолет, сразу бумаги достает, помощников вызывает, начинает работать..." (Это не в тот ли мгновенный визит успел Шеварднадзе договориться с "умницей"?)

Если бы я задался целью написать ядовитую статью, высмеять экс-министра, множество перлов возможно было бы извлечь из порою переходящего в анекдот интервью с его супругой. Чего стоит одно только признание Шеварднадзе жене: "Знаешь, я и во сне иногда думаю...", или такая жемчужина, достойная пера Даниила Хармса: "Бывало, выходит с приема какой-нибудь директор химического комбината и спрашивает: "Эдуард Амвросиевич случайно не химик?" Но у меня другая цель — попытаться выяснить, кто же управляет СССР сегодня, что за тип людей? И я с грустью, со страхом за судьбу моей Родины, с изумлением, наконец, вынужден констатировать следующее. У меня складывается впечатление, что Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе безупречный семьянин, положительный человек и абсолютно некомпетентный дипломат и политик. И что, помимо недостатка знаний, у него еще нет и просто опыта жизни, опыта общения с заурядными смертными. Трагическая судьба — войти в номенклатуру в двадцать лет. И писателю (Евтушенко, Аксенов...), и ученому (Сахаров), и тем паче политическому деятелю. Всю жизнь он будет вынужден довольствоваться скудным опытом подростка-юноши... Последние сорок лет жизни Э. А. Шеварднадзе прошли в искусственном мире аквариума коммунистической аристократии. В общении с такими же важными рыбами, как он. Увы...

Потому я не могу согласиться ни с оценкой работы Шеварднадзе Президентом СССР (заинтересованным лицом), ни с любящей супругой, декларировавшей, что: "Просто мой муж — дипломат от Бога. Дипломатом ведь, как художником или поэтом, родиться нужно. Сколько академий ни оканчивай, ничего не получится, если в крови этого нет. Первое время ему пришлось только осваивать фактический материал — сколько и каких у нас ракет и так далее... *А так он всю жизнь дипломатом был*". Наверняка в аквариуме для отборных юношей совпартшкол и обкомов комсомола и впоследствии в еще более тесном, для первых секретарей обкомов и республик, Эдуард Амвросиевич знал, как плавать, как себя держать, с какой силой коснуться плавником, то есть пожать руку, что и когда говорить и когда нужно промолчать. Дипломатичес-

кий код аквариума он знал. Но между дипломатическим поведением в аквариуме, то есть искусством ладить с людьми, быть уживчивым в аквариуме, и дипломатией МИДа, да простит меня милейшая мадам Шеварднадзе, нет ничего общего! Международная дипломатия — это искусство навязать противнику свои условия. Ее муж получил свой пост за заслуги политические, за то, что поддержал избрание Горбачева в Генеральные секретари. Никакого опыта международной работы у него не было. В мир международной дипломатии Шеварднадзе пришел чужим, аматёром. Это уже гигантский минус. Обыкновенно в МИДах всех стран мира дипломаты возвышаются постепенно, начиная с самых младших должностей, приобретают опыт и только тогда допускаются к должностям высшим, ответственным.

Что происходит в Грузии, где Шеварднадзе был долгое время первым секретарем, а мадам Шеварднадзе — "первой леди" (фраза "Огонька"), — вы знаете. Посмотрим поближе на деяния Шеварднадзе-министра. Основной заслугой Шеварднадзе считается объединение Германии и "раскрепощение" стран Восточной Европы. Все обстоятельства "раскрепощения" неизвестны общественному мнению. Не исключено, что, как на этом настаивает полковник Алкснис, "бархатные революции" были организованы посольствами СССР и КГБ. (Я тоже склоняюсь к этому мнению. Отсутствие неопровержимых доказательств свидетельствует лишь о том, что работа была проделана отлично.) Остановимся на совершившемся и несомненном объединении Германии. Цитирую вновь мадам Шеварднадзе: "Накануне той сессии ему сказали, что против него зреет заговор, что солидные чины из консерваторов собираются против него выступить: обвинить в объединении Германии". "А Горбачев за объединение Германии Нобелевскую премию получил!.." (ехидная реплика Анастасии Ниточкиной — интервьюера "Огонька").

Кто бы ни был инициатором объединения Германии, важен здесь даже не сам факт объединения, а то, на каких условиях оно произошло. А состоялось оно на невыгодных, опасных для СССР условиях. Поэтому жаль, что "солидные чины из консерваторов" только собирались выступить. Следовало выступить, и решительно... Если Эдуард Амвросиевич так много работал эти годы ("за эти пять лет и спал-то по три часа в сутки", свидетельствует жена), то он должен был наткнуться в архивах МИДа, в досье "Германия" на документы, датированные июлем 1952 г. Не кто иной, как его земляк Иосиф

Виссарионович Сталин, предложил тогда объединить две Германии (не по инициативе СССР, будет уместно здесь напомнить, некогда разделившиеся, но по инициативе Запада) *с условием, что объединенная Германия будет нейтральной* страной. Запад отверг это предложение Сталина (так же как и несколько других его предложений о союзничестве. Например, в 1936 г. он предложил Западу совместно воевать против фашизма в Испании и "везде, где бы он ни появился").

И вот в 1990 г. стараниями Эдуарда Амвросиевича (то есть 38 лет спустя) Объединенная Германия стала членом НАТО. Это прямо противоположно интересам СССР, как политическим, так и экономическим. Новое мышление или старое, коммунизм или капитализм на дворе — геополитические интересы стран остаются неизменными, так же как и их география. Вспомним, что воевать с Германией пришлось равно при царях и при Сталине. Иран, например, преследует ту же внешнюю политику, что и четыре тысячи лет назад. Повторяю, не факт объединения Германии, а восемьдесят миллионов трудолюбивых дисциплинированных германцев в составе НАТО противоречат нашим интересам. И не только нашим. Очень озабочены и ближайшие соседи Германии, поляки и французы. (Пусть Миттеран и его социалисты и улыбаются натянуто объединению.) И Израиль не в восторге. И даже Соединенные Штаты дали несколько раз понять, что предпочли бы, чтобы все это произошло медленнее. Поторопился Эдуард Амвросиевич. Если бы не поторопился, в странах Восточной Европы были бы у власти (пусть чуть позже) более дружественные режимы.

Менее "цивилизованный" грузин Иосиф Виссарионович, заметим, имел куда больше опыта "подлой" простой жизни, чем аквариумный Эдуард Амвросиевич, опрометчиво считающий каждого образованного умницу другом и союзником. Без сомнения, Иосиф Виссарионович был тираном, однако было бы несправедливо отказывать ему в здравом дипломатическом смысле, когда он его проявлял. А он его проявлял нередко: и в 1936 г., и после Мюнхена, и в 1952 г. в июле, когда Запад ответил "нет" на идею единой нейтральной Германии, он их дипломатически оставил с двумя Германиями. Характеры двух грузин, сыгравших историческую роль в судьбе Германии, как видим, противоположны. Если Иосиф Виссарионович был тираном, то кто такой тогда Эдуард Амвросиевич? Как называть его? Демократ? Альтруист? Дилетант? Или назвать его грубее: некомпетентный олух? Как бы там ни

было, искусством навязать противнику свои условия (что и есть ДИПЛОМАТИЯ) он не владеет. Извините, мадам Шеварднадзе и Президент Горбачев.

Шеварднадзе, поверим жене, работал, читал, пополнял образование, но что читал? Референты переводят на русский язык только модные книги. Что-то узнать можно. Однако никакие рефераты не могут поведать Шеварднадзе о деталях той самой цивилизации — западной демократии, к которой он испытывает, осмелюсь сказать, неоспоримую тягу (об этом свидетельствуют вышеприведенные его же высказывания). Однако он не знает Запада, он всего лишь проскакивал в пуленепроницаемом автомобиле, с полицейскими эскортами через его столицы на пути из аэропорта в спецотель; так же, как он не знает Африки, проворошив в полете досье и пробыв в каждой стране 27 часов минус перелеты и сон. Если бы знал, он не попадал бы впросак повсюду и всегда. Человеку с Запада с этой стороны невозможно читать эмоциональный нонсенс, излагаемый Эдуардом Амвросиевичем, например, по поводу того, что он "категорически против использования армии в карательных целях" и его намерение — *"наводить порядок адекватными демократии средствами и методами"*. Если еще можно простить невежество советской демократической прессе (какой дебильный шум она подняла по поводу введения совместных, милиции и армии, патрулей), то уж вовсе не простительно экс-министру иностранных дел не знать (а бравые ребята-помощники куда смотрят?) хотя бы в основных чертах, как же функционирует разлюбезная ему цивилизация-демократия.

В самой старой демократии мира, во Франции, уважаемый Эдуард Амвросиевич, ежедневное присутствие армии на улицах узаконено уже несколько десятилетий. Бывая в Париже с дипломатическими визитами, вы, может быть, видели в горячих точках города густо-серые (недавно появилась новая модель: бело-синяя) бронированные автобусы с отдыхающими в них мускулистыми дядями в темно-синих комбинезонах и таких же пилотках. Дяди вооружены не жалкими штыками, как советские солдаты-патрульные, а сверхсовременными карабинами и автоматами. Плюс у каждого на боку револьвер, а в автобусах сложено более серьезное вооружение. Это специально тренированные части армии — CRS, и подчиняются они, естественно, министерству обороны. Круглые сутки дежурят (в дополнение к "нормальным" полицейским формированиям. Всего во Франции двенадцать различных полиций!) люди CRS

с автоматами и в пуленепробиваемых жилетах у административных зданий, у посольств, но основная их функция — держать под контролем толпы. Постоянно заякорены автобусы в местах массового наплыва народа: в популярном у молодежи районе Ле Халля, на Елисейских полях, на площади Республики, на площади Бастилии и т. д. В следующий раз, когда будете проскакивать через Париж, Эдуард Амвросиевич, обратите внимание на вооруженных до зубов ражих дядей, жующих завтраки в автобусах, зевающих или разминающихся... По малейшему сигналу несутся через Париж с воем автобусы подкрепления. CRS зарекомендовали себя жесточайшими методами разгона демонстраций, о чем свидетельствуют самые распространенные на стенах Парижа надписи "CRS - SS", но постоянное присутствие отборных подразделений армии на улицах, без сомнения, отпугивает преступников. *Армия — адекватное демократии средство наведения порядка,* Эдуард Амвросиевич! Плюс двенадцать видов полиции.

Шеварднадзе не объяснил Бурлацкому ни что такое, по его мнению, "новое мышление", ни что такое "принцип общечеловеческих ценностей". И вот я думаю, а что, если (к великому несчастью советских людей) "принцип общечеловеческих ценностей" Эдуарда Амвросиевича есть обывательское отношение к политике и дипломатии, а "реакционные силы, стремящиеся отринуть" этот принцип, всего лишь здравомыслящие люди — те, кто пытаются вернуться к практике нормальных политико-дипломатических отношений? Обыватель всех стран мира всегда ведь (и в США, и во Франции тоже) плачется: "Зачем мы помогаем другим странам? Зачем мы поддерживаем их режимы? Мы сами небогатые... У нас у самих безработица..." Дипломат же и политик знают: чтобы экзерсировать влияние, дабы иметь страны-друзей, иногда, наконец, просто для того, чтобы они не стали нашими врагами... Да, дорого, неудобно, часто приходится поддерживать неприятные режимы, но нужно. Так поступают США, Франция, Великобритания, меньшие европейские и неевропейские страны. Так поступал СССР до введения "принципа общечеловеческих ценностей". Политики США и западноевропейских стран, насколько можно судить по иракской войне, не только не адаптировали "новое мышление", но вернулись (СССР самоустранился, капитулировал, как великая держава, можно расслабиться и стать самими собой) к принципам каннибализма. Что, если вооруженный "новым мышлением" дипломат-любитель Эдуард Амвросиевич и его друзья — дипломаты и полити-

ки-аматёры натворили таких дел, что и наши внуки их не расхлебают?! Установили враждебные нам режимы гавелов в Восточной Европе, санкционировали иракскую бойню, отшатнули от себя массы арабского мира, потеряли сотни миллионов друзей (пусть это и были бедные друзья), тщательно культивируемые семьдесят лет дружбы рухнули... А что приобрели? Восторженно пишут западные газеты о визите преемника Эдуарда Амвросиевича в Израиль. Но что нам Израиль? Карликовое государство с расистским режимом, само живущее на иждивении США и американского еврейства... Разве с израильским послом в Москве легче будет уговорить Израиль отказаться от оккупированных территорий? Вздор. Во имя чего отказались от старых дружб? Чтобы добиться любви Запада? Эдуард Амвросиевич "начинали с Рейганом" (он пожаловался Бурлацкому, как трудно и тяжело "начинали") ради удовольствия заслужить от Буша когда-нибудь ласковое прозвище "империи добра"? Это у Рейгана и Буша (выбомбившего в пыль слаборазвитый Ирак, как Дрезден и Берлин) Советская страна ищет похвал? Если раньше Запад боялся СССР, то теперь он его презирает. Любить СССР или даже урезанную РСФСР Запад не может. География и 150 миллионов русских у его порога обрекли Запад на вечное недоверие к нам, страх и на стратегическую, если можно так выразиться, нелюбовь. При чем здесь "принцип общечеловеческих ценностей"? На нем основаны десять заповедей христианства и тридцать заповедей Универсальных Прав человека. Согласно Эдуарду Амвросиевичу, уважение к правам человека — верный признак цивилизованного строя. Только что мы были свидетелями того, как коалиция 29 стран во главе с самыми заядлыми апостолами-миссионерами прав человека — США, Великобританией, Францией — трусливо выбомбила с лица земли от 100 до 300 тысяч вооруженных личным оружием иракских крестьян. Первое право человека: быть живым. И что с того, что права человека были нарушены коалицией во имя "международных прав"!

Уже вошли в обиход западной прессы, радио и телевидения унизительные по отношению к Советскому государству штампы и обороты речи. "Соединенные Штаты хотят наградить СССР встречей в верхах за хорошее поведение в иракском конфликте", — услышал я сегодня по BBC. Этого нюанса Эдуард Амвросиевич не сможет понять, ему вряд ли переведут обидное "наградить". Уже на следующий день после объединения Германии некто Шульц, сотрудник МИДа ФРГ, на вопрос интервьюера "Радио Франс Интернасьональ": "А что, если

СССР передумает, не захочет выводить свои войска из ГДР?" — презрительно заметил: "СССР ничего не сможет сделать. Он настолько ослаб, что мы не принимаем его в расчет". Эти два примера — только две капли в море презрения.

Как видим, "новое мышление" Эдуарда Амвросиевича в области международных отношений вызывает на Западе безоговорочное одобрение. Я узнал недавно, что Шеварднадзе прочат в Генеральные секретари ООН. Если это случится (а я думаю, что да), какие действия Запада санкционирует Шеварднадзе? Поход западных стран против "нецивилизованной", не уважающей права человека Кубы? Войну с Китаем? Вхождение "демократической" Грузии в НАТО?

Какова причина вдруг одновременного паблисити, сделанного Эдуарду Амвросиевичу "Огоньком" и "Литературной газетой"? Причину я нашел в реплике Анастасии Ниточкиной, интервьюера "Огонька": "Горбачев еще одного человека из своей команды продал".

Советская Россия. 1991. 3 июля

"ДЕМОКРАТ" В ПАРИЖЕ

Я посетил 13 ноября встречу с "близким к Ельцину" (так он был объявлен в программе) Юрием Афанасьевым в пригороде Парижа (но уже в другом городе) — Монтрое. Из любопытства. Выложил двум старушкам у входа в "зал праздников" мэрии 25 франков. (Мзда называется прилично: "участие в расходах".) Тема встречи: "СССР. Какое будущее?"

Прошел в пустой зал. Уселся. Сели в первые ряды несколько стариков и старушка и попытались говорить по-польски: "Дзень добри", "Твоя кохана?", но, беспомощные, вернулись к французскому. Я сосчитал присутствующих: 40—50 человек сиротливо сбились в первых рядах обширного зала. Очевидно, французам все уже ясно с будущим СССР. Появился моложавый, седой, коротко остриженный мэр Монтроя Жан-Пьер Брард со свитой. Узнав меня (мы хорошо знакомы), представил тяжелому сырому мужику (серый пиджак, синие брюки, белая рубашка, галстук): "Мсье Лимонов — мсье Афанасьев". Афанасьев чуть замешкался. Рука его, дрогнув, застыла у бедра. Он читал мои статьи в "Советской России"? "Следует быть вежливым", — сказал я себе и подал ему руку. Мясистая, мягкая рука оказалась у профессора-демократа. Жан-Пьер

Брард, Афанасьев и не объявленный в программе французский экономист расселись на эстраде. Свита в первых рядах.

"Никто не знает, что такое СССР сегодня и существует ли он", — начал Афанасьев на приличном французском. "Прибалты вышли из Союза навсегда. Украина также говорит о том, чтобы выйти навсегда, а без Украины никто не знает, что станет с Союзом..." Хмурый Афанасьев звучал, однако, отстраненно, как будто констатировал ЧУЖОЕ поражение. "Мы потеряли все марксистские, коммунистические, коллективистские ценности, и мы не пришли к другим ценностям..."

Первый вопрос из зала. Спрашивает один из организаторов встречи. "Отсюда, из Франции, мы видим у вас множество властей, и мы себя спрашиваем: "Кто командует у них там? Горбачев? Ельцин? Республики?" Ответ Афанасьева: "Да, множество иррациональных вещей происходит в отношениях между центром и республиками... Мы подписали большое количество совместных договоров, но они не работают, не выполняются республиками... Дело в том, что у нас происходит формирование государств-наций, как в 19 веке уже случилось в Западной Европе..."

Меня все больше поражает его тон. Тон обреченности. Фаталистического смирения с происходящим. Да, если не вмешиваться и ПОЗВОЛИТЬ, то еще через несколько месяцев у нас будут происходить уже процессы не 19 века, но средневековые — 12, скажем, века, затем 9-го, и так доберетесь до процессов времен Атиллы Гунна. Каждый городок, каждая деревня превратится в бандитскую "республику", и "президенты" будут исчисляться уже не десятками, как сегодня, но тысячами и десятками тысяч. Разве не случилось так в 1917—1921 гг., когда бесчисленные "батьки" и "атаманы" орудовали от белорусских болот до Владивостока? Сегодня происходят те же процессы, только "батьки" и "атаманы" модно называют себя "президентами". И это вы, профессор Афанасьев, и люди вашей же демократической идеологии начали самоубийственный процесс, позволили сепаратизмам родиться и позволяете им усугубиться ежедневно. "Близкий к Ельцину", к власти, неужели вы не понимаете, что власть — это жестокое искусство подавлять "батек", и "атаманов", и "президентов" во имя того, чтобы мирно жили народы, ибо государство наше многонациональное. Народы Западной Европы куда более выдрессированы и замирены дополнительно сытой жизнью, но и у них есть потенциальные "батьки" и "атаманы". И сколько! На президентских выборах 1988 г. во

Франции кандидаты экстремистских партий, призывающих к полному разрушению существующей социальной системы, вместе (всех в сумме, левых и правых) получили 22,64%. Вместе с националистами: корсиканскими, баскскими, бретонскими, эльзасскими — они завтра растащат Францию на куски. Если им позволить. Им не позволяют. Власть нужно применять, господа демократы, если уж вы ее выхватили из беспомощных, трясущихся рук Янаева. Но зачем выхватывали, если у вас самих трясущиеся руки?

Вопрос соседа Афанасьева по эстраде, экономиста: "Ельцин собирается упразднить 80 союзных министерств в декабре этого года. Децентрализация — процесс необходимый, но не распадутся ли таким образом и те немногие экономические связи, которые еще существуют? Не усугубит ли эта акция экономический кризис?" Ответ Афанасьева: "Советская экономика начала разрушаться, *может быть*, уже двадцать лет назад... Я лично не вижу другого пути, кроме рыночной экономики... Конечно, условия жизни резко ухудшатся для большинства советского народа".

Двадцатилетний кризис — прямая ложь, рассчитанная на заграницу, на неосведомленность французов, ложь, пусть и снабженная вежливым "может быть". В своем выступлении в Ленинграде в мае 1985 г. Горбачев сказал: "В последнее время мы движемся с темпами прироста национального дохода в пределах трех процентов в год... Расчеты же показывают — нам нужно минимум четыре. Если не будет четырех процентов — а надо бы даже больше, — тогда встает вопрос: что делать? Свертывать программу повышения материального благосостояния народа? На это мы пойти не можем". И вот только за первые восемь месяцев 1991 г., по самым благожелательным подсчетам, национальный доход УПАЛ на 12%!

Сзади меня микрофон получил коротко остриженный юноша, он и его подружка записывают все время. "Вы сказали, мсье Афанасьев, что полный переход на путь рыночной экономики вызовет дальнейшее обнищание большинства советского народа. Я хочу спросить... следует ли упорствовать, если так, следует ли насиловать советский народ рынком?" Юноше лет двадцать, вопрос задан неуверенно, неагрессивно, как бы извиняясь. Благожелательный мэр помог гостю уйти от ответа. Он предложил выслушать еще один вопрос из публики, "пусть мсье Афанасьев ответит на оба. Мы сэкономим время". Мэр — опытный бюрократ. Чистенький мсье впереди меня, вполне буржуазного вида, задал, однако, тоже неожиданно неприят-

ный вопрос: "Вы решили приватизировать, продать частным лицам предприятия, созданные руками советского народа. Согласно результатам советской же анкеты, перепечатанной "Ле Монд", больше пятидесяти процентов новых советских бизнесменов признались, что пользуются взятками, дабы получить от новых властей заказы и привилегии. Таким образом, вы собираетесь продать собственность советского народа криминальным отечественным бизнесменам и иностранным капиталистам. Что вы об этом думаете?"

Афанасьев заметно оживился. "Да, на смену политической власти приходят все чаще власть и силы экономические. Я согласен с вами, мы проводим приватизацию без правил, дикую... Видите ли, по профессии я не экономист, я не знаю в деталях, как ее следует проводить, но я активно за приватизацию". Было видно, что профессор Афанасьев гордится своим незнанием и своей неколебимой верой. Улыбаясь, мэр задает безопасный вопрос: "Что вы думаете об иностранных кредитах СССР? Вы предпочитаете, чтобы кредиты были выданы центру или республикам?" Афанасьев: "Совершенно бесполезно помогать нам кредитами. Мы способны разбазарить их в кратчайшее время. Вот почему я думаю, что просьба о кредитах Явлинского и Горбачева в Бангкоке и просьбы Ельцина о кредитах не нужны, бесполезны..."

Не получивший ответа на свой вопрос юноша шепчет подруге: "Странно, что близкий к Ельцину критикует позицию Ельцина". Афанасьев (выглядит он постоянно мрачным) продолжает между тем: "Объявление чрезвычайного положения в Чечено-Ингушетии — самая большая ошибка Ельцина. И это не единственное недемократическое его решение. И Ельцин не одинок. Попов, наш московский мэр, вот предложил уничтожить автономное деление России, ее автономные республики сделать единицами административными".

"Вы не ответили на мой вопрос о приватизации", — обиженно взывает уже без микрофона чистенький мсье. "Что вам сказать, — Афанасьев вздыхает, — безусловно, во всем, что происходит, много несправедливостей... Как нужно делать, в деталях, я не знаю... Это вот наш вице-премьер Руцкой не сомневается, он знает все, я не знаю. Положение в стране тяжелое. Я тут вот узнал, что килограмм мяса теперь стоит в отдельных случаях 110 рублей... Может, это наша судьба такая, русских, что мы создаем каждый раз нечто не функционирующее?.."

Вопрос (чей, я не вижу, за моей спиной): "Что говорит Ельцин ежедневно русским рабочим для того, чтобы они

засучив рукава трудились?" Афанасьев: "Вы понимаете, мы переживаем глубочайший кризис нашей евразийской цивилизации. Коллективистская ментальность — вот что мы до сих пор имели. Вы спросите, что это такое? Отсутствие желания рисковать, отсутствие желания зарабатывать больше денег, или путешествовать, или иметь автомобиль — вот что такое евразийская отсталая ментальность нашего народа... Самое страшное, что, несмотря на запрет КПСС, неизменными остались структуры экономические и эта вот ментальность. Я не знаю, что нас ожидает. Россия без Украины только с республиками Центральной Азии?.. Центральноазиатские республики только и думают о том, как бы повернуть сибирские реки вспять и получить свою долю общесоюзной прибыли..."

Мэр сказал заключительную речь. Раздались аплодисменты, и я поднялся. Однако неожиданно захотел высказаться молодой человек из свиты Афанасьева, по фамилии Бухарин. Из города Кемерово. Во время дискуссии он внимательно слушал, наклонясь к переводчице. "Сибирь, конечно, далеко от Парижа, но даже в далекой Сибири знают имя господина *Пэтэгэ*". Переводчица запнулась, произнося неуверенно этого Пэтэгэ. Нам в зале имя этого господина, известного в Сибири, ничего не говорило. Молодой человек ошибся и принял чье-то звание "Президант Директор Женераль", сокращенно "ПэДэ-Жэ", за фамилию? Вежливые жители Монтроя проглотили Пэтэгэ. "Надеюсь, наша сегодняшняя встреча и мрачные фразы Юрия Николаевича не повлияют на решение господина Пэтэгэ, — продолжал кемеровец. — Конечно, анализ политической обстановки есть дело таких больших ученых, как Юрий Николаевич, их дело думать о больших проблемах. Мы же стараемся что-то делать на местах. Мы строим у себя в Кузбассе свободную экономическую зону. Мы имеем хорошие связи с Европейским экономическим сообществом. Поэтому не бойтесь сотрудничать с нами. Россия будет жить". Стало ясно, что если Афанасьев верит в рыночную экономику, как в Бога, но по природе своей мрачный пессимист, то молодой демократ Бухарин надеется, что Россия будет жить с помощью господина Пэтэгэ. Что наобещал городу Кемерово и Кузбассу неизвестный наш соотечественник, Бухарин не сказал.

Я спускался со второго этажа мэрии и прислушивался, что говорят французы. Я пристроился к двум среднего возраста парам и сошел с ними в метро. Я сел с ними в один вагон. И я их подслушал. Их мнения (с небольшими отклонениями) оказались сходны с моим. Вот к чему они пришли: у господина

Афанасьева и близкого к нему Ельцина нет никакого экономического проекта. Они импровизируют. Сейчас они хотят освободить цены и ввести в действие полный дикий рынок. Авось вывезет. Может быть, новые экономические связи самообразуются. Но они не образуются, потому что хаос порождает только хаос. Потому что страну следует сплотить и собрать воедино политически, прежде чем заниматься экономикой. В политически нестабильном государстве никакие реформы не сработают.

Их поразила откровенная и наглая растерянность Афанасьева. То, что он признавался в незнании, что делать, в неумении сделать, как в доблести. То, что он, советник Ельцина, а значит, государственный деятель, гордо демонстрировал у нас во Франции право на незнание, на импровизацию. Во Франции государственный деятель права на импровизацию не имеет. Невинный монстр, мсье профессор Афанасьев не понимает, что импровизирует он и "близкие к нему" не с положениями диссертации или тезисами доклада, но с жизнями человеческими, со страной! Ни разу не высказал он ни сожаления, ни раскаяния по поводу своего личного участия в разрушении государства, в очевидной катастрофе. Намеренной или случайной, но катастрофе. Ни в единой фразе советского мсье не прозвучало даже тени сознания личной ответственности. Мсье не понимает, что за подобные и даже куда более легкие эксперименты с народом во Франции носили головы Афанасьевых на пиках. Не единожды. Одна из женщин, помоложе, сказала, что читала, что советские лейтенанты живут с семьями в палатках круглый год, даже зимой, без горячей воды. Почему безропотно продолжают они терпеть чудовищный эксперимент сверху, почему советские лейтенанты не возьмутся за "калашниковы"?!

"Мои" две пары сошлись во мнениях, что Афанасьев играл роль хмурого раздраженного революционера, "передовые" идеи которого не поддерживают "косные" массы. Какое же недемократическое презрение нужно иметь к своему народу, чтобы обвинять его в "отсталой ментальности"! Следовательно, мсье Афанасьев считает, что тысячи или, сколько их там, десяток тысяч демократов имеют право насильственно менять ментальность 300 миллионов людей! Если они не хотят "рисковать", "зарабатывать больше денег" или "путешествовать" ("Разумеется, это ложь, — прокомментировал я мысленно, — умеют советские люди рисковать, но демократы требуют от них не только коллективного самоубийства, но еще и участия в копании братской могилы. Понятно, что они сопротивляются..."), то насиловать их — преступление...

Пары вышли на станции метро "Насьён", я же поехал дальше. Сказать, что вот я видел в Монтрое негодяя, я не мог, но, без сомнения, он болен моральной бесчувственностью, этот тип. Понятие личной ответственности не знакомо Юрию Афанасьеву, думал я. Ведь ясно уже, что перестройка уничтожила могучую державу. Что проект бесталанного Горбачева и Яковлева, заболевшего в Канаде за десять лет посольской скуки черной болезнью зависти к Западу, сам проект был в основе своей бездарен, покоился на ложных предпосылках. (Демократия не универсальная система, годная для любой страны.) А под давлением экстремистов, всей этой кодлы профессоров-недоучек, буржуазии — восторженных поклонников Запада (которого они не знают — вот в чем парадокс!) перестройка превратилась в мучительную трагедию умирания. Не принимая во внимание народ, вожди безответственные, безжалостные и бесчувственные играют в свои собственные игры. Нынешний властитель России якобы подавил только что путч. Но ведь он и был первым путчистом, слепцы! Став Председателем Верховного Совета РСФСР еще в мае 1990 г., Ельцин поднял восстание в центре. Это он объявил о суверенитете России, дав этим пример дробления державы "республикам". Это он, выбранный народом с одной программой, тотчас после выборов стал проводить противоположную. Подталкиваемый "близкими к нему", лже-Дмитрий Борис Николаевич Ельцин образовал второе правительство в Москве! По законам любой страны это было государственное преступление — путч. Горбачев имел право арестовать и лжеправительство и лжепрезидента в полном соответствии с Конституцией СССР, но, лукавый и слабый, он не сделал этого. И вот Горбачев уже уменьшился до карликовых размеров, и вместе с ним сморщился СССР. Отбросив эзопов язык с его лживой терминологией ("суверенитет России" и прочие пышные фразы), поймем наконец, что господин Ельцин и близкие к нему демократы пожертвовали державой СССР, дабы прийти к власти в России!

Выйдя из метро на холодную площадь Конкорд, я подумал, что не сносить демократам голов. Что будут носить их головы на пиках, что стоять гильотине или плахе на Красной площади, как стояла она на площади, по которой я иду. Чудовищный эксперимент перестройки можно искупить только кровью. Ибо только кровью искупают подобного масштаба преступления.

Советская Россия. 1991. 14 июня

БУДЕТ ЛИ ЗАПАД ПОМОГАТЬ СССР

8 июня в Вашингтоне, столице Соединенных Штатов, состоялся помпезный военный парад. Героями его являлись: президент Буш, генерал Шварцкопф, ракета "Патриот", танк "Джонсон" с буквой "V" на броне и много тысяч мясистых молодцев в маскировочных пятнистых хаки-униформах. Засученные до локтей рукава, массивный Шварцкопф шел в первой шеренге. Парад — третий по счету триумф генерала на родине. Обильный салют венчал милитаристское, в стиле Нюрнберга, зрелищное мероприятие.

Наблюдая парад по французскому телевидению, я подумал, а не в Вашингтоне ли сейчас господин Явлинский (он был там в конце апреля), и если да, осознает ли он, какого рода удовольствия все более предпочитает официозная Америка. Та самая, которой он желает передать (в обмен на экономическую помощь) фактический контроль над СССР. Нет-нет, я не оговорился, именно контроль над СССР. Сейчас вы все поймете. В "Московских новостях" № 20 под заголовком "Сенсация на завтра" опубликовано обширное интервью Е. Яковлева с Г. Явлинским.

Поражает прежде всего неколебимая уверенность обоих собеседников в том, что Явлинский — автор несостоявшегося (по причине его неприменимости на практике) проекта "500 дней" может и должен "думать" и "придумать" еще один проект, план для СССР. "Мы собирались вместе и думали... Задорнов, Михайлов", — сообщает Явлинский. Что же надумали самозваные мыслители? (В самом деле, нужно иметь наглость после провала...) "Кризис идет везде и по всем направлениям. Выйти из этого путем лишь экономических решений уже невозможно". Хочется воскликнуть: "Браво, ребята!" Я согласен. Только почему так долго думали ("январь, февраль, март — стержневая идея никак не вырисовывается"), ведь достаточно прочесть любой номер любой советской газеты за последние полтора года, чтобы прийти к этому же банальному, но трезвому выводу... Явлинский и К° продолжают думать: "Ельцин — Горбачев, Армения — Азербайджан, Грузия — Осетия... никто из них не может сейчас победить... Значит, надо искать решения через компромиссы, через коалицию различных сил". И с этим утверждением можно согласиться, следует всегда вначале пытаться договориться. На этом мое согласие с Явлинским заканчивается, ибо он пред-

лагает как метод решения всех проблем — переговоры: "...Имейте переговоры и ответят, как поступать дальше. Причем, быть может, ответят так, как нам и не снилось". Чем же, как не переговорами, господин Явлинский, занимается уже много лет огромная страна, вышедшая из-под какого бы то ни было контроля? Пустыми переговорами занимаются многотысячные Советы депутатов всех уровней, от Верховного до районных, переговаривается настоящий Президент Горбачев и фальшивые президенты "республик", новые министерства со старыми, все переговариваются со всеми, а страна разваливается.

Но редактор "МН" Яковлев в восторге от идеи переговоров: "Это новый, скорее всего единственный случай такого подхода в нашей истории". Явлинский, игнорируя лесть, продолжает. Оказывается, "*мы* разрушили опорные устройства. Как у бегуна — оттолкнулся и побежал. А у нас теперь не от чего оттолкнуться: все теми или иными способами разрушено. Исчерпаны резервы, в том числе и резерв терпения населения". Все верно, вплоть до того, что это *"они"* разрушили. Далее Явлинский жертвует десяток фраз на "отмазку", уверяет читателей "МН", что он "тоже в этой стране вырос", что в Вашингтоне, когда его спрашивали, какую политику будет проводить СССР, он отвечал "просвою". "Отмазка" нужна ему, чтобы огласить новость о том, что его план предусматривает "взаимодействие с западными партнерами", которое "может проходить на основе совместной программы". Заметьте, как осторожен Явлинский! Какое обтекаемое словечко выбрал — "взаимодействие". Что угодно может скрываться за ним: сильный партнер пожирает слабого или два одинаково сильных бьют друг друга по мордасам, а все — взаимодействие. И опять Явлинский обращается к "отмазке", успокаивает читателя "МН" (Яковлеву успокоения не нужны, он свой и согласен со всем): "Я анализировал логику зарубежных коллег. Неужели им мало хлопот с присоединением Восточной Германии? Скоро они станут еще большими... мы отключим соседей от наших источников энергии, закроем свой рынок. Хотят иметь еще одного ребенка в пустой комнате, который будет орать и требовать, чтобы его кормили?" Последнее высказывание Явлинского выдает его понимание расстановки сил на нашей планете: западные страны — сердобольные родители, вечно в хлопотах о детях — бедных странах. Потому вовсе не удивительно, что в тексте родившегося из вышеупомянутых размышлений "Обращения к группе семи" (отрывки приведе-

ны в том же номере "МН") я нашел все еще осторожные, но тем не менее красноречивые индикаторы странного будущего, которое готовит для СССР господин Явлинский. Оно предусматривает: "эффективное взаимодействие *реформистского руководства* (выделено мной. — *Э. Л.*) *СССР* со странами "семерки", "содействие в доработке программы экспертов "семерки", уполномоченных на то своими правительствами". То есть иностранные правительства будут непосредственно участвовать через программу Явлинского в управлении СССР: "в либерализации цен", "в осуществлении широкой программы приватизации и демонополизации", "в создании предпосылок для формирования в СССР открытой экономической системы и ее интеграции в мировую экономику". Предполагается также "четкое разграничение полномочий между центром и республиками... *децентрализация власти и федерализация... союзных исполнительных органов*", "использование экономического содействия "семерки" для стабилизации *социально*-экономической ситуации и проведения реформ в СССР", а также "научное, *законодательное*, техническое сотрудничество".

Ты все понял, читатель? Программа Явлинского как две капли воды похожа на акт о капитуляции, обыкновенно такие акты диктуются побежденной в войне стране ее победителями. На сей раз инициатива исходит от самозваного представителя страны, не побежденной в войне. Программа открывает путь к неслыханному в современной истории вмешательству богатых стран во главе с США во внутреннюю политику СССР. Более того, под видом "децентрализации и федерализации" программа санкционирует расчленение СССР на "суверенные республики", если это заблагорассудится "западным партнерам". В обмен на все это благородные дяди "большой семерки" позволят СССР "интегрироваться в мировую экономику".

Можно возмутиться аморальностью проекта Явлинского (а он таки аморален) и аморальностью лиц, его поддержавших (а Явлинский соблазнил своим проектом и Ельцина и Горбачева), однако мораль — вещь неуловимая, к тому же рассуждения о моральности будут звучать неубедительно в полуголодной стране, которой Явлинский якобы предлагает путь к спасению. Поэтому я предпочел подвергнуть сомнению это самое включение в мировую экономику. Правда ли оно будет благом для СССР? Советскому человеку будет, без сомнения, интересно узнать, что думают об этом у нас, на Западе. Не политики у власти, эти всегда вынужденно профессионально нечестны, но что думают специалисты: социологи, историки, политологи.

В только что вышедшей из печати книге Луиса Яновера "Диссиденты западного мира" анализируются перестройка и ее последствия. Согласно Яноверу, включение в мировую экономику не сулит странам Восточной Европы и СССР ничего хорошего. "Эти страны нашли себя в положении между молотом и наковальней: они не могут развиваться без помощи передовых обществ в области продуктивного оборудования и технических новинок... но, с другой стороны, увеличение торговых обменов и было задумано стратегами "трехсторонности" (то есть США — Англии — Франции) как способ разрушения экономики стран Востока. Интеграция в мировое распределение труда представляет важный успех для капитализма, потому что эта кооперация должна помешать советской экономике образовать автономный и антагонистический полюс накопления. *Конкуренция на мировом рынке может быть только фатальной для нее* (советской экономики. — *Э. Л.*), *учитывая слабую производительность труда.* Опереться же на страны Запада для того, чтобы наверстать значительное опоздание, означает принять риск, ухудшить неравный обмен между двумя системами и таким образом увеличить разрыв между степенями их развития". Вы поняли приговор: конкуренция на мировом рынке будет фатальной для советской экономики.

Луис Яновер — социолог левого уклона. Предположим, что он необъективен. Поглядим, что думают по этому же поводу специалисты из правого лагеря. В органе новых правых, в журнале "Кризис", № 5, опубликовано интервью со специалистом по Восточной Европе Клодом Карноухом "Что нового на Востоке...". Анализ показался мне настолько интересным, что я позволю себе привести обширную выдержку из интервью (перевод везде мой. — *Э. Л.*). "...Если национализмы осуществляют сегодня возвращения с такой силой в момент, когда коммунистическая империя саморазваливается, это происходит также и потому, что народы Восточной Европы смутно чувствуют, что им не остается ничего, кроме этого анахронического средства, для того чтобы не глядеть в лицо невыносимой реальности, а именно тому, что они будут главными проигравшимися в третьей индустриальной революции. Параллельно новые элиты (бывшие диссиденты и бюрократы "сталинизма"), приобщившиеся к деликатесам экономического либерализма и культивирующие слепое воспевание его предполагаемых ценностей, темнят по поводу судьбы, которую готовит их народам планетаризация рынка, новое разделение труда, в подобных обстоятельствах, в сущности, — но-

вая форма "тьер-мондизма". Было бы ошибочно верить, что сегодияшиее нищенство, разрушающее социальное обеспечеиие (даже то посредственное, которое было), создаииое путем больших затрат старой коммунистической системой, даст после переходного периода шанс "социализму с человеческим лицом". Балаис переместился на другую сторону, и предсказуемая неудача попытки улучшения общего уровня жизни благодаря либерализму, неудача, уже очевидная в такой страие, как Польша, открывает скорее дорогу радикальным иационализмам, и очень трудно увидеть, что их сможет остановить.

Для того чтобы было по-другому, необходимо, чтобы западные страны совершили вложения в Восточную Европу настолько массивные, что они отразятся на уровне жизни их самих. Однако тому, что Западная Германия делает для того, чтобы спасти своих братьев в Восточной Германии, иикакая западная страна себя не подвергнет, для того чтобы спасти Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию или Югославию, по той простой причине, что по последнему счету правовое оправдание демократии масс (более или менее либеральной или более или меиее социал-демократической) покоится лишь на ПОТРЕБЛЕНИИ. В 1939 г. мы не умерли за Данциг. В 1990 г. я ие вижу ии единого человека во Франции, в Великобритании, в Италии или в других странах Европы, кто расположеи пожертвовать своим отпуском, своим зимним спортом и многими другими приятными вещами для того, чтобы поляки, венгры или румыны могли наслаждаться через пятиадцать лет тем же материальным благополучием, что и мы. Народы западных стран не хотят, и их правительства, иесмотря на их гуманные речи, также ие хотят, так как не желают обиаружить себя лицом к лицу с новыми коммерческими конкурентами в момент, когда западные экономики уже находятся под угрозой конкуренции азиатских экономик... разочарования ие замедлят вскоре проявиться. Это будет закои желудка. И тогда место освободится для "глаголов" демагогов, иационалистов и популистов, каковые будут употребляться для питания самых низменных спасительских иллюзий".

Карноух считает, как видим, что помощь (только Восточной Европе, без СССР!) со стороиы западиых страи должна быть настолько массивной и длительной (15 лет), что оиа обязательно повлечет за собой падеиие жизиеиного уровня в вызвавшихся помогать странах. Если же западные страны согласятся протяиуть руку помощи СССР с населением в 280 миллионов ртов, то, логично предположить, они вынуждены

будут снизить уровень жизни своего населения до такой степени, что это будет обеднением их. В компетентности обоих ученых не приходится сомневаться. Карноух — сотрудник Национального Центра научных исследований (CNRS), высшего мыслительного центра Франции, а Яновер — сотрудник Института прикладных математических и экономических наук. Неведение стоит за программой Явлинского, превратившейся к середине мая в документ под названием "О реализации политики общественного согласия на основе сотрудничества с развитыми странами", переданный им лично Горбачеву? Неведение или сознательный обман советского общественного мнения? Предлагая, чтобы отныне фактическими со-вождями перестройки стали лидеры стран "семерки", Явлинский в обмен обещает включение страны в мировую экономику, каковое, с этим согласны и "левый" и "правый" ученые, и Яновер и Карнаух, узаконит и упорядочит для СССР статус державы "третьего мира". Вероятнее всего, Запад будет покупать у СССР задешево сырье и компенсировать страну продуктами широкого потребления (вначале они будут ввозиться с Запада, позднее Запад "научит" производить их на месте). За эти продукты Запад будет диктовать (вспомните предусмотренные "законодательное сотрудничество" и "децентрализацию власти") Москве ее внутреннюю политику. (Внешней уже просто не существует.) Вероятнее всего, в первые два года "взаимодействия" Запад потребует формального отказа от Прибалтийских республик и, может быть, Грузии и Армении, а впоследствии, без сомнения, территориальных уступок Японии... Мечты технократа Явлинского оформились в беспрецедентный в истории международных отношений проект акта капитуляции, акта унизительного и взрывчатого, как Версальский договор. Явлинский считает западные страны сердобольными родителями, пекущимися о благе "недоразвитых" и "слаборазвитых" стран, но пусть он обратится за опытом к представителям азиатских, африканских и латиноамериканских стран, которые на своей шкуре испытывают уже несколько столетий доброту западных "родителей", в особенности "дяди Сэма".

— А план Маршалла? — предвижу я популярный сегодня в СССР аргумент, основанный, увы, на недостатке информации. План Маршалла задуман был вынужденно, как мера политическая. Вот что пишет по этому поводу историк Ирвин Уолл в книге "Американское влияние": "Несомненно то, что, обдумывая план Маршалла, его авторы честно верили, что воздвигают твердыню против коммунизма, и, представив свой

план в этом свете, они сумели сделать так, что конгресс нехотя принял его". Замечу от себя, что этот горький опыт неплатежа европейцами долгов, набранных у Америки в первую мировую войну, сделал конгресс таким несговорчивым. А опасность коммунистических революций в Западной Европе была реальной. В мае 1947 г. Вильям Клайтон, заместитель секретаря США по экономике, определил, что из первых пяти миллиардов долларов помощи Франции необходимо выделить 1,7 миллиарда немедленно для поддержания во Франции минимального уровня жизни. "Если уровень снизится — будет революция", — констатировал Клайтон. В то же самое время и американский посол в Лондоне Льюис Дуглас писал в госдепартамент США, что "Франция нуждается в экстренной помощи для того, чтобы обеспечить свою политическую стабильность. Если она не получит этой номощи, *она будет потеряна, и Европа вместе с нею*". Сам Маршалл ответил послу следующей телеграммой: "Разделяем озабоченность французской ситуацией — мы согласны, что важна стабильность Франции". Италия вызывала у Маршалла те же самые опасения.

СССР виноват во всем этом? Ирвин Уолл исчерпывающе объясняет: "Очень быстро также другая очевидность навязала себя: для СССР нет места в проекте Вашингтона. Несмотря на красивые декларации Маршалла в его речи от 5 июня 1947 г., американцы не ожидали ответа советских на предложение, которое они им сделали. *Пойдем еще дальше: они не желали его.* В действительности, это также было замечено британцами, если русские ответили бы на американское предложение, "огромность их нужд абсорбировала бы все имеющиеся кредиты и отобрала бы у предприятия все шансы на успех". В тот же год, но позднее, во время визита вежливости к бывшему государственному секретарю Джеймсу Бирнсу, Жорж Бидо (французский политический деятель, министр), затронув позицию русских, спрашивал... почему они не поймали мяч в полете и не ответили тотчас позитивно на речь Маршалла, это был наилучший способ потопить с первого удара американскую инициативу. Очевидно, потому, что русские не питали иллюзий и знали, что, если они примут план Маршалла, Вашингтон найдет способ исключить их..."

Сорок четыре года спустя заинтересованы ли США и Европа в том, чтобы поднять СССР до своего уровня? В том, что они не могут этого сделать экономически без ущерба для себя, мы уже убедились. Но политически заинтересованы ли страны

"семерки" в том, чтобы вытащить СССР из хаоса и разрухи, куда он забрался сам? Коммуиистических революций во Фраиции и Италии сегодия иикто ие ожидает. Следовательио, мощный побудительиый мотив "коммуиистической опасиости", существовавший в 1947 г., исчез. Какая же другая иасущиая сильиая необходимость толкиет "семерку" помочь СССР? Явлииский расправился с "аиализом логики зарубежиых коллег" совсем запросто. Согласио ему, папы и дяди "семерки" не захотят иметь орущего и требующего еды ребеика (СССР) в пустой комнате. Но ведь добрая сотия азиатских, латиииоамерикаиских и скелетоподобиых африкаиских страи-детей орут себе, и это особеиио не тревожит западиых родителей. Бросят иесколько сотен тоии риса в Баигладеш, несколько тысяч в Эфиопию... и жируют себе дальше. Явлииский считает, что "своим", то есть белым, почти европейцам, жителям СССР, богатые дяди и папы помогут? Президент Горбачев неумело стращает (шаитажирует даже) Запад возможиостью тотальиой иестабильиости виутри СССР, если Запад ие протяиет руку помощи. Но имеиио иестабильиости в СССР, и желательио тотальиой, и добивался Запад во все годы "холодиых войн". Наивно полагать, что цели Запада измеиились только потому, что в СССР возобладало "иовое мышлеиие" перестройки. Факты доказывают, что нет, не измеиились. СССР отказался от Восточной Европы (по-видимому, оргаиизовал фиктивные иародиые революции в страиах-сателлитах) и распустил Варшавский пакт. Западиые страны ие только не распустили НАТО, хотя бы из вежливости (ведь все равио эти страны связывают между собой Европейское экоиомическое сообщество), но, иапротив, только что объявили об оргаиизации "специальных сил скорого вмешательства". Числеииостью пока 60 тысяч человек, эти силы предиазиачеиы для действий "иа территории от Арктики до Турции", согласио другому источнику — "от Норвегии до Турции". Понимай, читатель, вдоль всей западиой границы СССР. Какой другой противиик, кроме СССР, есть в этом райоие? Печать, радио и телевидение, а за ними и общественное мнеиие западиых страи безоговорочно поддерживают ие СССР Президеита Горбачева, ио иациональиые "суверенные республики", будь то РСФСР Ельцина, Грузия Гамсахурдиа или Литва Лаидсбергиса. Президеит Буш, подобио Маршаллу, время от времени произносит красивую речь, вовсе не имея в виду следовать иа практике тому, что говорит. Одиовременно иалаживаются прямые (и телефоииые тоже) связи с фальшивыми президентами "республик",

а американский конгресс поддерживает эти "республики" своими декларациями. Нет, Запад не боится хаоса в СССР и его последствий. Да, возможно, западные страны будут иметь проблемы с человеческими волнами миграций из СССР, но они предпочитают такие малые проблемы, чем огромное вооруженное государство на Востоке. Повторю фразу, сказанную мной же в другой статье: "Запад *обречен* на стратегическую нелюбовь к СССР".

Я полагаю, что "семерка" согласится с планом Явлинского, заранее зная, что план нереализуем. Потом откажется от участия — предлог всегда найдется. Только что Соединенные Штаты прекратили экономическую помощь Югославии, в самый опасный момент ее истории. Удар в спину от "родителей".

Но возвратимся ненадолго к американским парадам. Еще режиссер Рональд Рейган поставил в нюрибергско-милитаристском стиле Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. С тех пор тенденции к национальной мегаломании только обострились и усилились в США. Военные парады, шествия, флаги, национальный гимн, исполняемый при всхлипах толп, безошибочно указывают на то, с каким опасным режимом мы имеем дело, пусть он и называет себя демократическим тысячи раз в день. "Новый порядок" — международная политика этого режима — безжалостно продемонстрировала себя в Панаме и Ираке. "Новый порядок" прямо противоположен духу перестройки, ее "новому мышлению". СССР и США опасным образом находятся сегодня в противоположных фазах исторического развития: СССР в фазе мазохистского покаяния и самоотрицания, США в фазе милитаристской мании величия. Именно об этом следовало бы задуматься технократу Явлинскому, прежде чем предлагать установить *общественное согласие в СССР с помощью страны*, сегодняшний герой которой — мясистый генерал в маскировочном хаки и бутсах. Программа Явлинского — еще одна очень опасная иллюзия времен перестройки... Впрочем, иллюзия ли? Может быть, пора говорить о преступлениях? Ведь речь идет о судьбе 280 миллионов человек.

Советская Россия. 1991. 14 июня

ЧААДАЕВЩИНА

1. Не наши "наши"

Все первые страницы январских и февральских номеров "демократической" прессы заполнены были протестами либеральных интеллигентов против "насилия" в Вильнюсе. В качестве примера приведу лишь заявление советского Пен-центра. Советский Пен "решительно осуждает насилие, примененное против суверенной Литвы, и глубоко скорбит о жертвах карательной акции... К демократии нельзя прийти через кровь и репрессии...". Под заявлением пятьдесят подписей. Среди прочих — Ахмадулина, Битов, Евтушенко, Рыбаков, Шмелев (Литературная газета. 1991. № 3).

Осудили тотчас, еще до расследования происшедшего. И это при наличии различных свидетельств (журналиста Невзорова в том числе, до сих пор считавшегося у либералов "своим"), что трагедия в Вильнюсе — провокация экстремистов-националистов доктора Ландсбергиса. Не разобравшись, заранее уже уверены, что это армия виновата, центральное правительство, "наши". И без промедления выступили плотным строем не за наших солдат, но за "тех", за их сторону. (Я отказываюсь говорить о "литовской стороне", ибо литовский национализм, как и всякий другой, — движение доминантного меньшинства.) Чем объяснить эту аберрацию природы? Групповым безумием? Ложными принципами? Ведь это ненормально — быть против своих... Разве нормально?

В стране, где я живу, во Франции, невозможно найти ни единого политического деятеля или сколько-нибудь известного интеллектуала, поддерживающего независимость Корсики или островов Новой Каледонии, отделение их от Франции. Даже компартия не подвергает сомнению принадлежность Корсики Франции (отошла к Франции в 1795 г., в тот же год Литва стала частью России). А у корсиканцев свой язык, все как следует нации. "Успокаивая" Новую Каледонию несколько лет назад, французские жандармы не церемонились: застрелили вначале десяток канаков-экстремистов во главе с лидером их Машеро. Позднее были застрелены еще 19 человек (многие со связанными руками), а в 1989 г. при запутанных обстоятельствах был застрелен совсем уж умеренный (типа Прунскене) лидер Жан-Мари Джибао. Убийства, разумеется, предосудите-

льны, однако интересно другое: никаких протестов со стороны французской интеллигенции не прозвучало. Обстоятельства всех этих убийств профессионально заинтересовали журналистов. И все. Почему же "наша" интеллигенция такая не наша? Разберемся.

Начнем с анализа поведения класса, авангардом которого она является.

2. Революция замов и экспертов

Расхожее объяснение происходящего в СССР: конфликт между радикалами-демократами (разумеется, "передовыми" и "прогрессивными") и консерваторами (разумеется, "отсталыми" и "защищающими свои привилегии"). Я предлагаю мое объяснение. В СССР происходит "холодная" буржуазная революция, восстание класса Новой Буржуазии. Кто такая НБ? В СССР не существует традиционной классической буржуазии, старого денежного класса, ни земледельческой, ни индустриальной, уничтоженных тотчас после 1917 г. Но зато есть, прочно стоит на ногах насчитывающий десятки миллионов класс служащей буржуазии знания. Это всевозможных рангов ученые, квалифицированные техники и инженеры, это учителя, это доктора и адвокаты, это журналисты, это люди свободных профессий: актеры, певцы, музыканты, писатели; это и служители религии, и определенная часть профессионального советского офицерства, и даже профессиональная часть партийной номенклатуры. Почему я называю их буржуазией? Потому что в их случае культура, то есть знания и специальные умения, выполняет функции капитала. Образование служит Новой Буржуазии таким же капиталом, как деньги, машинные корпуса и оборудование классической буржуазии. Новая Буржуазия существует во всех развитых странах мира, но в СССР этот класс необыкновенно многочислен, ибо его появление связано с уникальным в истории явлением — системой бесплатного массового общественного образования, необыкновенно развитой именно в СССР. Вначале Новая Буржуазия не отделялась от старых классов. Это были главным образом дети, сестры и братья представителей старых классов: коммунистических бояр и дворян (партийной аристократии) и рабочих и крестьян. Сегодня это могучий новый класс. Называть его интеллигенцией или интеллектуалами — ошибочно, интеллектуалы являются лишь частью этого класса. Его меньшей частью.

Сознают ли они себя сами буржуазией? Лидеры "демократов" — да, сознают. Александр Яковлев, народный депутат, юрист, участвуя в круглом столе "Московских новостей", сказал (1990. 29 июля): "Великие реформаторы прошлого опирались на средний класс... О ком речь? Прежде всего о профессионалах в любой сфере: квалифицированных рабочих, инженерах, медиках, людях искусства, юристах... Вот где социальный слой, способный двинуть Россию вперед... надо помогать ему идентифицировать себя, осознать себя общностью..." "Народный" депутат Николай Шмелев, экономист, писатель, выступивший вслед за Яковлевым, уточнил: "Яковлев сказал "средний класс". Но я люблю старое русское слово "обыватель", еще больше — "мещанин". И "мещанин", и "обыватель", и "средний класс" переводятся на французский да и на английский лишь словом "буржуа". Так что они себя ощущают буржуазией. Профессиональной буржуазией.

Революция Новой Буржуазии (пока еще "холодная") направлена против класса большевистских бояр и дворян, против господства коммунистической аристократии. Советские источники называют ее бюрократией, но, скажем, такие ее черты, как непотизм и родовые, передаваемые из поколения в поколение привилегии, изобличают ее аристократический характер. Рожденная еще при жизни Ленина, не ожиревшая при Сталине (он перманентно чистил своих бояр и дворян, держал их в страхе и в хорошей форме), аристократия продержалась у власти после его смерти целых "тридцать лет и три года". Начавшая жиреть при Хрущеве, окончательно одряхлевшая при Брежневе, коммунистическая аристократия все более вынуждена была перекладывать профессиональное руководство страной на служащую ему Новую Буржуазию: на замов и экспертов-технократов. Имевший множество случаев убедиться в некомпетентности большевистских бояр и дворян, класс Новой Буржуазии постепенно стал считать иррациональным тот факт, что над ним стоит некомпетентное руководство коммунистических аристократов: секретарей партии — принцев, инструкторов — дворян. В начале 60-х годов, раздраженная заморозком хрущевской *оттепели* (новый класс возлагал на нее огромные надежды), часть Новой Буржуазии открыто взбунтовалась и впервые заявила о себе на весь мир. Первые диссиденты — писатели Синявский и Солженицын, ученый Сахаров впервые осмелились зарычать на партийную аристократию. В лице вышеперечисленных и сотен других, менее известных своих представителей Новая Буржуазия призвала

к переменам советского общества во имя всех его классов, на деле — для себя. Партийная аристократия нашла в себе силы подавить бунт интеллектуалов в 60-е годы. Однако урока из этого первого бунта нового класса она не извлекла. Вместо того чтобы разумно поделиться с Новой Буржуазией властью, продолжала третировать целый могучий класс как слуг. (Впрочем, раздел власти не спас бы аристократию. НБ стремится ко всей власти.)

Сегодня Новая Буржуазия не желает делить власть, хочет сама быть боссом, править страной единолично. Она в состоянии открытого бунта против аристократии и захватила немало важных позиций. Верховный Совет РСФСР, Ленсовет и Моссовет, где НБ в большинстве, успешно вырывают власть соответственно у Верховного Совета и Правительства СССР и Ленинградского и Московского обкомов. (Результат: хаос и разруха.) В претензиях НБ на власть, разумеется, нет ничего незаконного или зазорного. Этот сильный, творческий класс имеет право на свою долю власти. (Сильнее других не численностью — рабочий класс многочисленнее, — но выполняемыми им в современном обществе важнейшими функциями.) Плохо то, что НБ хочет ВСЮ ВЛАСТЬ. (Она осмелела сегодня и в отличие от периода 60-х годов высказывается все более откровенно антинародно. Западная буржуазия себе такого не позволяет.) Ибо всю власть имеет ее сестра — классическая буржуазия в странах Запада. И НБ считает свои претензии обоснованными.

НБ — не случайность Истории. Бакунин предвидел появление НБ и считал, что новый класс, вооруженный знанием, будет таким же эксплуататорским классом, как и предшествовавшие ему аристократия и классическая буржуазия. С той лишь разницей, что орудием его господства будут не деньги, но образование. К бакунинскому мнению важно добавить предсказание Элвина Гулднера (автор книги "Будущее интеллектуалов и восхождение нового класса", умер в 1980 г.), что новый класс "непременно вызовет к жизни новую иерархию и новую элиту, базирующуюся на культуре как капитале".

3. Интернационализм буржуазии

Советская буржуазия исключительно и только новая есть буржуазия знания. Западная же буржуазия в основном классическая, и только едва ли треть ее (в лучшем случае) есть буржуазия знания. Между западной и советской буржуазией

существует сильнейшая классовая симпатия и солидарность. Кому не приходилось слышать советских инженеров и ученых, восхищающихся американской техникой! И это нормально. Однако при кажущейся похожести двух буржуазий — они разные. Классические буржуазии западных стран все агрессивно-национальны. Ибо их интересы вынужденно укоренены в национальные богатства, в национальные финансы в прямом смысле, в национальную почву, наконец, если речь идет о владельцах лугов и пашен, заводов, фабрик и другого недвижимого имущества. Советская же буржуазия, чей капитал — исключительно знания, космополитична. Ее связь с родной национальной почвой только эмоциональная, не материальная. К тому же вспомним, что знания становятся все более универсальным продуктом, общим для всей западной цивилизации.

Вот в этом-то различии и заключается большая опасность. "Наша" советская буржуазия, рассуждая о Западе, наделяет его господствующий (не забудем об этом) класс своей логикой — космополитической логикой советского буржуа. Тогда как Запад живет и действует как альянс буржуазных государств, преследующих каждое свои национальные (часто очень древние) интересы. Советские новые буржуа в силу своего профессионального интернационализма склонны не замечать государственных границ и работают зачастую против национальных интересов своего государства. Западная же буржуазия, напротив, прочно и гордо патриотична. Отсюда разница реакций на события, *вредные* для "нашего" государства. Французский буржуа знает, что "отделение" Новой Каледонии и Корсики вредно скажется на здоровье его государства, и потому без колебаний становится на его сторону, подавляя свои гуманитарные или моральные эмоции, если таковые есть. В большинстве случаев их и нет, настолько патриотизм западной буржуазии естествен. Советский новый буржуа чувствует себя гражданином всего мира, поэтому руководствуется в выборе позиции наднациональными, моральными да какими угодно интересами, только не патриотизмом. Гражданин мира (ни кола ни двора, только знания), он никогда и не считал свое государство своим. В известном смысле советский буржуа — извращенец, ибо все живое льнет к своему племени. Советский буржуа — опасный человек, и НБ — опасный класс. Однако советский буржуа придет в себя, я уверен, после длительных унижений. Когда? Может быть, когда увидит компанию двадцати девяти наций во главе с Бушем, высаживающуюся на балтийских берегах.

4. Слишком много Чаадаевых

Интеллигенция есть общественная группа, профессионально оперирующая идеями и их словесным выражением. Это философы, социологи, журналисты-аналитики, русские обязательно причисляют своих писателей к интеллигенции, французы тоже. В Америке мне пришлось встретить нескольких неинтеллигентных писателей. Четкой границы между широкими массами буржуазии знания и интеллектуалами нет. Интеллигенция — это элита буржуазии, ее мозговой трест, ее идеологические парашютно-десантные войска. Среди звезд "новой интеллигенции" мы видим режиссера Марка Захарова (его "интеллектуальная" идея — разрушить мавзолей Ленина), экономиста-писателя Николая Шмелева, философа и журналиста Федора Бурлацкого, журналиста Егора Яковлева, поэта Виталия Коротича, глазного хирурга Святослава Федорова... Проследим в общих чертах карьеру типичного интеллигента-"демократа".

Возьмем любого. БУРЛАЦКИЙ Федор. Возраст: 62 года. Вундеркинд с необыкновенной памятью, юный Бурлацкий взбегал по ступеням знания там, где нормальные люди подымаются, тяжело дыша. Быстро став кандидатом философских наук, был замечен ЦК КПСС (!) и привлечен к работе. Легенда Бурлацкого утверждает, что однажды, сопровождая вместе с другими экспертами, шестерками от науки, Суслова (дело происходило в небе, в самолете), Бурлацкий оказал боссу экстраординарную услугу: выдал несколько нужных Суслову для доклада цитат по памяти. С указанием томов и страниц Ленина и Маркса. Гений был замечен и стал писателем — автором речей Хрущева. Быть бы Бурлацкому большим человеком среди "консерваторов", против которых он борется сегодня, но Хрущева убрали от власти Брежнев и К°. Интеллектуалу пришлось вернуться к карьере философа. Он сочинил книгу о Макиавелли (демократу больше подошел бы Ганди), утверждают, что допустил в книге массу ошибок и неточностей. Занимался китайской философией. В начале 80-х годов устроился в "Литературную газету" подработать — всего-навсего обозревателем. Но тут подоспела буржуазная революция... Человек энергичный, бывший эксперт, сам занялся политикой, дальнейшее вы знаете... Еще одним Чаадаевым Бурлацкий примкнул к толпе Чаадаевых. Почему? С таким прошлым, казалось бы, ему естественнее в другой лагерь... Я полагаю, он ИХ ненавидит за прерванную, разрушенную тогда карьеру...

Чаадаевщина, своего рода интеллектуальный мазохизм, вообще пользуется большой популярностью у "демократической" советской интеллигенции (особенно московской и ленинградской). Интеллигент, по их мнению, всегда (то ли в облике Радищева, туберкулезного Чехова или англофила Чаадаева в халате под домашним арестом) ДОЛЖЕН осуждать "порок" и "зло", царящие вокруг. Пятьдесят писателей, поставивших свои подписи под заявлением Пен-центра, и выступили в этой традиции. Но почему именно в этой, хочется понять. Напрашивается единственное объяснение. Писатели, подписавшие обращение Пен-центра, выразили свою *классовую солидарность* с режимом "демократа" — писателя-музыковеда Ландсбергиса. Точно так же, как до этого они выражали и продолжают выражать свою классовую солидарность с режимом писателя Звиада Гамсахурдиа (сына писателя Константина Гамсахурдиа), с режимом писателя-филолога Тер-Петросяна... Я хочу сказать господам подписантам (язык не поворачивается назвать их товарищами), что мы живем в смутные суровые времена испытаний, когда следует поставить интересы нашего государства выше профессиональных классовых чувств. Во времена иноземных нашествий, смут и хаоса лучшие люди российской цивилизации следовали другой, куда более благородной традиции. Ломоносов, Державин, юный Пушкин с войсками на Кавказе и в Бессарабии, боевой офицер Лермонтов, боевой офицер Лев Толстой в Севастополе, военный врач Константин Леонтьев, вовсе гражданский Достоевский — примеров можно было бы привести немало, все они словом и делом защищали Отечество. Это есть, в отличие от чаадаевщины, наша основная мощная традиция. Ей следовали люди высокого качества таланта. Я присоединяю свою подпись к подписям авторов "Бородино" и "Войны и мира". Обращение же Пен-центра иначе, как предательским, не назовешь. Предательским по отношению к нашим солдатам. Петр и Екатерина, цари и, я уверен, даже декабристы (они выступали против формы правления Русским государством, но защищали его против нашествия Наполеона) прокляли бы подписантов-"демократов". Верно и то, что все они, от Петра и Ломоносова до Толстого и Достоевского, не были профессиональными интеллигентами. Они чувствовали солидарность прежде всего со своим народом, в который уходили глубоко корнями.

И не воображайте, пожалуйста, что вы незаменимы. Интеллигенция в нашу эпоху потеряла роль просветителя и идеолога. Указывать неграмотному народу дорогу сегодня не

нужно. Мы живем в эпоху всеобщей грамотности и необыкновенного развития средств коммуникаций. Роль просветителя общества давным-давно узурпирована медиями (прессой, радио и телевидением). Однокие тугодумы с фонариками не освещают больше дорогу массам слепых. Они сами путаются в потемках (и в СССР, и на Западе). Массы сами способны сегодня разобраться что к чему и без интеллигенции. (Закономерно, что безработная интеллигенция все более проявляет свою классовую буржуазную суть.)

И не нужно передергивать, господа! Не существует выдуманной вами борьбы между "консерваторами" ("защищающими свои привилегии") и "демократами-прогрессистами" (у которых привилегий было еще больше). Налицо бунт вашего класса с целью захвата всей власти в стране. Вы тянете советское общество не вперед, к более прогрессивному общественному строю, но назад, к диктатуре. К буржуазной диктатуре, пусть она и будет выборной. И ради победы вашего класса вы готовы расчленить страну, разрушить государство, обескровить народ. Сегодня борьба идет между вами — разрушителями-чаадаевцами и традициями патриотизма, выраженными в "Бородино" и в "Войне и мире".

Советская Россия. 1991. 5 мая

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Интервью с самим собой № 3. (Апрель 1991 г.)

— *Советская интеллигенция все больше тебя не любит. Книг твоих они не читали, слышали краем уха о первом твоем "скандальном" романе, но твои "консервативные" статьи в советской печати их все больше возмущают.*

— Я отвечаю им взаимностью. Советская интеллигенция все больше возмущает меня. 13 апреля зашел я в парижский магазин "Глоб". В магазине же, оказалось, происходит встреча с советскими писателями. Седовласые Анатолий Приставкин, Лев Разгон сидят, жалуются на то, как ужасна жизнь в СССР, и перечисляют заслуги группы "Апрель". Прогрессивная, замечательная, получается, группа "Апрель", одни белоснежные поступки. И Вацлава Гавела они защищали в свое время (того самого, который только что обратился к НАТО с просьбой принять Чехословакию в члены организации), и на

литовском каком-то форуме, приглашенные Ландсбергисом, они присутствовали, и против интервенции "черных омоновцев" выступили, и в Ереване они были. Короче, кого модно осудить, они осудили, за кого модно заступиться — заступились. И их, таких белоснежных вчерашних советских писателей, вышедших из СП и вступивших в "Апрель", уже 500 человек только в Москве. "Во всем виноваты ОНИ, вы понимаете, о ком я говорю, — обратился Приставкин к собравшимся, — СИСТЕМА". "Над Москвой — черное небо", — уточнил Лев Разгон. И пустился в воспоминания о лагере.

Не вынесла моя душа. Из заднего ряда гаркнул-таки: "А чем вы занимались до 1985 года?! Вы и были эти самые ОНИ, вы же были и СИСТЕМА. Это вы, вместе с такими, как вы, виноваты в том, что сегодня над Москвой черное небо. Между прочим, не по своей воле, но следуя движению, начатому Генеральным секретарем КПСС, вы — взрослые дяди — перевернули пиджаки, вышли из СП и КПСС, приезжаете сюда и стучите здесь на свою Родину".

"Фашист!" — закричал Лев Разгон. За моей спиной тип с грузинским акцентом поддержал его: "Фашист! Вывести его!" Если ты не согласен с их позицией и говоришь им всего лишь, что они оппортунисты, они тебя тотчас же объявляют фашистом. В газете "Куранты" некто Александр Иванов назвал мои статьи "бумажками с интеллектуальной помойки. Пусть даже и с парижской". Не умея полемизировать с идеями, бессильные, они впадают в истерику и кричат. Вот этот-то крик и выдает их. Словарь шестидесятилетних дядей выдает их.

— Ты бросил им "стучите на свою Родину". Это требует пояснения. Что ты имеешь в виду?

— То, что от Солженицына и поныне "прогрессивная" советская интеллигенция изображает свою страну чудовищно негативно, с мазохистской радостью демонстрируя ее язвы и болезни иностранцам. И мнимые болезни, и настоящие. Это нездоровое поведение. Заметил ли ты, что любимый персонаж, "герой" перестроечной журналистики — это предатель или стукач. Вспомни публикацию "мемуаров стукача" в нескольких номерах "Огонька". Позднее тот же упоенный собой стукач Александр Экштейн появился в программе "Взгляд". "Совершенно секретно" с удовольствием напечатала отрывки из книги мемуаров предателя Аркадия Шевченко и т. д. и т. п. Тут есть над чем подумать психиатру. А что, если часть советской интеллигенции, следуя традиции Курбский — Радищев — Ча-

адаев — Герцен — Кравченко — Солженицын, самовольно продолжила ее Александром Экштейном и Аркадием Шевченко, заблудилась и отождествляет себя с фигурой предателя и стукача?

— Как ты относишься к итогам съезда Верховного Совета РСФСР?

— Шизофренические. Как итоги голосования в шиздоме. Депутаты собрались для того, чтобы убрать Ельцина с поста Председателя Верховного Совета РСФСР, но вместо этого поступили прямо противоположно — дали ему чрезвычайные полномочия и возможность (за отсутствием конкурентов) стать Президентом России в июне этого года. То есть результат — худший из возможных. Двоевластие в самом центре будет продолжаться, законы, издаваемые Горбачевым, будут сталкиваться с законами, издаваемыми Ельциным, хаос и дезорганизация еще усилятся. И никакие реформы, подчеркиваю, НИКАКИЕ, даже самые гениальные, в такой обстановке осуществить будет невозможно. Будет еще один президент. Параллельное правительство РСФСР уже существует с мая 1990 г. (Заметил ли ты, что именно с этого момента резко усилился хаос в стране со всеми последствиями?) Борясь с партократией, создали множество лишних правительств и лишних президентов. Разглагольствуя о необходимости уничтожения коммунистической бюрократии, уже удесятерили управляющую касту. Два царя в Москве, множество царьков в Тбилиси, Ереване, Вильнюсе, Моссовете, Ленсовете... это и есть, граждане, Смутное время! Понимают ли депутаты РСФСР, что они натворили? Понимают ли депутаты, что они легально санкционировали многовластие и, значит, хаос?

— Выскажись ясно, ты за кого? За Горбачева? Против Ельцина?

— Лично мне не близок ни тот ни другой. Но за Горбачевым — несомненное право первенства власти. Я же сторонник законности, до тех пор пока она возможна. Сегодня — Горбачев законная власть. Ельцин при живом Президенте СССР всегда будет лже-Дмитрием. Однако следует понимать, что оба — и Горбачев, и Ельцин — провинциальные политики "второй зоны" (так у нас говорят во Франции), люди без собственных идей, функционеры власти. Профессионалы внутренних партийных интриг, оба они — ЗАПАДНИКИ, и оба (вот насмешка!) — глубокие провинциалы, Горбачев из Ставрополя, Ельцин из Свердловска. В провинции встречаются люди с большими талантами и с характером, спору нет, но вот

вопрос, что́ оба вождя "демократов", и бывший Горбачев, и нынешний Ельцин, знают об импортном этом предмете, о демократии? Не владея иностранными языками, не живя никогда за границей (то же можно сказать о Ельцине), Горбачев наверняка имел в 1985 г. очень слабое представление о той ДЕМОКРАТИИ, которую собирался насадить в СССР при помощи перестройки. (Западник Петр Первый, тот дружил с иностранцами в Москве, говорил по-немецки, ездил в Европу учиться, работал на голландских верфях, Петр знал, какое западничество ввозит. Потому усилил Россию.) Доверясь "спецам" профессиональной буржуазии, Горбачев позволил им неразумно разрушить все структуры советского общества одновременно: историческую, политическую, социальную, экономическую и психологическую. Результат шести лет разрушительства: Советское государство умирает, старая экономическая система разбита вдребезги, а новая не построена. Беззаконие и безвластие достигли катастрофических пропорций. Горбачев очнулся в ужасе и уже не очень уверен в том, что лекарство "демократия" применимо к больному СССР. Слабый Горбачев пытается быть твердым.

"Спецы"-демократы (они же радикалы перестройки) тотчас оставили один за другим Горбачева (сбежали с тонущего корабля) и нашли себе Ельцина. Ельцин так же некомпетентен в мире идей, как и его соперник. У Ельцина так же нет своих идей, как их нет у Горбачева. (Разве что назвать "идеей" его давний популистский жест — отказ от персонального автомобиля.) Дезертиры-"демократы" (в сущности, дважды дезертиры, ибо первый раз они дезертировали с профессорских кафедр совпартшкол, с должностей замов, из КПСС) принесли Ельцину свою ИДЕОЛОГИЮ: "рынок", "права человека", "демократизация" и пр. Таким образом, *смена Горбачева на Ельцина* во главе государства (если она состоится) *будет*, по сути дела, *фиктивным новшеством*, ибо за Ельциным стоят те же идеи и, что еще хуже, те же люди. Бывший экономист номер один у Горбачева, мадам Заславская, — сегодня персональный советник Ельцина. И ба, знакомые все лица за плечами нового вождя: Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Георгий Арбатов, Олег Богомолов, Федор Бурлацкий, "примкнувшие иже с ними", как красиво выражались при застое... Даже если Ельцин-функционер окажется энергичнее Горбачева-функционера, метод лечения больной страны остается тем же. Будет лишь усилена доза лекарства. "Больной болеет, — говорят "демократы", — поэтому следует продлить лечение нашим методом,

не пугаться и не дергаться, без колебаний увеличить дозу лекарства, и он выздоровеет. Выбросьте из головы и мысли об обращении к другим средствам и к другим докторам!" — "Но больной болеет шесть лет!" — возражают неверующие Фомы. "За шесть лет, вспомните, с 1917 по 1923 г., например, произошли две революции, гражданская война прогремела, начался НЭП, а у вас больной все болеет. Так когда же он выздоровеет?! Он уже умирает, хрипит, а вы все настаиваете: "Еще больше наших лекарств ему в глотку, и он встанет и побежит, здоровый!"

Лично я хотел бы, чтобы Ельцин как можно быстрее получил желаемую им власть, раз уж здоровые силы оказались не в силах его остановить. И точно так же быстро чтобы слетел он навсегда с вершины власти. И с ним ушли бы бездарные самозваные доктора, бывшие руководители партийных школ, срочно перекрасившиеся в антикоммунистов, Афанасьевы, одним словом. Почему я хочу, чтобы это случилось быстро? Дабы народы СССР меньше мучились и страна бы раз и навсегда избавилась от демократических иллюзий. В том, что в течение года после прихода Ельцина к власти следует ожидать многомиллионных манифестаций с требованием его ухода (как сегодня шахтеры требуют ухода Горбачева), я не сомневаюсь. Страна сметет Ельцина, когда увидит, что он не способен ничего дать. Никакие "пиночетовские" замашки Ельцина ему не помогут. Страна очень озлоблена уже сегодня и в течение года озлобится вдвое.

— *Ты такой отчаянный противник демократии?*

— Я противник насильственного насаждения строя, чуждого национальным характерам и историческому пути развития народов, населяющих СССР. Демократия вовсе не универсальный общественный строй, годный под всеми широтами и для всех народов. Демократия — это система, сложившаяся исторически в некоторых странах Западной Европы (и ее спейс-колониях, таких, как Соединенные Штаты Америки) и работающая только там. Демократия есть система удержания власти самым гражданственным классом — буржуазией. Она не лучше, не надежнее (вспомним, что Гитлер в 1933 г. был избран большинством голосов, демократически), не прогрессивнее других систем, не идеальна даже для политического климата Западной Европы. Это их система. Искусственно, перескочив одним прыжком через историю, насадить демократию невозможно... Когда говорят, скажем, об Индии, называя ее "самой крупной демократией в мире", меня с души воротит

от лживости определения, ибо индийская демократия — чистейший вымысел. Эта страна управляется брахманскими кланами (клан Неру лишь один из них), соперничающими между собой. Политические убийства в индийской демократии — норма. Во время каждых "демократических" выборов погибают сотни людей. Фиктивна и недавняя "победа демократии" на Филиппинах. Там клан Акино боролся против клана Маркоса в нескольких поколениях, пока не сломал его. В 1980 г. во время "демократических" выборов на острове Ямайка погибло около семисот человек. "Демократические" противники обстреливали манифестации друг друга из автоматического оружия. Израиль, где ежедневно отстреливаются арабы — граждане последнего сорта, больше напоминает рабовладельческую республику. Если все эти нравы называются демократическими, то остается только развести руками... В разудалой стране Грузия, модно величающей себя конечно же демократией, все новые лидеры почему-то носят знакомые клановые фамилии: Церетели, Чхеидзе, Гамсахурдиа. Это клановая феодальная старая система устанавливается на наших глазах, и только называется она модно (социальные моды так же заразительны, как мини- и макси-юбки) — демократической. Что вообще значит слово "демократия"? Оно лишено смысла. Вспомните, что еще недавно существовала Германская Демократическая Республика. Запад, разумеется, восхваляет свою собственную систему и желает мессианически навязать ее всему остальному миру. Когда-то он святой водой, огнем и мечом навязывал всему миру христианство. Сегодня он пользуется мощнейшими прессой, радио и телевидением. Демократия не универсальна, так же как не был универсален коммунизм, хотя он усиленно претендовал на это. Универсальных общественных систем не существует в природе. Желание сделать все страны мира демократиями так же криминально, как попытка сделать мир весь коммунистическим.

— *Уже несколько твоих статей появились в "Советской России". Что это значит?*

— Это значит, что я свободный журналист, свободный писатель. Я свободен от нового советского сектантства. И потому готов публиковаться в газетах любых направлений, следуя здоровому принципу, что я ответствен только за свой текст. Статью "Что вы сделали с моей страной?" я послал в "Советскую Россию", будучи убежден, что по причине резкости никакая другая советская газета большого тиража ее не напечатает. Когда "Известия" не напечатали (продержав у се-

бя текст более двух месяцев) статью "Душа Ивана Иванова при переходе от социализма...", я, не обидевшись, передал статью в "Советскую Россию". С частью материалов, печатающихся в "Советской России", я абсолютно согласен, с частью нет. Я буду печататься у них до тех пор, пока газета будет меня печатать. (Плюс, спасибо им, они меня не сокращают.)

— Некто профессор Эткинд, ваш из Парижа, назвал (в письме в "Литературную газету") твой первый роман "Это я — Эдичка" "полупорнографическим". И вот автор "полупорнографического" романа сотрудничает в газете "Советская Россия"... Тебе самому не кажется парадоксальным подобное сотрудничество?

— Определение "полупорнографический" я оставляю на совести вышеназванного профессора. Что касается моего первого романа, то это современный роман и, как таковой, он необходимо безжалостен, революционен, безумен, пошл и вульгарен. Так же как революционны, пошлы и вульгарны книги Жана Жэнэ, Хуберта Селби, Генри Миллера, Пазолини, Чарлза Буковского, Вильяма Борроуза, как книги американки Кафи Акер (которой я, кстати говоря, приятель). В 1984 г. критик "Интернэйшнл Геральд трибюн" Джон Окс именно и поместил меня в компанию вышеназванных писателей, определив это направление, как "грязный реализм". Чем я и горжусь. Мои книги живые. Сегодняшняя литература, да еще в такой тяжелой стране, как СССР, ДОЛЖНА, ОБЯЗАНА быть пошлой и жестокой, как сама действительность. Однако уже мой первый роман, написанный в Нью-Йорке в 1976 г., был одновременно и "просоветским". Герой его бродит по улицам чужого Нью-Йорка, напевая бравую песню гражданской войны "Белая армия, черный барон...", и высказывает, например, такие вот удивительные предсказания: "Еще я сказал, что считаю диссидентское движение очень правым, и если единственная цель их борьбы — заменить нынешних руководителей Советского государства другими, Сахаровыми и Солженицыными, то лучше не нужно, ибо взгляды у названных личностей путаные и малореальные, а фантазии и энергии столько, что эти люди явно представляли бы опасность, находись они у власти. Их возможные политические и социальные эксперименты были бы опасны для населения Советского Союза, и опасны тем более, чем больше у них фантазии и энергии. Нынешние же руководители СССР, слава Богу, довольно посредственны для того, чтобы проводить радикальные опыты, но в то же время они обладают бюрократическим опытом руководства, неплохо знают свое дело, а это в настоящее

время куда более необходимо России, чем все нереальные прожекты возврата к Февральской революции, к капитализму и тому подобная чепуха..." Нужны ли еще объяснения причин моего приятия "Советской России"?

— Ходят слухи, что в Москве готовится к печати именно твой первый роман. Ты не боишься, что после его публикации, испугавшись твоей литературной эстетики, "Советская Россия" перестанет печатать твои статьи?

— "Демократы" уже наказали меня за публикацию статей в газете РКП. Журнал "Знамя" в лице Чупринина оповестил меня (через неделю после публикации моей первой статьи в "Советской России"), что подготовленная для четвертого номера журнала подборка моих рассказов снята. Журнал "Октябрь" отказался от запланированной в летних номерах публикации моей книги эссе. "Демократы" наказали меня за мои политические взгляды, с моей литературной эстетикой они, кажется, пассивно согласны.

— Почему "пассивно"?

— Потому что ни единое их издательство не взялось напечатать ни мой первый роман, ни даже более приемлемые произведения... Будет очень сожалительно, если, разделяя мои политические взгляды, "Советская Россия" вдруг решит отделаться от журналиста Лимонова, шокированная эстетикой писателя Лимонова. Надеюсь, что этого не произойдет. Однако, как бы там ни было, моих взглядов и позиций я не сменю. Для меня кажется совершенно естественным принимать сторону моего государства и относиться к его врагам как к своим. Все, что ослабляет СССР, плохо для меня, все, что усиливает, — хорошо. Пещерные расистские национализмы, маскирующиеся под "демократии", есть враги моего государства и его народов, потому я враг национализмов. Точно так же я враг многовластия, откуда бы оно ни исходило и какими бы хорошими побуждениями ни прикрывалось. Против лже-Дмитриев всех мастей следует безжалостно бороться. Я советский патриот, так же как были российскими патриотами авторы "Бородино" и "Войны и мира". Я такой же "империалист", каким был Пушкин. Вспомним, что уже в ранних исторических набросках, написанных для себя, Александр Сергеевич упрекает Екатерину Вторую за то, что она не воспользовалась Французской революцией и последовавшей европейской смутой и не отхватила у Турции Молдавию и Валахию, отодвинув границу до Дуная. По мнению Пушкина, единственное реальное достижение царствования Екатерины — "униженная Швеция и униженная Польша".

КОНЕЦ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ДАЕШЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ!

Символично, что падение мягкого "демократа" Горбачева отстоит от падения дикого "демократа" Гамсахурдиа всего на десяток дней. Несомненен конец "демократической" революции, продолжавшейся шесть лет. Но начало чего? Продолжительной власти Ельцина и его династии необюрократов?

"Демократы" провалились идеологически. Их политические опыты привели к чудовищной неудаче: распаду государства СССР, серьезным трещинам в здании Российской Федерации. Их экономическую программу у них увел Ельцин — администратор из старой правящей элиты. Все, что у них осталось: разваливающиеся несколько немассовых партий и газетки со все уменьшающимся тиражом, где они устало огрызаются. Иные их идеологи первого эшелона уже в эмиграции (Коротич), их политические лидеры сменили президентские и министерские пиджаки на пижамы и домашние тапочки, сегодняшнюю униформу "демократа". "Демократическая" революция закончилась: она задушена реакционными национализмами, каковых она сама благородно выпустила из бутылки. И не сумела загнать обратно по причине своей полной бездарности. "Демократическая" революция не выдвинула ни единого умного политического лидера. Она не выдвинула и ни единого сильного лидера. Пока у Горбачева была власть генсека, он выглядел сильным.

Ельцин временно победил именно потому, что он не демократ, у него есть хребет, хотя силу своего хребта он до сих пор использовал лишь для завоевания власти. У него уже есть гигантский политический минус: он пришел к власти в России, пожертвовав для этого СССР. Что бы он ни сделал впоследствии, в его политической биографии будет значиться: уничтожил СССР, дабы уничтожить политического противника Горбачева. "Отдал" миллионы русских за границу, одной Украине "подарил" на неизвестную судьбу 12 миллионов русских. А что, если их ожидает судьба сербов в Хорватии?

Надолго ли Ельцин? На восемнадцать лет, как Брежнев? Нерезонно предполагать, что все проблемы (среди них голод, все уменьшающаяся территория России и то, что миллионы русских оказались за границей, — лишь самые главные) вдруг решатся только потому, что в Кремле — Ельцин. Разумно предположить, что раскачавшиеся качели многонациональных

эмоций взлетят еще выше, и ух свалится немало шапок с головами вместе. Разумно предположить также, что в условиях абсолютной социальной нестабильности (на сегодняшний день установилась политическая стабильность только в Кремле) и хаоса "освобождение цен" не даст желаемого результата. Рынок не будет построен ни в шесть, ни в шестьдесят месяцев.

Что ожидает Ельцина и его команду необюрократов? Ни "демократы" (те, кто выживет после разгрома), ни патриоты-националисты, ни просто активные граждане, освободившиеся все же от прежних привычек смирения, не станут терпеть необюрократов сколько-нибудь долго. (И даже в случае определенного успеха на рыночном фронте, то есть в случае чуда.) Дело в том, что *присутствие у власти бывших аппаратчиков-необюрократов оскорбляет жертвы, принесенные страной в период перестройки.* Жертвы человеческие, территориальные, духовные... То есть неизбежное "за что боролись?" будет приходить на ум все чаще и чаще и все более широким слоям населения при лицезрении черных ЗИЛов с упитанными тушами в них, въезжающими в те же Боровицкие ворота. ЗАВЫ сменили ЗАМОВ — только и всего?! Тип, чтобы закричать в голос: "Братцы, да что ж это такое, опять черви в нашем борще!" — обязательно найдется.

Конечно, усталость, апатия, депрессия, овладевшие народом, распространяются и на "демократов", и на националистов. Но они оклемаются. Некоторое время будет происходить сближение и взаимопроникновение этих двух сил, и можно ожидать, что отдельные поправевшие "демократы" оживят лагерь националистов и вместе они в конце концов свалят необюрократов. Впереди неизбежная национальная революция. Почему и неизбежная, и национальная? Потому что под опозоренным поражениями знаменем "демократии" никто воевать не станет. Тем паче под знаменем необюрократов. (Рынок же знамен ограничен.) А воевать в конце концов российскому народу придется, хотя он очень не хочет просыпаться совсем и понять наконец, что дом его подожжен со всех сторон и враги лезут в окна и двери. (Воевать нужно было еще в 1986 г. Тот, кто отказывается от борьбы сегодня, завтра вынужден будет пролить во много раз больше крови. И своей, и чужой.)

Понимая, что угроза национальной революции реальна, необюрократы пытаются бороться с нею теми же методами, которые уже позволили им задушить "демократическую" революцию. Продолжая прикидываться "демократами" сегодня, они прикидываются и националистами. У демократов они

увели козырный туз "рынка", у националистов уже украли российское знамя, гимн и колокольный звон церквей. И еще уведут немало символов.

Однако проводят они в результате СВОЮ политику, позволяющую им, функционерам прежнего режима, отвоевать потерянную власть и удерживать ее. Перекрашиваясь в удобные цвета, они остаются и фальшивыми демократами, и фальшивыми националистами. "Свободные цены", то есть законодательно оформленный полуголод для подавляющего большинства населения России, это что — единственный выход в рынок? Нет, возможен более постепенный переход. Необюрократы пошли на антинародную (да, антинародную!), но быструю авторитарную меру "освобождения цен", чтобы успеть остаться у власти в случае неудачи жестокого эксперимента. Указ об отмене либерализации цен, возможно, уже подготовлен и ждет лишь подписи Ельцина. Так же как и обращение к народу, в котором он провозгласит свой отказ от экономической политики демократов, то есть от рынка. Он ведь взял власть, и его задача удержаться у власти, а не реализовывать чьи-то идеи, потому ничего не стоит декларировать, что "увы, экономическая политика демократов, навязанная нам Горбачевым, доказала свою несостоятельность...". "Освобождение цен" — последняя не опробованная еще "демократическая" иллюзия необюрократов во главе с Ельциным. Они настороже и хорошо подготовились. Если на авось не получится, они будут действовать привычными методами партократов. Да они и так уже действуют именно и исключительно этими методами, каждый день нарушая и Конституцию (по какой Конституции, кстати говоря, живет Россия?), и демократические принципы. Так что Борис Николаевич и его команда разместились надолго. Так им кажется и хочется.

Однако их ожидает неприятный сюрприз. Страна изменилась-таки, пусть и не настолько, как хотели бы демократы. Устроиться на 18 лет, подобно Брежневу, не удастся. Храбрости прибавилось не только у преступников, но и у политиков. И политикой занимаются сегодня много больше людей. Косметический национализм необюрократов будет удовлетворять российское общество недолго.

Сидя под трехцветным знаменем, проводить антироссийскую политику некоторое время возможно. Однако долго на троне человек, "подаривший" этническим государствам многие миллионы россиян, не удержится. Ельцина и необюрократов стащат с трона, даже если его национальная гвардия

будет одета в опереточные полушубки, смоделированные с костюмов оперы "Жизнь за царя", и называться "стрельцами". Массовая национальная революция неизбежна, потому что россиянам не оставили другого выбора. Если российский народ не отреагировал на укусы прибалтийских и кавказских мосек — провинциальных национализмов, то злой меньшой брат — украинец таки выведет его из себя. Логика развития исторических событий неумолимо толкает российский народ к национальной революции.

Сцена готова. Декорации: пустые магазины, холодные квартиры, зима, снег. Вороны.

Нескольких кровавых нападений толпы под жовто-блакитным флагом на русских где-нибудь в Ивано-Франковске или Львове будет достаточно, чтобы Россия взорвалась.

День. 1992. № 14

КРАТЧАЙШАЯ ДОРОГА В АД

Настоящее более или менее ясно: умирают, дрыгаясь в агонии у входа в пустые московские магазины, самые последние демократические иллюзии. Качество жизни российского населения достигло уровня существования в концентрационном лагере, нет, еще не в Освенциме, но в каком-нибудь небольшом трудовом "сталаге" с "хорошим" комендантом. Социальная ткань между народами СССР (СНГ) надорвана повсюду, вчерашние родственники становятся врагами. Но что с будущим? Что ожидает россиян?

Самые важные сообщения в газетах, как правило, не эпохальные указы правительства, им несть числа, но небольшие заметки, затиснуты куда-нибудь на последние страницы. Это они приоткрывают нам завесу над будущим. По ним можно догадаться, что нас ожидает. Так, в "Независимой газете" за 18 января 1992 г. можно ознакомиться с интервью председателя Белорусского Объединения Военных (БОВ) Николая Статкевича. "...Мы боимся, — делится он с корреспондентом НГ, — ...в России к власти могут прийти люди, которые попытаются идею о единстве Беларуси и России реализовать на практике. А это для нас равносильно смерти, потому что без независимости как этносу белорусам сохраниться уже не удастся".

Обратите внимание, читатели, на это красноречивое "КАК ЭТНОСУ БЕЛОРУСАМ". И на то, что Статкевич настаивает:

"Мы не политическое, патриотическое движение". БОВ, следовательио, есть патриотическая, этническая (предположить, что в БОВ будут допущеиы русские, я не решаюсь) оргаиизация воениых и бывших воеииых, ставящая своей целью защиту белорусов как этноса. Извииите, господин Статкевич, ио характеристика, которую вы сами дали вашей организации, в точности соответствует характеристике SA и SS, осужденых на Нюрибергском процессе как расистские кримииальные оргаиизации. Читателя это не смущает? Белорусское правительство и белорусского президента тоже ие смущает? Тогда проследуем дальше.

"Было приията решеиие к создаиию на предприятиях города организаций БОВ", — бодро сообщает корреспоидент НГ. Следовательио, люди в БОВ собрались серьезные, работать так работать. Обыкиовенио после 1945 г. иа плаиете защищают и сохраияют исчезающую породу животиых, слонов, например, или носорогов в Африке. Человеческую породу искусственно сохранить проблематичио. К тому же белорусы не исчезают, как слоны, напротив, за последиие десятилетия их количество увеличилось пропорционально и в ие меиьшей степени, чем их соседей, русских или украиицев. Вот на столе у меня французская киига "Гигант с парадоксами", издательство "Моид", справочиик географических, этиографических и экономических даииых об СССР. Не хочу утомлять читателя цифрами, но из справочника ясно, что и без политической иезависимости белорусы как этиос ие только не исчезалн, но плодились себе и размиожались. Разумеется, трудно сказать, сколько этнически чистых белорусов живет в Белоруссии. И кого считать белорусом? Подобными исследованиями после коичииы господииа Гитлера никто не заиимается.

Получается, что БОВ лезет сохранять белорусов, которые сохраняют себя сами. Неизвестио, все ли белорусы хотят, чтобы их сохраняло БОВ? И как, иитересио, организация собирается это делать? Сохраиение этноса требует большого аппарата хорошо оргаиизованиых людей и жесткой дисциплины. Вооруженые члеиы БОВа будут следить за тем, чтобы белорусы не смешивались в браках с другими этносами? (К этому стремился "демократ" Гамсахурдиа.) Предположим. А что станет делать БОВ с уже смешаиными парами? А с их детьмн: белорусо-украинцами нли руссо-белорусами? Все это было бы смешно, когда бы не мороз по коже. Даже в суровые годы сталинизма никому не пришло в голову организовывать биологию, навязывать выбор партнеров в браке, *контролиро-*

вать народы этнически. Это по собственной воле белорусы, русские, украинцы, азербайджанцы, татары женились, смешивались, рожали детей и выбирали язык, на котором им говорить. Это было естественно, так как они жили все внутри общего географического, экономического и культурного пространства и называли это пространство официально СССР. А за границей нас всех называли "рашенс", хотите вы этого или нет, так как русские доминировали естественно своим стомиллионным массовым весом и культурой. Так же естественно, как испанцы и черные доминированы в США английским языком и англосаксонской культурой. В этой исторической естественности обиды нет никому.

Интервью с боевитым господином Статкевичем, впрочем, начинается с невинной, модной в наши дни декларации "наше движение ставит своей целью защиту демократии и независимости Беларуси". Однако кончается оно ледяной фразой: "...тогда мы будем считать себя вправе совершать любые действия". Господин не уточняет, когда. Могли бы начать уже и сегодня, так как "равносильное смерти" для БОВ единство Беларуси и России давно уже реализовано на практике. На территории, доставшейся Беларуси от Белорусской ССР, 12% населения — русские, то есть около одного миллиона двухсот тысяч человек. Сколько белорусов живет на территории России, мне неизвестно, но ясно, что живут, и многие. Так что единство осуществлено на четверть. 50% русских было бы полным единством. Что предполагает делать БОВ, если ей это единство смерти подобно? Выселять русских, поляков (их 4%) и прочих, украинцев и евреев? Господа еще не решили?

Заглянуть в будущее позволяет югославский опыт. Декларируя Хорватию "юной демократией", господин Туджман и его Хорватское Демократическое Содружество (ХДС) на практике создали этническое государство. Туджман впервые в истории после Гитлера вооружил членов своей партии, а затем и своей нации. Оружие было выдано только хорватам. Увы, это не понравилось оказавшимся вдруг на территории чужого вооруженного государства живущим среди хорватов сербам. Их в государстве Хорватия около миллиона. Сербов стали заставлять присягать на верность этническому хорватскому государству (как в Литве) и, подобно желтой звезде, заставили носить при себе сертификаты "лояльности". Все разумные требования автономии для регионов, в большинстве своем населенных сербами (Краина и Славония), были создателями этнического государства отклонены. Военные действия

начались в Краине и Славонии весной 1991 г. стихийно, эмоционально между соседями и даже жителями одних и тех же городков и деревень. (Борово село, например.) Это не в Белграде и даже не в Загребе было решено начать войну (Туджман, однако, несет полную ответственность за создание этнического государства и климата, в котором этническая война стала возможной), но на местах *добровольные военные объединения начали кровопролитие.* Военные объединения типа БОВ, первичные ячейки которого господин Статкевич и его друзья беспрепятственно создают сейчас на промышленных предприятиях Белоруссии. НГ не сообщает, существует ли уже в Белоруссии РОВ — русское объединение военных — под председательством, скажем, господина Иванова. Если не существует еще, то обязательно будет организовано в ответ на провокацию БОВ. Так сербы в Хорватии создали свои военные объединения в ответ на создание хорватских.

Создание этнических военных организаций — самая прямая дорога в ад. И самая короткая. Создание этнических объединений военных должно быть запрещено законом и просится прямиком не в политику, но в уголовный кодекс. Сбережение белорусов как этноса есть несерьезный, неумный, легковесный и наглый предлог для создания вооруженной группы. Кто посягает на белорусов как этнос? Кто-нибудь планирует геноцид белорусов? Измученные очередями москвичи? Может быть, белорусская культура уничтожается Россией и русскими? Ничего подобного. Белорусский язык преподается в школах, белорусы имеют своих писателей, ученых и премьер-министров, свои театры, все, что имеют и русские. По всем нормам международного права белорусы не находятся под угрозой исчезновения как нация. Политическую же независимость они только что сами декларировали. (Бретонцы во Франции находятся в куда более худшем положении, их язык не преподается в школах, он погибает.) Абсурдно и то, что защищать белорусов БОВ собирается от России. Смею утверждать, что в различные периоды истории как раз Россия помогла белорусам отстоять свой этнос, ибо белорусам грозила серьезная опасность ассимиляции то литовцами, то поляками.

Ясно, что предлог для создания военизированных отрядов БОВ абсурден и иррационален. Истинное объяснение возникновения БОВ куда более простое. Всегда есть желающие погреть руки у большого огня революций и социальных вулканических извержений. Вспомним, какое количество "батек" и "атаманов" объявилось в стране в 1917—1922 гг. "Батька"

Статкевич хочет погулять с ребятами, как в свое время гуляли "батьки" и "атаманы". И вот он со товарищи организует себе работу, когда, казалось бы, нет уже никакой работы для разрушителей. Ведь Беларусь уже независимое, политически суверенное государство. В политике работы нет, отсюда выдвигается ("мы не политическое движение") тезис "угроза этносу". Господин Статкевич только один из "батек", в каждой из независимых республик есть свои "батьки", и исчисляются они десятками, а то и сотнями. И свои "объединения военных", бывших военных, полувоенных, еще не совсем военных и так далее. Искать рациональность в их действиях — бессмысленное занятие. Присутствуют в их действиях только все время нагнетаемые эмоции и несомненная разрушительная, крайне бестолковая и опасная для молчаливого трудолюбивого большинства белорусов, русских и якутов равно ЭНЕРГИЯ. (Уже седьмой год, хочу заметить с негодованием, никакие, даже самые злобные энергии не встречают сопротивления закона. Преступные методы равно применяются в политике и в экономике.)

Пока еще осторожную военно-этническую программу господина Статкевича "Независимая газета" озаглавила: "Они должны защищать Родину". Но, напротив, это Родина должна защищать себя от таких организаций, как БОВ! И белорусская Родина и русская Родина. И объективность и свобода имеют границы.

Абсурдно быть объективным к организации, основным критерием, идеалом, принципом которой является этнос. Этноцентризм есть всего лишь форма расизма, все более и более популярная в "республиках". В нормальном, "цивилизованном", как любят писать в столичных газетах, государстве этническая, расовая пропаганда запрещена законом. Почему подобная пропаганда не запрещена ни в Белоруссии, ни в России?

БОВ и ему подобные задиристые объединения разозлят-таки провокациями русский стомиллионный народ до степени создания такого РОВ, что остановить его мощную ярость не сможет и вся планета. Замечу фаталистически, что именно по этому пути развиваются события.

Советская Россия. 1992. 17 марта

К НОВОЙ ПОЗИТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ

1. Смерть и рождение идеологий

Старые идеологии умирают время от времени. Умирают совсем или преображаются в другую форму. Мы живем именно в одну из таких эпох. Смерть идеологий — процесс необратимый и нормальный, следствие социальных метаморфоз общества. Очень долгое время религии служили идеологиями, покуда не выдохлись. Идеологии жестоко сталкивались между собой в войнах. Вспомним, сколько людей погибло в идеологически мотивированных крестовых походах. Силой оружия была побеждена идеология фашизма. В 1979 г. вдруг, вопреки всем теориям прогресса, ислам сделался идеологией сильной страны Ирана. Сегодня, кажется, выдохлись, ибо сложились новые социальные условия, многие положения марксистского социализма, и рассыпаются общества, скрепленные до сих пор идеологией марксизма. Запад счастливо, но ошибочно кричит о победе идеологии капитализма над идеологией коммунизма, в то время как налицо скорее самороспуск, капитуляция последней. Капитуляция произошла по причине явного преимущества экономической системы Запада (с ее неравномерным распределением плодов достатка) над всеми другими экономическими системами планеты, в том числе и коммунистических стран (уравнительно-коллективистскими). К тому же "ще не вичер", как гласит украинская пословица. Поглядим, что приготовила нам История для следующего акта.

Собственно капитализм — это экономическая система, и только. Но можно говорить об идеологии демократии, подразумевая под ней движение либеральной мысли, основоположниками которого были Монтескье и Адам Смит. (Родоначальниками же социалистической мысли были — это общеизвестно — Прудон и Маркс. Обе идеологии зародились в 18—19 вв.) Современная формула идеологии западных (белых) обществ долгое время оставалась триединой: "Традиция — Демократия — Капитализм". В случае каждого отдельного общества "традиция" — есть национальные традиции его, включая государственность (французскую, американскую, Объединенного Королевства Великобритании... и т. д.). В последние годы к этим элементам троицы все чаще добавляется четвертый — "права человека", этакие современные интерна-

циональные десять заповедей, пусть их и тридцать. Тридцать заповедей "Универсальной Декларации прав человека", принятой ООН в 1948 г. (но долгие годы пылившейся без употребления), скорее подытоживают, формулируют уже сложившиеся в Западной Европе формы социального поведения. Однако за пределами западных обществ, в так называемых "слаборазвитых" странах, "Универсальные права человека" — агрессивное оружие, служащее экспансионистским целям Запада. Когда-то для тех же целей служили крест, евангелие и меч. Итак, полная формула идеологии демократии: "Традиция (национальная) — Демократия — Капитализм — Универсальные права человека".

Теперь поглядим на российскую цивилизацию и ее идеологию. Формулой идеологии российской цивилизации на протяжении многих веков была общеизвестная троица: "Самодержавие — Православие — Народность". Придя к власти, Ленин и его апостолы заменили "Самодержавие" "Партийностью", оставили, не покушаясь на нее, "Народность", однако полностью и агрессивно отказались от третьего ингредиента, от "Православия". "Православие" (с 19 в. все чаще понимаемое как традиция) выкорчевали и вспомнили о нем только в самые тяжелые годы войны, чтобы забыть о нем после. Образовавшаяся триединая формула коммунистической идеологии: "Партийность — Народность — Коммунизм" подчеркивалась лозунгами: "Народ и партия едины!", "Власть, рожденная Октябрем, — подлинно народная!" или "Верной дорогой партия наша нас (народ) к коммунизму ведет!" Вполголоса к трем элементам формулы добавлялся (меняющийся со временем) "экономический" элемент идеологии: "Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны!" — при Ленине, "Индустриализация" и "Коллективизация" — при Сталине, соревновательный экономический клич "Догоним и перегоним Америку!" — при Хрущеве.

Сегодня, когда идеология коммунизма самокапитулировала, советское многонациональное государство испытывает небывалые трудности. Оно качается и вот-вот упадет наземь. Ибо государство, в котором общество лишено идеологии, подобно дому, сложенному из кирпичей, но без скрепляющего цемента. Подует ветер сильнее обычного, и дом упадет. Нужен скрепляющий цемент и до такой насущной степени, что цемент годится любой. Все будет лучше, чем никакого. Окраины СССР тотчас же заполнили идеологический вакуум местными

национализмами. Национализм — самая примитивная форма идеологии, отбрасывающая человека далеко в прошлое, в эпоху пещерную. Национализмы всякий раз появляются на авансцене истории в моменты крушения НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ идеологий.

2. Импортная идеология

Отечественные демократы навязывают стране импортную идеологию, сводящуюся к формуле "Демократия — Рынок — Права человека". Под "Рынком" они конечно же подразумевают капитализм, однако, зная нелегкие отношения советских людей с этим термином, предпочитают пользоваться эвфемизмом. Легко заметить, что в заимствованной с Запада формуле отсутствует элемент "традиция". Дело в том, что "демократы" боятся традиции и не доверяют ей. В особенности это касается коллективистских и уравнительных традиций последних семидесяти лет. Именно поэтому они поспешили разгромить разоблачениями и "сталинизм" и "застой". Боятся "демократы" и дореволюционных традиций Российского государства по причине их якобы зараженности русским национализмом. Они охотно допускают музейную традицию православия только потому, что отлично понимают: православие как социальная сила — мертво и потому неопасно, оно не есть конкурент их либеральной демократии.

Первый упрек, который может быть предъявлен демократам: они стремятся установить в СССР господство одного класса. "Демократия" означает: захват и удержание политической власти классом советской буржуазии знания. "Демократия" призвана заменить "партийность", то есть власть партократии, точно так же как партократия пришла в свое время на место "самодержавию" — власти царя и аристократии. Сама демократическая система выборности власти есть метод удержания власти буржуазией. Буржуазия есть самый гражданственный класс общества благодаря своей большей в сравнении с другими классами образованности. Буржуазия отлично организована. Солидарна. Она стоит у кормила органов и пропаганды, и информации. Она профессионально оперирует идеями и механизмами их внушения массам. Потому ее интересы будут всегда торжествовать при ее общественном строе — демократии. (Не следует забывать, что первая демократия в мире, прообраз современных, французская, была создана буржу-

азией для буржуазии.) Интересы всех других классов будут ущемлены, отброшены, не удовлетворены или мало удовлетворены. Рабочие, крестьяне, военные — интересы этих классов и групп будут удовлетворены диспропорционально и в последнюю очередь. Так обстоит дело в западных демократиях. Иначе быть не может. К тому же, навязав обществу и свою экономическую систему — "рынок", советская буржуазия станет всесильна: удержатель и политической и экономической власти. В ущерб основной массе населения.

3. Сухая формула

Еще один важный изъян демократической идеологии: ее формула, скопированная с западной, но урезанная, слишком суха, неэмоциональна. Согласно "демократам", разноплеменные массы населения СССР должны автоматически сплотиться — жить вместе во имя экономических интересов. Наивные надежды. Народы не мыслят и не поступают, как бухгалтеры. Сухие узы выгоды — слабые узы. Обыкновенно "Традиция", то есть история, коллективные мифы, связывает толпы в народ. И народы в цивилизацию. Но именно историю "демократы" выбомбили, как войска коалиции выбомбили Ирак. Подвергли геноциду историю последних семидесяти лет, да и история Российской империи им совсем не нравится. Результат: их идеология не связана с прошлым. Она пришлая, сухая. Только сегодняшняя. Эмоциональность же — необходимое качество цемента идеологии, призванной сплачивать души людские в государство. Как отдельных людей сообща пережитое прошлое связывает дружбой, так общая история связывает народы эмоциями. Народы нуждаются в мифах, в поощрении этих мифов. Сухая формула "Демократия — Рынок — Права человека" не может удовлетворить естественную эмоциональную жажду народов СССР. Потому-то так легко и уводят их из СССР чрезвычайно эмоциональные пещерные национализмы. (Я уверен, что, если бы сегодня следовало впервые заманить народы западных стран в демократии, потребовались бы чрезвычайные эмоции, каковые уже не нужны для того, чтобы удерживать их в демократиях по привычке.) В особенности южным народам (грузинам, азербайджанцам, армянам) нужны именно эмоциональные узы с другими народами СССР, а их-то "демократическая" идеология не может дать. Ибо

"демократия" неэмоциональна. Следует всеми силами пропагандировать традиции общежития народов вместе, связывая их с традициями отдельных народов, в частности, давно нужно было дать исламу права равной с христианством религии, поддерживать и поощрять в среднеазиатских республиках исламские традиции, поставить исламских лидеров на важные должности общенационального масштаба. Приглашать их на мавзолей в конце концов, дабы народы видели уважение, им оказываемое. Или, к примеру, запущена совершенно двухвековая традиция сосуществования с Грузией. Эмоционального, страстного сосуществования, символ которого — генерал Багратион на белой лошади на Бородинском поле, символ которого — Кантария, поднявший знамя победы над рейхстагом, и даже (страсти успокоятся, и он займет подобающее ему место в пантеоне, я уверен, сходное с местом в истории Франции корсиканца Наполеона) Иосиф Сталин. Результат пренебрежения этими традициями — налицо... враждебная Грузия господина Гамсахурдиа. Эмоциональные традиции должны поощряться, но ни в коем случае не славянский разлюли-малиновый старушечий национализм, каковой только обижает неславянские народы СССР. Если бы мне предложили назвать элементы новой идеологии Советского государства, первым я назвал бы общую ТРАДИЦИЮ многонациональной российской цивилизации.

4. Народность

Задумаемся, по какой такой причине и цари и большевики назвали "народность" необходимым элементом своих идеологий. Почему Ленин со товарищи, замахнувшиеся на мировую революцию, не отбросили "народность" вместе с "православием" и не сломали ей хребет? Просто по той ли причине, что отождествляли "народ" с марксовыми угнетенными пролетариями? Следует забыть на некоторое время о Марксе и вспомнить о существовании в царской России того удивительного традиционного пиетета (пусть порой и поверхностного), которым окружали "народ-кормилец" и цари, и общество того времени. Вспомнить о существовании такой организации, как "Народная воля", о существовании такого явления, как "разночинство". Да, немногие дворяне, бывало, измывались над крестьянами, но в ответ горели усадьбы и испоротый Иван не

исключал государственно поощряемого пиетета к народу. Нестарая цивилизация, российская, сохранила коллективно-племенное чувство дольше других? Семьдесят лет Советской власти только добавили значительности "народу", и это несмотря на все эксперименты (как всегда западного происхождения. Марксизм ведь так же, как и либерально-демократическая идеология, зародился в треугольнике Париж — Берлин — Лондон), производимые над народом, но и во имя народа партократией. Загнав остатки старых классов и позднее опасную поросль новой буржуазии в Гулаг, Сталин и К° пытались создать бесклассовое общество, в сущности, народ без буржуазии... Никогда не допущенный к прямому участию во власти ни царями, ни партократией "народ" в системе российской цивилизации мощнее этого же понятия на Западе. В странах Европы также употребляли выражения "народ не хочет" или "враг народа", но только в СССР они звучат так глубоко, трагично и опасно. Сегодня дикие "демократы" посягают на "народность" открыто и нагло.

Собирающаяся стать правящим классом буржуазия на дух не выносит "шариковых", как она называет свой народ. (Производное от фамилии героя расистской, антинародной повести Булгакова "Собачье сердце" — Шарикова.) Она презирает свой народ за низкую производительность труда, за недисциплинированность или недостаточную дисциплинированность. Понимая под определением "народ" прежде всего низшие классы, советская буржуазия не выносит именно их, бывший класс-гегемон — плебеев "шариковых", "лентяев". Щеголяя с гордостью своей "демократией", возводя ее родословную от ДЕМОС — народ, советская буржуазия (подобно царской аристократии и партократии) вовсе не планирует уступить часть власти собственно "народу", вовсе не хочет предусмотреть в новом демократическом обществе прямое участие народа в управлении государством. Даже поверхностный пиетет к народу исчезнет, если "демократы" захватят власть. Таким образом, их "демократия" будет парадоксальным образом открыто антинародной властью.

Дабы обезопасить себя от опасности захвата власти одним классом — советской буржуазией знания (я уже писал об НБ в нескольких статьях, поэтому не стану повторяться), "народность" должна войти составным элементом в новую советскую идеологию. На практике, скажем, "Комитет обществен-

ного спасения" (позднее он может быть преобразован в "Палату Народных Представителей") мог бы стать органом прямого народного управления страной. Я имею в виду прямое представительство ветеранов войны, отцов и матерей многодетных семейств, представителей тяжелых профессий: шахтеров, сталеваров, железнодорожников, представителей армии, священнослужителей всех религий страны, разумеется, крестьянства... Такой орган управления станет прямым представительством различных профессиональных, территориальных, национальных и возрастных групп населения страны. Даже лотерейный (по жребию, как выбирают жюри судебных заседателей и как на протяжении полутора тысяч лет выбирали своих представителей греки) способ выбора представителей будет много справедливее буржуазных "всеобщих" выборов, в которых судьбу страны (так это в Соединенных Штатах) решает около 18% электората, то есть подавляющее меньшинство.

5. Рынок

"Демократы" потрясают своим рынком как панацеей от всех экономических бед, выгодно противопоставляя рынок коммунистической экономике. Их счастье, что эффективность их радикальных программ (самая радикальная "500 дней") невозможно проверить на практике из-за тяжелейшего кризиса власти и законности, сотрясающего СССР. Противопоставление же коммунистической экономики — рынку (то есть капитализму) не так уж бесспорно, как кажется. Вспомним, что отдельные западные социологи уже десятилетия утверждают, что экономической системой СССР всегда был... капитализм, лишь особый вид его — централизованный государственный капитализм. В только что вышедшей книге "Диссиденты западного мира" (издательство Спартакус. Париж, 1991) Луис Яновер пишет: "Сталинизм проявил себя как радикальное отрицание коммунизма: он не только не уничтожил наемный труд, но упрочил его и распространил..." Согласно Яноверу, включение в мировую семью рыночных наций (а именно туда стремятся мечтою "демократы") не сулит странам Восточной Европы, включая СССР, ничего хорошего. "Эти страны нашли себя между молотом и наковальней: они не могут развиваться без помощи передовых стран в области продуктивных оборудований и технических достижений. Но, с другой стороны,

увеличение торговых обменов было задумано стратегами "трехсторонности" (то есть США — Англии — Франции) как способ разрушения стран Востока. Интеграция в мировое распределение труда представляет важный успех для частного капитала, потому что эта кооперация должна на время помешать советской экономике образовать автономный и антагонистический полюс накопления. *Конкуренция на мировом рынке может быть только фатальной для нее, учитывая слабую производительность труда.* Опереться же на страны Запада для того, чтобы наверстать значительное опоздание, означает тотчас же принять риск ухудшить неравный обмен между двумя системами и таким образом увеличить разрыв между степенями их развития".

Нужно ли СССР из кожи вон лезть, желая быть не только великой державой (а он является таковым и по территориальному принципу, и из-за того, что обладает ядерным оружием, и по причине того, что, будучи в числе победителей 1945 г., — он один из устроителей современного мира), но и экономически высокоразвитым государством, как США и Западная Европа? Горбачев в 1985 г. решил, что нужно, и, неопытный, пустился в "демократическую" авантюру перестройки. К чему она привела, советские люди могут убедиться, выйдя на улицу. Советское общество надорвалось, не подняв непосильную для него тяжесть сразу пяти перестроек: политической структуры страны, экономической, ее исторической (мифологической) структуры, социальной и психологической структуры советского коллектива. Неразумная зависть к западному уровню жизни одолела вначале советскую буржуазию, а затем заразила и массы населения. Ясно, что хорошо бы иметь в СССР плоды процветания в том же количестве, в каком их имеют западные страны. Кто же отказывается от изобилия... Советские граждане очень способны насладиться плодами изобилия. Спору нет. Завидуют Западу не только советские, но и африканские, азиатские и латиноамериканские граждане. Однако советский коллектив за шесть лет перестройки оказался неспособен не только увеличить количество плодов, но умудрился размотать и пустить по ветру то небольшое, но достаточное, чтобы жить умеренно, состояние, какое оставила ему небогатая, однако и не голодная родственница — коммунистическая система. Зависть относится к числу отрицательных разрушительных эмоций. Руководствоваться в своем поведении завистью целому ОБЩЕСТВУ, огромной стране есть БЕЗУМИЕ.

Сегодня уже нет иного выхода. Наследство, оставленное нам, промотано и загублено (чтобы убедиться, что оно было, сравните уровень жизни в 1985 и в 1991 гг.). Вначале наладив и укрепив Советское государство введением военного положения, в стране придется произвести экономическую революцию. Это должна быть не буржуазная экономическая революция, о которой мечтают "демократы", но народная экономическая революция: на благо всех слоев общества. Основными параметрами этой революции должны стать: рабочее самоуправление предприятиями, корпоратизм, параллельное свободное (без принуждения) развитие колхозного и частного секторов агрокультуры одновременно и, если нужно (если Запад откажется предоставить новые технологии или запросит за это слишком большую цену), временное "закрытие" советской экономики — изоляция, самодостаточность. То есть добровольное согласие со статусом развивающейся страны. Великой же державой СССР останется благодаря наличию ядерного оружия. Пусть СССР будет одновременно и великой державой, и страной "третьего мира". Ничего страшного в этом нет. Осознание этой двойственности СССР есть естественный подход к самим себе. Чего добьется страна, насколько широка и энергична будет народная экономическая революция, будет зависеть только от советских людей. Чем бесплодно исходить завистью к богатым странам, лучше двигаться без зависти, своими силами, соизмеряя с ними аппетит.

6. Пробужденная народная энергия

Троица "Традиция — Народность — Экономическая революция" составит куда более вяжущий, надежный цемент, чем привозная из-за границы "демократия", не работающая в нашем духовном климате, непривычная нам. (Для того чтобы она заработала, вынужден будет болезненно и долго меняться и деформироваться советский народ, ценою крови подстраивая себя под нее.) Идеология, основанная на формуле "Традиция — Народность — Экономическая революция", сможет немедленно скрепить многонациональное здание государства СССР. Единственно, чего не хватает в образовавшейся идеологии, — это изначальной энергии, воли, каковая приведет ее в движение. Кто способен стать ее носителем? Советы? Советы играют сегодня негативную роль разделения страны на тысячи

группировок и мнений. Советы (будь то Верховный Совет СССР или районные) не могут прийти к единому мнению о совсем простейших проблемах, где уж им дать толчок новой идеологии... Чья же воля? Я вынужден еще раз заглянуть в недавнее прошлое, проанализировать несчастья последних шести лет и то, как они повлияли на психику советского коллектива.

Поспешное и тотальное разрушение всех структур (вначале на бумаге и словесно, позднее реальными действиями возглавляемых Новой Буржуазией Верховного Совета и Правительства РСФСР, Ленинградского и Московского Советов и национальных Советов республик) дало жесточайший побочный эффект. В результате разрушенным оказалось коллективное "Я" советского народа. Голый стоит советский человек на голой земле в неорганизованном хаосе, обрублены связи его с историей его племени, с самим племенем — коллективом. Уже не *советские люди*, но первобытные орды населяют территорию СССР сегодня. Гордость француза, американца и даже бедная гордость гражданина "третьего мира" — алжирца или мексиканца недоступна им, незнакома и чужда. Потому что ж удивляться, что тридцать миллионов (согласно советской статистике) безродных голых людей готовы завтра убежать в Европу или даже в Южно-Африканский Союз.

Наверняка устроители тотального эксперимента-разрушения — лидеры Новой Буржуазии не желали подобных результатов. Они собирались строить капитализм, им необходимы были бодрые массы строителей. Однако они не сумели сдержать в себе нигилизма. Долго сдерживаемое недовольство "замов", вынужденных выполнять указания, мстительный ухарский дух разрушения до основанья старого мира пересилили осторожность и разумность.

Со времени окончания второй мировой войны советский народ не участвовал в Истории. Он спал, как обыкновенно спят в нормальные времена все народы: французский (во Франции застой длится уже 25 лет. Миттеран в сущности — французский Брежнев, американский, бразильский и прочие... Новая Буржуазия не собиралась его будить, она лишь желала использовать народ как арбитра, желала привлечь его на свою сторону морально, хотела бы, чтобы он узаконил ее право на власть. НБ вовсе не собиралась сделать народ участником Истории. Однако народ сделался таковым вопреки воле

буржуазии и вопреки, следует сказать, и его собственной воле. Народ пробудили, не желая этого, именно "демократы". С 1985 г. советский народ подвергся массовой бомбардировке разрушительной информацией, выброшенной ему советской буржуазией. Атакуемый уже шесть лет массовой разрушительной информацией-пропагандой, он таки пробудился в момент, когда количество пропаганд достигло очевидно критической массы. Пока еще пассивная, но уже проснувшаяся МОЩНАЯ НАРОДНАЯ ЭНЕРГИЯ живым океаном Солярисом дышит в затылки уже испугавшейся буржуазии.

Интеллектуальная, книжная, умозрительная энергия советской буржуазии (компании Афанасьева, Шмелева, Собчака, Коротича, Бурлацкого и тысяч других) толкает страну к озападниванию. Эмоциональная же народная энергия (это всегда эмоциональная энергия), не заряженная никак, ни положительно, ни отрицательно, пассивно, но мощно сопротивляется насилию озападнивания и тяготам этого насилия. Это она — главный противник, "саботажник", "главный консерватор" перестройки, а не "консерваторы КПСС" или возведенный в ранг злодея "военно-промышленный комплекс".

7. Авторитарный лидер

Пробудив народную энергию, лидеры буржуазии не рады этому. Кошмарные видения народных, разинско-пугачевского размаха бунтов преследуют их. Их интеллектуальная энергия все более бессильна в столкновении с эмоциональной энергией масс. Страна все больше подчиняется мощному полю народной энергии, но управляется по-прежнему (все немощнее и немощнее) бюрократами-функционерами. Увы, ни один из двух (якобы противостоящих друг другу, на деле они мало чем отличаются) "больших" лидеров — ни экс-радикал Горбачев, ни нынешний радикал Ельцин — не обладают эмоциональной привлекательностью. ("Харизма" — называют этот феномен привлекательности американцы.) Ни тот ни другой не способны к соединению с эмоциональным полем народным. Чуждые, деревянные, неестественно натянутые, управляют они с помощью сухих и холодных декретов-циркуляров (точнее, пытаются управлять) наэлектризованным полем народным. Бесполезные попытки. Ельцин пока выглядит выигрышнее. Но лишь потому, что имя Горбачев навсегда уже

связано с разрухой, недостатком питания, свирепостью национальных бунтов.

Советскому народу нужны сегодня позитивные ценности. Он устал от презрения, от критики, от унижений, *от покаяния*. Народу неотложно нужна сегодня новая уверенность в себе. Вера в то, что он "хороший", моральный народ. Советскому народу нужна новая гордость собой. Всего этого ни министерские перетасовки, ни передача шахт в ведение РСФСР, ни болтовня многотысячных Советов депутатов не могут ему дать. Прошли времена, когда можно было управлять народом сверху вниз, пересылая установки вниз по партийным линиям. (А именно так привыкли управлять бывшие областные секретари КПСС и секретари ЦК — Горбачев и Ельцин.) Народу в его нынешнем горчем состоянии нужен эмоциональный "харизматический" лидер. Советский народ отзовется сегодня только на эмоциональный контакт. Народу нужен такой же, как они, опытный и мудрый. Которому они смогут поверить, как своему. В лице которого они смогут любить самих себя наконец, после многолетнего периода отвращения к себе, навязанного им советской буржуазией. Лидер, способный внушить им новую гордость и объединить их опять в советский народ. Лидер, который вернет им утраченное достоинство, веру в себя. Скажет им, уверит их в том, что они не хуже других народов... а кое в чем и получше...

Такой лидер насущно нужен, как хлеб, и должен прийти. Да, это будет авторитарный лидер. Да, он силой остановит эпидемию малодушия. Авторитарность власти — одна из традиций многонациональной российской цивилизации. В критические для российской цивилизации моменты Истории всегда, слава Богу, появлялись такие авторитарные лидеры. Князь Александр Невский, Петр Первый, Ленин (его заслуга в спасении страны от хаоса и распадения). Иногда мы выбирали себе лидеров. Так, выбрали, намучившись Смутным временем, на царство Михаила Романова в 1613 г. Да, авторитарные эти лидеры являлись тем не менее символами чаяний и стремлений здоровой части нашего общества. Плоть от плоти и кровь от крови народной, эти люди старались не для себя, но для блага государства, то есть всех, то есть для народного блага. ЛИДЕР — НАРОДНОСТЬ — ТРАДИЦИЯ — НАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — таковой будет формула грядущей идеологии СССР.

Тем же, кто панически и иррационально боится авторитаризма (при этом участвуя активно в борьбе против вождя Горбачева, за вождя Ельцина), следует сказать, что есть только одна альтернатива: хаос голодных "демократических" республик, размером каждая с ленинградскую улицу или московский район, где по щиколотку в крови бродят вооруженные голые люди.

Во времена бедствий, нашествий варваров и восстаний рабов мудрые римляне-республиканцы выбирали диктаторов с чрезвычайными полномочиями. Последуем их примеру. Увы, имеющий полномочия Президент страны не имеет силы воли ими воспользоваться. Пусть же народ выдвинет естественного вождя.

1992 г.

IV

ИЗ КНИГИ "ДИСЦИПЛИНАРНЫЙ САНАТОРИЙ"

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ САМОЙ ЧЕРНОЙ КНИГИ ВЕКА

Вместо предисловия

1. Старое HARD-насилие

Уинстон Смит "верил, что он был рожден в 1944 или 1945 году", то есть мы с ним ровесники. Поскольку 1984 г. давно просвистел мимо и ничего похожего на общество, созданное воображением Оруэлла, на поверхности глобуса не обнаружено, я перечитал приключения человека моего возраста.

Сюжет — глуп. В Великобритании 1984 г. (в Океании) внебрачный секс между членами партии запрещен. Уинстон Смит нарушает запрет (уже пять лет тюрьмы минимум). Чуть раньше он начинает вести дневник (двадцать пять лет или смерть). Снимает комнату для свиданий с Джулией (над антикварным магазином, в квартале "пролов") у (как позже оказывается) агента "Полиции Мысли". Вместе с Джулией поддается провокации злодея О'Брайена и вступает в заговор (словесный) против Партии (смертная казнь). Получает запрещенную книгу Голдстейна (еще раз смертная казнь). Смита арестовывают, пытают, подавляют его волю. В последней главе он отпущен "на свободу", но читателю ясно, что тотчас за пределами книги его неминуемо арестуют и ликвидируют. Ясно и то, что глупый сюжет используется Оруэллом, дабы продемонстрировать читателю общество будущего — Великобританию-Океанию 1984 г. Считал ли автор продукт своего творчества пророчеством или лишь возможной моделью будущего, к оценке книги отношения не имеет. Так же как и причины ее написания.

Смит во мне сочувствия не вызвал и в высшей степени не понравился. По сути дела, он стандартный персонаж английской литературы — маленький человек (пять фальшивых зубов, язва на ноге). Забыв об Океании, видим типичного английского клерка среднего возраста. (Вспомним Т. С. Элиота: "Я старею, я старею /Я постель бутылкой грею/ Можно ль мне носить пробор?..", или протагониста романа Грэма Грина "The Human Factor"[1] — Кастла, советского шпиона.) Оруэлл

---

[1] "Человеческий фактор" *(англ.)*.

уверяет нас, что ужасная история его клерка разыгрывается в будущем — в 1984 г. Внимательный читатель обнаружит, что в книге паразитически удобно устроилось прошлое (роман написан в 1948 г.). Судите сами.

Падающие через каждый десяток страниц на Лондон "ракетные бомбы" заставляют вспомнить ФАУ-2, посылаемые германцами на Лондон в 1942—1944 гг. Уинстон и Джулия встречаются на колокольне, в местности, куда "30 лет назад упала атомная бомба". Банды юношей "в рубашках одного цвета" и "крепкие мужчины в черной униформе, в железом подбитых сапогах и с дубинками в руках" заимствованы из германской истории 1920—1945 гг. Туда же относятся голубые и (для высшей иерархии партии) черные комбинезоны героев книги. "Плавающие крепости" Океании конечно же содраны с американских бомбардировщиков "Летающая крепость". "Трехлетний план" и "колонии для бездомных детей" отсылают нас безошибочно к истории СССР. Давно установлено, что Голдстейн с козлиной бородкой списан с Троцкого. "Две минуты ненависти" и "неделя ненависти", вероятнее всего, заимствованы из ритуалов какой-либо из фрейдистских сект. "Великие чистки 50-х и 60-х годов", без сомнения, ведут свое происхождение от сталинских чисток. (Какими бы абсурдными эти процессы ни казались с Запада, они были следствием и необходимостью борьбы за власть. Дабы процессы над лидерами партии не превратились в процессы над партией, Сталин был обязан выдумать все эти невероятные "предательства" и связи с иностранными разведками. Цели своей он достиг...)

В "1984" — засилье деталей прошлого и лишь пара деталей (предположительных) будущего. Прежде всего знаменитый *телескрин*, о котором известно, что его нельзя выключать (член высшей иерархии партии О'Брайен имел право выключать свой на полчаса). Во время написания романа телевидение уже существовало, пусть и в зачаточном, полуэкспериментальном состоянии. Оруэлл выбрал новое изобретение главным персонажем будущего и основным средством контроля. (Он было заикнулся на первых страницах по поводу полицейских геликоптеров, висящих над улицами, полиция заглядывала в окна, но, поняв, насколько сей метод глуп, поправился: "геликоптеры были не важны, однако. Полиция Мысли была важна".) Установка в жилищах членов Партии принимающе-передающих телевизионных аппаратов теоретически возможна. Однако, не говоря уже о цене проекта, центр обработ-

ки информации должен быть чудовищно велик, и, может быть, половине наблюдаемых придется наблюдать за другой половиной партийного населения. Даже компьютеры не решают проблему, так как программирование разрешенных и неразрешенных движений и текстов — сизифов труд. (Не говоря уже о бесцельности всей затеи — наблюдения. Разве при отсутствии телескрина современный цивилизованный европеец или американец позволяет себе в стенах своей квартиры экстравагантное поведение? Самое большее, на что может рассчитывать наблюдающий Big Brother или его служащие, — секс-сцены и скандалы.) Современное телевидение, безусловно, контролирует население. Но не наблюдая, а показывая.

"Ньюспик", вместе с телескрином обязанный постоянно напоминать читателю, что дело происходит в будущем, действительно принадлежит настоящему (и Оруэлла и нашему) и будущему. Вульгаризация, упрощение и смешение языков — феномен нормальный. Происходит он повсюду, со всеми сразу языками мира и во множестве форм. Например, вкрапление английского в языки мира. "Франгле" — испорченный английским французский существует, и плацдарм его расширяется. Но вовсе не с помощью "мужчин в черной униформе и с дубинками в руках", но добровольно, согласно необходимости и желаниям масс.

Основную предпосылку, на которой держится интрига суперкниги, то, что в будущем внебрачный секс будет караем "пятью годами исправительных лагерей" (в лучшем случае), Оруэлл придумал сам, а не заимствовал из опыта прошлого, посему неправдоподобность резко бросается в глаза. Не говоря уже о воспеваемом всеми режимами семейном содружестве противоположных полов (семья — священная единица для советского и гитлеровского режимов, для Петена вчера и для Раймона Барра и Рейгана сегодня), секс был законным и заслуженным правом немецкого солдата, офицера и партийного чиновника. Публичные дома сопровождали немецкую армию. Второй человек в СССР после Сталина, глава грозного МВД — Лаврентий Берия разъезжал в авто по улицам Москвы, выискивая красивых юных девушек. Идиоту известно, что сексуально удовлетворенный гражданин менее склонен интересоваться социальными проблемами. Казалось бы, уже находящаяся у власти партия должна быть заинтересована в том, чтобы население сублимировало часть своей энергии (хотя, разумеется, власть всегда предпочитает упорядоченный

сексуальный союз). Лишь сумасбродная, умопомешавшаяся власть способна вдруг запретить секс (хотя бы и только членам правящей партии) и сурово карать за нарушение запрета. Фраза Оруэлла, характеризующая сексуальный акт Уинстона и Джулии: "Это был удар, направленный против Партии. Это был политический акт", — нонсенс. Звучит, однако, красиво, как "встреча швейной машинки и зонтика на столе для анатомирования трупов". (Кстати говоря, между лотреамоновскими "Песнями Мальдорора" и "1984" существует определенная невменяемая летучая похожесть, как один кошмарный сон похож на другой.)

У персонажей Оруэлла отсутствует честолюбие, нет у них даже человеческой жажды власти или ненависти к тем, кто эту власть оспаривает. (Ее, впрочем, никто в книге и не оспаривает.) Они повинуются машинной логике или, может быть, даже квантовой механике. Непонятно, почему О'Брайен выбирает в жертвы совсем ничтожного Уинстона Смита, почему он и Полиция Мысли затягивают Смита в сеть, словно агенты ФБР, затягивающие американского сенатора в скандал с целью свалить его. К середине книги выясняется, что за Смитом следили с самой первой страницы, читали его дневник, следовали за ним в кварталах "пролов", подослали агента — хозяина антикварного магазина, наблюдали (через спрятанный за гравюрой телескрин) его акты любви с Джулией... Арестованному Смиту готический злодей О'Брайен (позаимствованный из следователей-инквизиторов Достоевского?) адресует театральные речи, простительные разве что школьнику, выкручивающему руки другому школьнику в темном углу здания школы. "Когда вы наконец сдадитесь нам, это должно быть сделано по вашей собственной, свободной воле..." — шипит он. Невозможно поверить в серьезность супервласти, один из высших чиновников которой ведет себя как опереточный злодей. Знаменитая сцена пытки (несостоявшейся) крысами сделана мэтром Оруэллом в манере Эдгара По устарело-патриархальной. (Но эффекта он добивается, ибо само слово rat[1] в большинстве населения земного шара вызывает неприятнейшие эмоции.)

Все большее количество людей занимается Смитом по мере приближения конца книги, и все большее раздражение вызывает Уинстон Смит. Почему они возятся с больным варикозом,

[1] — крыса *(англ.)*.

не могущим наклониться без боли в костях, преждевременно состарившимся чиновником министерства Правды? Фактически Смит — законопослушный гражданин. Он аккуратно ходит на работу и даже находит в своей работе известное удовольствие. Подавлять волю Смита нет нужды, она у него подавлена еще на первой странице книги. Все, чем занимаются О'Брайен (государство Океания в его лице, Партия и Большой Брат) и Оруэлл, — это следят за уже бескрылой мухой на стекле, время от времени ловят ее и отрывают по одной ножке у нее. Отпущенная опять на стекло, как она станет себя вести?

Если муха (Уинстон Смит), может быть, и убедительна в своей ничтожности, отрывающий ей ножки Большой Брат (О'Брайен, Партия) не удался. Не хватило таланта у мистера Оруэлла. Ясно, что он хотел сделать книгу о "чистом" насилии. Но получилась карикатура, будущее в стиле романов для консьержек. "Божественный" маркиз в "120 днях Содома" преуспел в той же цели куда больше. (Что до меня, я предпочитаю футуролога Герберта Уэллса и его "Машину времени".)

Творца "1984" вдохновляло превратно понятое чужое, неанглийское прошлое. Оруэллу казалось, что общества Германии и сталинской России были скреплены исключительно насилием. Государственное насилие, вне сомнения, присутствовало необходимым элементом в структуре обоих режимов, но количество и значение насилия преувеличено и Оруэллом в 1948 г., и вообще иностранцами, не жителями Германии или СССР. (У других — всегда Ад.) Мифологические "тоталитарные" системы были воздвигнуты Западом в своем воображении с невинной грацией. Дабы вызвать в себе необходимую для борьбы с врагом ненависть, следовало хулить врага, и в результате на месте реальных стран и систем прочно обосновались Монстры. Путем отсечения реальных мотивировок поведения остался лишь феномен уродливой абстрактной жестокости. Партия в "1984" столь же жестока и злобна, как скальпирующий белого индеец в вестернах.

Если забыть о славе "1984" и попытаться оценить книгу по стандартам литературы, то удивляет инфантильность и мелодраматичность книги — качества, присущие поп-литературе. Никогда таковым не объявленный "1984" написан, по сути дела, в жанре бестселлера. (Понятно, почему "*Book of the Month Club*" потребовал в свое время от Оруэлла, чтобы он

убрал главы из книги Голдстейна и Апендикс, объясняющий принципы "Ньюспик". Только эти два куска написаны не в поп-стиле.) Вполне закономерно также, что "1984" вдохновил поп-звезду Дэйвида Боуи на создание шоу. "1984" — это будущее, каким оно представлялось популярному, вскормленному дешевыми газетными мифами воображению. Всегда отстающему от реальности на полстолетия.

2. Новое SOFT-насилие

Мягкие методы управления массами зародились задолго до окончания второй мировой войны. Подавляя население других стран, своих германцев Гитлер *соблазнил* нацизмом. Арестантом в крепости Ландсберг, еще в 1924 г. он набросал модель популярного автомобиля "Фольксваген" и проект идеального дома среднего германца: пять комнат с ванной. Своей нацией он, кажется, собирался управлять с помощью *мягкого* насилия.

Испуганное проявлениями своего собственного каннибализма в первую и более всего вторую мировую войну, "цивилизованное" человечество отшатнулось от hard-[1] к soft-[2] режимам. (Плюс сыграли роль еще два важнейших фактора: 1) сдерживающее агрессивность влияние ядерных вооружений и 2) появление новых технологий производства, сделавших возможным закармливание масс.) Если сущность hard заключается в физическом подавлении человека, soft основано на поощрении его слабостей. Идеал жесткого насилия — превратить мир в тюрьму строгого режима, идеал мягкого — превратить человека в домашнее животное.

Soft оперирует не черной униформой, дубинками или пытками. В его арсенале: фальшивая цель человеческой жизни (материальное благополучие), страх unemployment, страх экономического кризиса, страх и стыд быть беднее (хуже) соседей и, наконец, просто лень, присущая человеку, как и энергия, инертность. Самоубийства безработных — пример могучей хватки мягкого насилия, степени психологического давления, того подстрекательства к PROSPERITY — ПРОЦВЕТАНИЮ, которому подвергается гражданин цивилизованных частей планеты.

---

[1] — жесткий *(англ.)*.
[2] — мягкий *(англ.)*.

В витрине современной цивилизации завлекающе светятся экраны телевизоров, компьютеров. Публика ослеплена изобилием информации и могуществом моторов автомобилей, в которых она весело несется (12 тысяч смертей в год на автодорогах Франции) в порыве коллективного безумия передвижения. Портрет Большого Брата на стенах выглядел бы убого в сравнении со все более могущественными трюками паблисити. Ослепленный жонгляжем ПРОЦЕНТОВ, под дробь барабанов СТАТИСТИКИ (цивилизация отдает решительное предпочтение относительной математике, блистательным цифрам, в которых у публики нет времени разобраться), под грохот ставшей обязательной поп-музыки все более худшего качества (эмоции музыки как противоположность мышлению) совершает "цивилизованный" житель счастливых "развитых" стран свой скоростной пробег от рождения к retirement[1]. Необыкновенно высокий материальный уровень жизни, любит повторять счастливчик сам себе, достигнут лишь в Европе, Соединенных Штатах, Австралии и нескольких других — белых в большинстве своем — точках планеты вроде Израиля и Южной Африки. Есть исключения, скажем Япония, но в основном весь остальной, несчастный небелый мир влачит жалкое существование. (Сколько презрения в термине "слаборазвитые страны"!)

Разнеженный, живущий в кредит (и часто за счет презираемых "слаборазвитых" стран, у которых он за бесценок скупает raw materials (сырье), сельхозпродукты и собирает гигантский урожай процентов на занятые им деньги), цивилизованный человек панически боится unemployment — свободы. Потому он каждый день отдается под покровительство государства-опекуна, потеряв (отказавшись от них сам!) основные привилегии человека, присущие ему как биологическому виду, — независимость и свободную волю.

За послушание его награждают ЗАМЕНИТЕЛЯМИ. Его грезы о путешествиях воплощаются в организованный туризм, жажду авантюр он может безопасно удовлетворить, включив теле или пойдя в синема. Полицейские романы и фильмы с неумеренным количеством револьверов и выстрелов — substitute[2] необходимой человеческому существу ежednев-

[1] — отставка, уединение *(англ.)*.
[2] — заменитель *(англ.)*.

ной дозы борьбы за жизнь. Отвыкнув от защиты самого себя, современный цивилизованный человек параноически озабочен своей секюрити[1]. Но его вмешательство в обеспечение его же секюрити не только нежелательно, но карается законом. В цивилизованном обществе мягкого режима безопасность граждан есть бизнес полиции.

В обществе мягкого режима (в этом его принципиальное отличие от жесткого) не Партия, не банда злоумышленников подавляет трепещущее большинство, но *все в той или иной степени подавляют всех* сами. Ибо таков характер отношений. Однако многих общество мягкого режима обслуживает лучше. Ничтожный Уинстон Смит оказывается в нем в лучшем положении, чем энергичный (пусть и позер) О'Брайен. (Я вижу, как Смит в этот самый момент выставил варикозную ногу на асфальт автодороги, ведущей к Лазурному Берегу. Пробка. Впереди тысячи машин с Смитами и Джулиями и их детьми, отправляющимися в отпуск... О'Брайен, водрузив на нос очки, грустно читает Библию в камере тюрьмы Флери-Мерожис. Выпалил из охотничьего ружья в соседей — эмигрантов-арабов, не вынеся шума...)

Чтобы они не забыли, что живут в наилучшем из обществ, доместицированным массам демонстрируют с большим удовольствием дистрофических африканских детей, облепленных мухами. Или скелеты Аушвица... Мораль этих демонстраций такова: бесполезно пытаться устроить какое-либо другое общество. Поглядите, к чему приводят попытки. Что произвели марксизм в Эфиопии и гитлеровский фашизм?..

И напуганные массы сидят тихо. И опыляют их мозги паблисити сыров, вин и стиральных порошков. Предлагают им покупать суперделикатную туалетную бумагу и носить не черные, но ярких детских расцветок ткани. (К насильственной математизации и насильственному озвучиванию жизни следует еще добавить и насильственную "инфантилизацию".)

Среди всех преступлений наиболее ужасным (и вовсе ненаказуемым) является преступление против себя самого — неиспользование индивидуумом его единственной жизни. Слушал глупые музыкальные шумы, парковал автомобиль, занимался не тяжелым, но неинтересным трудом, а срок пребывания на

[1] — security — безопасность, гарантия *(англ.)*.

земле закончился. Коллектив, так называемое "цивилизованное человечество" преуспело в создании (и навязывании всем и окраинам планеты) бесцветной, скучной, глупой, лишенной реальных удовольствий жизни. Жизни домашних животных.

Против насилия Большого Брата, доброго, старого hard-режима в сапогах и зловещей униформе возможно было однажды (как доказывает история, это рано или поздно происходило) подняться на восстание. Но вот подняться на восстание против собственных слабостей возможно ли?

3. О структуре книги

В основе книги лежит метафора — уподобление современного "развитого" общества санаторию для психически больных, где гражданина-больного содержат и лечат в мягком и все же дисциплинарном климате. Уподобление понадобилось мне для создания эффекта "остранения", для того, чтобы читатель поглядел бы на привычный ему окружающий мир *чужим взглядом* (в данном случае моим. — *Э. Л.*). Невинное совсем еще недавно широко распространенного несправедливого уподобления СССР Гулагу уподобление европейских (и европейского происхождения) обществ санаториям родилось, я признаю, именно в этой семье уподоблений. Общество-тюрьма, общество-концлагерь, почему бы не санаторное общество?

Я вынужден был пользоваться английской и французской социальной терминологией по той простой причине, что, уехав из СССР пятнадцать лет назад, русской просто не знаю.

В книге нет ничего, что бы не было уже известно читателю. Я лишь сложил всем видимые элементы в мою картину. Важен мой взгляд.

Возможно было выбрать сотню цитат из Ницше, Маркса, Фрейда, Достоевского и украсить ими книгу, но я предпочел внятно изложить мои мысли и мое видение мира. (Не обладая латинским полемическим темпераментом, я склонен скорее к ясной сухости.) Цитаты употреблены только в практических целях, а не для подкрепления моей позиции мнениями авторитетов.

В книге мало внимания уделено полиции. Потому что в "неполицейских", я настаиваю на этом, санаторных государствах мягкого режима полисирование[1] есть одна из функций

[1] От слова police — полиция *(фр.)*.

администрации и как самостоятельная сила полиция не выступает. То же самое можно сказать об интеллектуалах, оттесненных медией со сцены. Сегодня интеллектуалы не есть самостоятельная сила. Функция производства prefabricated[1] мнений узурпирована медией. Сегодня мыслитель не Вольтер, не Сартр, но Ив Моруззи и Бернар Пиво[2] — мыслители. Основная масса интеллектуалов служит в сфере развлекательного обслуживания Санаториев, в университетах и исправно выполняет свои функции. Интеллектуалы сегодня привилегированная вспомогательная группа, и их претензии на обладание истиной абсурдны, так же как и претензии на якобы особую "революционность".

Если в сфере производства профессиональные категории граждан разветвлены и многосложны, то человек социально-поведенческий может быть сведен к куда более простым категориям. Потому я оперирую в книге категориями "People"[3], "администрация", "идеальные больные", "возбуждающиеся", "жертвы", а не какими-нибудь узаконенными blue-collar worker, white-collar worker[4] и пр. Все большая универсализация стилей жизни, вкусов, потребностей и потребляемых продуктов сделала так, что различные отряды общества (профессиональные, возрастные, с различной покупательной способностью и т. д.) слились в один, с единой социопсихологией, — в ПЕПЛЬ (PEOPLE). Я намеренно отказался выделить из People буржуазию и мало употреблял термин "middle class"[5], поскольку сегодня поведенческая психология рабочего мало или совсем не отличается от психологии буржуазии.

Фиктивным противникам санаторной системы также отведено мало места. Профсоюзы, компартия и даже крайние группы типа Аксьон Директ[6] ведь не оспаривают принципы санаторной цивилизации Prosperity и Progress. Они возражают лишь против существующей системы распределения нацио-

---

[1] Здесь — стандартный *(англ.)*.

[2] Известные ведущие французского телевидения. Бернар Пиво был 15 лет ведущим литературной телепрограммы "Апостроф", законодателем французских литературных мод. *(Примеч. автора.)*

[3] — народ *(англ.)*.

[4] — голубые воротнички, белые воротнички *(англ.)*.

[5] — средний класс *(англ.)*.

[6] Террористическая левая группировка, в программе которой — французская разновидность диктатуры пролетариата. Почти полностью разгромлена. *(Примеч. автора.)*

нальных богатств, предлагая заменить ее более справедливой, по их мнению, системой. В известном смысле оппозиционных партий в Санаториях нет. Экологисты и Фронт Насьональ[1] оппозиционны каждая лишь одной гранью.

Мой анализ есть взгляд из Западного Блока, из Франции, страны, где я живу, и из Соединенных Штатов, где я прожил шесть лет.

Отношениям к Восточному Блоку Санаториев (СССР и восточноевропейские государства) уделено множество страниц, и куда меньше внимания досталось на долю несанаторного мира — $^3/_4$ планеты. Почему? Прежде всего, потому, что из противоборства двух Блоков с нацизмом и между собой и сформировались санаторная цивилизация и санаторные общества. Во-вторых, количество моего внимания справедливо соответствует диспропорциональному вниманию, уделявшемуся до сих пор самим Западным Блоком СССР, одержимости Западного Блока Восточным. "Мы одержимы Востоком", — признался недавно администратор Эдгар Пизани постфактум. "Однако наши отношения со странами Юга куда более важны для нас... Отношения же с Востоком сделались сегодня проблемой не стратегической, но экономико-культурной". (Под "Югом" Пизани имел в виду страны Магриба: Алжир, Марокко, Тунис.)

То, что лишь экономико-количественные показатели (культура Толстого, Чехова, Шолохова и Солженицына есть одновременно и культура Стендаля, Флобера, Пруста и Камю, бесспорно) отличают Блоки друг от друга, было всегда очевидным. Лишь нарциссизм, невнимательность и необходимость иметь, пусть и фиктивного, Абсолютного Врага мешали Западному Блоку опознать лицо своего брата-близнеца. Абсолютный Враг остро необходим Западу для его внутреннего здоровья, для содержания своих граждан в субмиссивном[2] страхе, для того чтобы переносить ненависть и агрессивность из "нашего" общества вовне. Еще вчера одержимые Абсолютным Врагом — СССР, сегодня Западный Блок Санаториев одержим Исламом. Без Врага (вернее, без идеи врага, ибо реальное столкновение нежелательно и избегается) санаторная цивилизация не может быть уверена в своем существовании, ведь она определяет себя, отрицая (морально осуждая) противника.

---

[1] Крайне правая французская партия. *(Примеч. автора.)*
[2] От submission — подчинение, покорность *(англ.)*.

Я высказал в книге нелестные суждения о People — Народе. Что ж, рано или поздно кто-нибудь должен был высказать это публично. People очень долго уже пользуются иммунитетом не по заслугам, ханжески выдавая себя за жертву администраций, на самом деле являясь их подельником (со-конспиратором) и деля с ними прибыль. Администраторы знают истинную природу People, но предпочитают молчать, дабы сохранить миф о плохих администрациях (в противоположность всегда "хорошим" и невинным Народам), в своих целях. Тем самым сохраняется возможность соблазнения People "хорошей" администрацией. Выступить сегодня против диктатуры People кажется мне столь же благородной акцией, какой двести лет назад был бунт против абсолютизма.

САНАТОРИЙ

Ежедневная жизнь в любом из обществ белой цивилизации, будь то Западный Блок — Европа и ее space[1]-колонии (Соединенные Штаты Америки, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка, Израиль...) или Восточный (СССР с компанией восточноевропейских стран), напоминает реальность хорошо устроенного психсанатория. Подавляющее большинство "больных", заколотые транквилизаторами, ведут себя разумно и послушно. У больных гладкие, упитанные лица, они довольны своим состоянием. Покой царит в Санатории...

Если случается скандал, медбратья-фельдшеры тихо и профессионально удаляют вдруг грохнувшегося на пол в припадке "больного". Удаляют тем незаметнее и тем элегантнее... в соответствии со степенью прогрессивности и богатства Санатория. В примитивных, менее "развитых" Санаториях провинции, какими были еще недавно СССР, Восточный Блок, "больных" до самого последнего времени удаляли грубо, с кровопусканием, с криками. Набрасывались, подминая, заламывая руки. Удаляли скандально. (Главный упрек Запада СССР до сих пор был направлен именно против употребления старых методов репрессий, но не против репрессирования как такового. Всегда осуждаем был непрогрессивный метод, но не суть.)

[1] Здесь — колонии-спутники, от space — космос, пространство (*англ.*).

Слишком крепкая метафора? Карикатура? Ну почему же... Все элементы реальности дисциплинарного Санатория налицо. Бросается в глаза схожесть структур. Больные — Население. Всяких рангов и званий медицинский персонал — Администраторы. Медбратья-фельдшеры с большими мускулами, аппарат насилия, дабы держать в повиновении возбуждающихся "больных", — Полиция и Армия. Небольшая часть медперсонала психсанатория устраивает духовное обслуживание массы "больных" — работники культуры и коммуникаций — медиа, интеллектуалы.

Тихие, спокойные, трудолюбивые "больные", клеющие картонные коробки или копающиеся в санаторном саду, поощряются администрацией Санатория. Идеальный "больной" (гражданин) определяется по наименьшему количеству хлопот, доставляемых им обслуживающему персоналу. Идеальный "больной" передвигается не медленно и не быстро. Он не хохочет, но и не грустен. На лице идеального "больного" всегда присутствует тихая приветливая осклабленность (вспомним знаменитую американскую улыбку). Клея коробки, копаясь в земле, он с аппетитом потребляет пищу и не просит, чтоб его выпустили, освободили. Идеальный "больной" не "возбуждается".

"Возбуждаться" — самое серьезное преступление в Санатории. "Возбуждаться" — значит покинуть состояние тихой спокойности. Вдруг начать ходить от стены к стене, вскрикивать: "Освободите меня, я здоровый!" — вариантов "возбуждения" множество. Прыжки, гневные речи, требования всяческих свобод и послаблений санаторного режима, обвинения администрации в мошенничестве, вплоть до тягчайшего — физического нападения на санитаров и членов администрации (Аксьон Директ, Армэ Руж, если ты достаточно вжился в метафору и Франция уже для тебя Санаторий, читатель...). Серьезный вариант "возбуждения" — выражение сомнений в правильности действий обслуживающего персонала.

Неприятное отличие современных обществ от Санаториев для психически "больных" состоит в том, что из психсанатория все же можно однажды выйти. Покинуть же общество можно, лишь сбежав в другое, практически идентичное общество. Из СССР в Соединенные Штаты, из Соединенных Штатов — во Францию. Минимальные различия в богатстве питания, в климате, в количестве держателей акций крупных ком-

пании (в Восточном Блоке обыкновенно держатель один — государство); незначительные мелкие особенности поведения местных Администраций не скрывают подавляющей общности социальных структур Санаториев. О да, никогда не исчезающий конкурентный дух враждебности и благородная задача напугания "своих" "больных" заставляет Восточный и Западный Блоки Санаториев яростно соревноваться между собой. Обязанность служителей культуры и идеологии — рекламировать выгодное отличие "нашего" Санатория от их Санаториев. Куда бы ни перебежал больной, повсюду он неизбежно слышит, что "наш" Санаторий — самый лучший из возможных. Справедливости ради следует сказать, что определенный Санаторий может оказаться удобнее для данного "больного". В Западных Санаториях, например, разрешают безгранично делать деньги, в Восточных делание денег пока ограничено. В одних разрешают писать все, но публиковать все не разрешают, в других можно и писать, и публиковать что угодно, в результате Санаторий ломится от книг, но именно по причине этой девальвации "больные" читать не желают. Десяток стран Западного Блока практически не контролирует свои смежные границы (так они договорились), однако ничего страшного не происходит. Куда уйдет "больной" от своего места за обеденным столом Санатория? В несанаторный мир, в голодную Эфиопию? Б-р-р-р-р. Лишь совершенные безумцы решаются бросить ежедневную тарелку с теплым мясом. Старомодные Санатории: СССР и Восточный Блок до сих пор бессмысленно контролируют свои пределы...

После многих лет существования в Восточном Блоке так называемых "социалистических" администраций на сегодняшний день ясно, что они полностью имитируют "капиталистический" Блок Санаториев. До такой степени, что только различия количественного порядка существуют между двумя Блоками Санаториев. У них одна и та же цель: продукция и продуктивность. Один и тот же параметр: Gross National Product[1]. Одна и та же концепция: развить продуктивные силы до предела. И одинаковая технология для достижения этого: иерархизация и статистификация человеческих масс с одной и той же целью — повышения эффективности их труда. Жесткий менеджмент администраторов, отдающих приказания с высоких правительственных сфер, ассистируемых компьюте-

[1] — валовой национальный доход *(англ.)*.

рами, накормленными холодными фактами рынка, цифрами конкурентности, спада и подъема акций. В обоих Блоках одна и та же доблесть — трудоспособность. И висит над Санаторием СССР лозунг "Труд есть дело чести, доблести и геройства!", а над американским — подобная ему до деталей "Великая Американская Мечта", то есть средство и для достижения коммунизма, и для достижения money предлагается одно — ТРУД.

Санаторий — самая механическая социальная конструкция, какая когда-либо существовала. Не отношение к Богу, не отношение человека к человеку есть ее фундаментальный принцип, но отношение человека к предметам.

Идеал Санатория — сам Санаторий. Потому у него нет цели, и, оправдывая свое существование, он находит оправдание в прошлом и в несанаторном мире. Истолкованная санаторными метрами история есть поступательное движение человеческих коллективов из бедности и страданий прошлых веков к кульминации истории — в уютно устроенное сегодня. Вчера истории, согласно такому толкованию, было ужасным, варварским, достойным презрения, потому что в нем не существовало всеобщего образования, автомобилей и телевидения, стиральных машин и электрического освещения ночи напролет улиц и архитектурных памятников, компьютеров, телефона и оплаченных отпусков. Обитатель Санатория жалеет жителей прошлых веков, лишенных блистательных игрушек, проживших свой век без комфорта. Достигнув цели, никуда не стремясь (за исключением еще большего development[1] продукции и продуктивности), санаторный человек скучен. И скучна санаторная действительность. Скука в Санатории не просто эмоциональная атмосфера, но насильственно введенный, официальный климат. Поскольку возбуждение и его крайности (атрибуты поведения возбуждающихся) — отчаяние или восторг признаны Санаторием опасными, Санаторий предпочтительно выбрал скуку как идеальный общественный климат. Ибо "больные" должны быть ограждены от крайних эмоций, а она и есть средняя эмоция между восторгом и отчаянием.

[1] — развитие *(англ.)*.

ВЫБОРОЧНОЕ НАСИЛИЕ

Итак, good old[1] Оруэлл, странный кентавр с ногами конного полицейского и тощим крупом анархиста, нтонский галстук на шее, вдребезги ошибся. Живописав 1984 год, как тюрьму очень строгого режима, он уничтожил себя в глазах жителей конца нашего века, как футуролог. Следовало бы предвидеть, что две супервойны с горами трупов надолго дискредитируют моду на hard-насилие. Как и то, что развитие техники производства вооружит администрации продуктами массового соблазна, теми же, которыми соблазнял германцев Гитлер: неизбежный домик и "Фольксвагены" плюс игрушки послевоенного прогресса. В забежавшей вперед Америке все это уже имелось во времена Оруэлла, и план Маршалла начал видоизменять лежавшую в руинах Европу. Оруэллу следовало обратить внимание на то, что делалось за океаном, а не увлекаться романтикой страшных сказок. Европейские девушки уже отдавались американским оккупантам за сигареты, нейлоновые чулки и шоколад. С тех пор массы охотно позволяют держать себя в повиновении в обмен на изобильную пищу и автомобили, отпуска, проведенные в теплых местностях, в обмен на сны, навеваемые теле- и видео: впервые в истории заработала система *мягкого насилия*. Заработала эффективнее тюрьмы, лагеря колючей проволоки и пыток.

С прибытием новой системы образовалась и новая шкала ценностей. По стандартам новой системы Уинстон Смит — примерный "больной" и с точки зрения сегодняшней Администрации заслуживает поощрения (за историю *комрада Ожилви* он заслуживает Доски почета или прибавки жалованья). Смит ведь труслив, вял, лишен честолюбия. Это требования администрации Большого Брата к "больным" (и к Смиту в частности) были чрезмерны, параноидны. В наши времена Смитом никто не станет заниматься. Никому и в голову не придет! Другое дело, если бы он был "возбуждающимся", его следовало бы сломать ради security Санатория и в назидание другим. Но в том-то и дело, что насилие стало разумным, выборочным, и Смит, биологически не принадлежащий к доминирующему меньшинству, оставлен в покое.

Оруэлл умер в 1950 г. Возможно, знай он об интересном

[1] — добрый старый *(англ.)*.

китайском эксперименте, он переписал бы "1984"? Во время корейской войны китайские психологи открыли, что могут предотвратить побеги американских пленных, изолировав leading figures[1], содержа их под усиленной охраной, но оставив все остальное население пленных без какой бы то ни было охраны. Лидеры, оказалось, всегда составляли 5% от тотального количества пленных. Эта же цифра, утверждают биологи, годна также для большинства видов животных. Доминантное меньшинство и у шимпанзе, и у волков всегда составляет 5%. Исходя из подобного понимания человечества, управлять человеческими коллективами становится куда легче. Нет надобности в *телескринах*, наблюдающих денно и нощно за "больными", не нужен дорогостоящий тотальный террор, достаточно репрессировать и держать под наблюдением "возбуждающихся". Насколько же облегчается задача администрирования!

Администрирование лишь несколько более усложняется на практике, поскольку личный состав человечества находится в непрерывном движении: рождается, умирает, обновляется... И вопреки логике, но согласно генетике, leading figures рождаются как во дворцах, так и в хижинах. И не следует думать, что все эти 5% — непременно *"возбуждающиеся больные"*. Нет. Случай помещает представителей доминантного меньшинства в Администрацию Санатория, в охрану, в сферу идеологического обслуживания, куда угодно. В этих областях деятельности *"возбуждение"* даже поощряется до определенной степени. Следует отметить принципиальную разницу между natural leader[2] — именно он биологический лидер, по рождению принадлежащий к доминантному меньшинству (на какой бы ступени социальной лестницы Санатория он ни оказался при рождении и впоследствии), — и лидером, ставшим таковым. Благодаря административной карьере, сделанной в аппарате власти, или благодаря наследованию, то есть от рождения помещенный в среду правящего класса. Революции обыкновенно не создают более справедливых обществ, но лишь (в пределах только одного поколения) восстанавливают биологическую справедливость. Насильственно перевернув пласты населения, они разрушают созданную иерархию и выбрасывают наверх именно людей доминантного меньшинства. Наполеон

[1] — лидеры *(англ.)*.

[2] — естественный лидер *(англ.)*.

и его простонародные маршалы, Ленин, Сталин, Троцкий, Махно и советские маршалы гражданской войны тому служат яркими примерами. Без революционной ситуации эти герои никогда не поднялись бы нормальным социальным путем на поверхность, остались бы младшими офицерами, мелкими адвокатами, учителями и провинциальными журналистами.

"Прогрессивная" часть человечества прочно перешла на санаторный режим, однако населения вне Санаториев еще доживают кто поздний каменный век (несколько племен Новой Гвинеи, Амазонии и Африки), кто марксистскую эпоху (Албания, некоторое количество африканских и азиатских стран). В совершенно особом положении находится Иран (в противоположность всем законам "прогрессивного развития" вдруг взбунтовавшийся против своего европеизированного правителя и его "прогрессивного" режима), установивший на своей территории до сих пор неслыханную и парадоксальную форму правления — исламскую республику. Интересна враждебность этого самого нового общества в мире одинаково и к Западному, и к Восточному Блоку Санаториев.

Им — третьей стороне — евроцивилизация видится объективнее, и они не замечают вовсе подчеркиваемого усилением обеими Блоками Санаториев различия.

В мире несчастливых варваров за пределами нашего цивилизованного мира царит еще доорузлловское старомодное насилие. Оживляемое лишь современным блистательным оружием, закупленным ими у суперцивилизованных стран. Советские вертолеты, и американские "стингеры", и французские "миражи" просвистывают в их непрогрессивных небесах. Жители Санаториев снисходительно презирают кровожадных "устаревших" варваров, простодушно забыв о том, что ни одна бойня нецивилизованного "слаборазвитого" мира не превзошла еще европейское Гиннесс-бук достижение — 49 миллионов убитых в 1939—1945 гг. Пытки? В не оруэлловском, но историческом 1984 г. пытки состоялись на территории земного шара, и во многих местах, но все это были нетоталитарные дооруэлловские старомодные пытки. В Афганистане, к примеру, "freedom-fighters"[1] обращались с советскими пленными согласно старым афганским методам, бывшим в ходу еще

[1] — буквально "свободные бойцы" *(англ.)*.

во времена Оруэлла-полицейского в Бирме, а еще ранее — Киплинга, а еще ранее — в средние века. Прекрасным введением в изучение афганских нравов может служить рассказ Киплинга "Потерянный легион". Свежее описание афганских методов возможно найти в "Геральд трибюн" за 5 марта 1988 г.: "...распарывают, открывая живот пленного, нагнут его и тыкают головою в собственные внутренности", "сажают на острый кол", "отрезают пенис и ногти", "надрежут кожу вокруг вашей талии, и тянут кожу к голове, как будто рубашку снимают, и после бросят ваше еще живое тело на горячий песок", "привязывают ваши члены к четырем верблюдам и заставляют их бежать в разных направлениях". (Дополнительно пикантно покалывает в душе от доверительных указательных местоимений, употреблявшихся рассказчиком — "вашу", "ваши", "ваших", — и сохраненных редакторами "Геральд трибюн" при пересказе информации.)

Начитавшись подобных сообщений, наглядевшись на разрушенный Бейрут, на разбухшие трупы ирано-иракской войны (на телеэкране, разумеется), житель Санатория счастливо осматривается вокруг и готов закричать, подобно Уинстону Смиту: "Делайте это с Джулией, с советскими солдатами, сделайте это с моим соседом, но не со мной!"

Человечество не умеет пользоваться опытом своих прошлых несчастий. Оно неизменно ожидает, что насилие (или назовем его Злом, но не в христианском смысле, а определяя его как катастрофу для человеческого коллектива) появится в том же виде, в каком оно приходило на историческую сцену в последний раз. Символические пьесы 50-х годов всегда включают в число действующих лиц Силы Зла — молодчиков в черной коже и непременно в сапогах. Они или активно теснят, избивают, изгоняют со сцены позитивный персонаж, или видятся ему во сне, или (вариант) ворочаются за кулисами на манер античного хора. (По этому признаку Оруэлл может быть с полным правом отнесен к школе театра абсурда — к Ионеско и Беккету...) Пока искусство занимается перевариванием опыта прошлых насилий, новое насилие преспокойно проникло в жизнь человечества и, неузнанное, разместилось. Достаточно упомянуть здесь деятельность (тоталитарную по масштабам) американского National Security Agency[1] (смотри "Intelligence Secrets" Фабрицио Кальви и Оливье Шмидта). Подслушивая всю планету с 4000 баз, разбросанных по

[1] — Национальное агентство безопасности *(англ.)*.

глобусу, эта организация не вызывает почему-то у жителей Санаториев беспокойства. Очевидно, в значительной степени потому, что ее 200 000 сотрудников — аналитики и техники, а не молодчики в сапогах и униформе. Такова сила инерции человечества. Санаторный "больной" возмущен апартеидом в Южной Африке, к NSA он относится апатично. В последней мировой бойне уже присутствовали аналитики и доктора в белых халатах и техники (вспомним доктора Менгеле) со шприцами, но они не были главными действующими силами последней войны, и потому человечество зафиксировало их на заднем плане памяти. Очевидно, лишь после катастрофы — а ее непременно вызовет накапливание информации — человечество испугается своих ординаторов, своих опасных блистательных достижений в области подслушивания и разглядывания — в сущности, достижений, обеспечивающих контроль над ним.

Контроль уже достигнут. Тотальное подчинение человека организации (человечества) уже произошло. По крайней мере в великолепном передовом созвездии дисциплинарных Санаториев. Доказательство того — с территорий Санаториев исчезли герои. Где герои в самом деле? Ведь во все иные времена они появлялись. Бернар Тапи или Ив Монтан — не герои, но идеальные "больные", Че Гевара, Мишима, Каддафи — герои несанаторного мира, но где наши местные, санаторные мужчины, "отличившиеся экстраординарными качествами и действиями, в частности, в войне"? Невозможно назвать "экстраординарными подвигами" деятельность Лоран Фабюса[1] или Жоржа Марше, Франсис Брига[2] или golden boys[3] Уолл-стрит.

Иногда мы слышим, что органам охраны порядка удалось убить "возбудившегося" "Public enemy[4] номер один", или о процессе над тем или иным "террористом". Медиа сообщает нам малейшие подробности ареста, детали одежды, но, как правило, невозможно понять, чего же, собственно, хотели эти public enemies. Почему они не выбрали легальную дорогу к власти, если они ее хотели, и почему не предложили свои проекты переустройства общества на суд публики. Эти "террористы" (Аксьон Директ, Армэ Руж в Италии, Советская

---

[1] Экс-премьер-министр. В настоящее время Председатель Национального Собрания. *(Примеч. автора.)*

[2] Известный французский капиталист, владелец 1-го канала телевидения. *(Примеч. автора.)*

[3] — золотая молодежь *(англ.)*.

[4] — официальный враг *(англ.)*.

Армия в Западной Германии), они что, глупы или в Санаториях запрещена пропаганда идей радикального переустройства общества? На все эти вопросы нам, Public, нет ответов. Мы должны удовлетвориться тем, что наши враги ликвидированы или арестованы.

Возникает впечатление, что "тысячелетний рейх" большинства, диктатура несменяемых элит-администраций воцарилась в пределах цивилизованного человечества и диктатура эта пресекает все сомнения в своей мудрости и целесообразности. Все самодеятельные, не сверху, не исходящие от Администрации, но исходящие непосредственно от "больных" социальные инициативы и проекты изменения структуры Санатория безжалостно подавляются. Теоретики итальянской "Рабочей Автономии" Тони Негри и Оресте Скальзоне были приговорены в июне 1984 г. (!) каждый соответственно к 30 и 20 годам строгого режима. "Тони Негри, — гласил приговор, — не просто злой мыслитель. Он поставил также под сомнение правила гражданского поведения во имя проекта власти, основанной на совершении акций открытой войны против Государства, во имя искусственных и вредных политических формул..." Предчувствуя, что некоторые "больные" могут испугаться, услышав словообразования "злой мыслитель" и "вредные формулы", суд посчитал нужным оговориться. "Суд не имел в виду наказать слабого интеллектуала, человека мысли, за которого множество людей сочли бы своим долгом вступиться и мобилизоваться против преследующего правосудия. Негри пропагандировал мессиджи[1] ненависти и насилия. Он материально контрибюировал[2] в дело стратегического проекта дестабилизации институтов (общества), ища связей с другими подпольными группами". Профессор Негри живет во Франции (в 1986—1988 гг. нелегально). Ему угрожает возможная выдача итальянским властям. Между тем в его деле не фигурирует даже перочинного ножа. Он осужден исключительно за теоретическую деятельность. Для сравнения вспомним, что революционный философ профессор Карл Маркс в прошлом веке прожил вполне буржуазную жизнь. Администрации европейских Санаториев того времени еще не достигли кооперирования в области репрессирования самодеятельных инициатив "возбуждающихся больных", посему в Лондоне Марксу

---

[1] — message — сообщение, послание *(англ.)*.

[2] — contribute — делать вклад, жертвовать (деньги) (*англ.*).

не угрожала выдача в Германию, и в Германии его не ожидало тридцатилетнее тюремное заключение. Несмотря на "вредные формулы", содержащиеся в "Коммунистическом манифесте".

Если поглядеть на созвездие Санаториев с уже упомянутой сторонней позиции, скажем из Ирана, и игнорировать несущественные (и все более уменьшающиеся) различия между Западным и Восточным Блоками, то их история последних сорока лет примет более понятный вид. Попытки самоопределения Венгрии, Чехословакии или Польши можно, смело игнорируя идеологический камуфляж, отнести к тому же феномену, что и попытки Корсики, Страны Басков, Северной Ирландии или палестинцев (в случае space-колонии Израиля на Ближнем Востоке) изменить карту созвездия Санаториев. Но оставьте ваши надежды, не успевшие сделать это под шум Великого Последнего Раздела 1945—1948 гг. Процесс окаменения, увековечивания структуры созвездия закончился. Соображения прагматичности или здравого смысла подавлены молчаливым общеевропейским согласием на status-quo. Интересны все более частые кооперирования Администраций против национальных движений, например среди новейших — Франции и Испании против баскских националистов. В 1938 г. в Мюнхене Англия и Франция предлагали Германии установление status quo подобного рода, однако понадобилась вторая мировая война, чтобы необходимость окаменения структуры созвездия сделалась возможной.

Карта европейских Санаториев заморожена. (Несчастливые две трети человечества все еще не успокоились. Лишь в несанаторных условиях способен был родиться Бангладеш.) Вечные, сменяющиеся в аккуратном престолонаследии Администрации кооперируют между собой в подавлении "возбуждающихся" наций и индивидуумов. Все это покрыто атомными зонтами в случае, если один из Блоков отважится на авантюру. ("Гражданину-больному" в данном случае не оставляют даже метафизического права выбора. Заложник своих и чужих, он даже не имеет права подкрепить свой дух референдумом. Его согласие на участие в коллективном самоубийстве не спрашивается. Он помещен в жертвы — заложник автоматически.)

Казалось бы, так как санаторное насилие направлено на "возбуждающихся", а 95% населения оставлено в покое, режимы Санаториев выигрывают от сравнения с европейским

прошлым. Однако *направленное насилие более эффективно, и в этом смысле наше настоящее много репрессивнее прошлого.* Бессмысленное, эмоцнональное, не служащее целям охраны структуры Санаториев, насилие не практикуется больше цнвилизованнымн Адмнннстрациями не по соображениям гуманности, но всего лншь прагматическн. Уннстоны Смнты могут сегодня спариваться с Джулнямн где угодно и как угодно, могут злословить, еслн нм хочется, по поводу Большого Брата, в 1988 г. Администрацнн это не волнует. Насилие сняло сапогн и униформу н прнняло прогрессивный облнк добродушного дядн в очках. Вместе с молодежью дядя может, раскачнваясь, подпевать песне Боба Марлей "Revolution" нли "I shot the sheriff". Нет, Адмнннстрации не исключили из своего арсенала убийства, когда это необходимо, они хладнокровно прнннмают смерти н личную ответственность за ннх (вспомним поведенне железной дамы Тэтчер — смерть Боббн Сэнда и десяти его товарищей-ирландцев в 1982 г.), но убийство обыкновенно замаскировано (в случае "банды" Баадера — под самоубийство) нлн выполняется третьими рукамн.

Суды над "возбуждающимися", оставаясь по сути своей репресснвными, соблюдают обыкновенно требуемую по стандартам "демократического" общества процессуальность. ("Демократический" — один из эпнтетов, присвоенных с удовольствнем Санаториямн Западного Блока в качестве почетного. Почему-то нзлюбленный Администрациямн.) Обязательно прнсутствует на суде адвокат. Пусть он н бессилен перед заранее прнготовленным (в интересах Адмнннстрации) приговором или в ряде случаев (первый адвокат Абдаллы)[1] сотрудннчает с Администрацней против подсуднмого. Обязательно наличне жюри, пусть оно и состоит из *мажистратов*, то есть представнтелей той же Адмнннстрации. Процессы Абдаллы, или Аксьон Директ, нлн Бригад Руж[2] в Италии, так же как и процесс бывшего лейтенанта СС Клауса Барбн, — по сути дела, показательные зрелища, подчнненные не законам правосудия, но ннтересам Админнстрации.

[1] Ливанец Абдалла послужил администраторам Франции козлом отпущения. Его показательно судили, дабы наказать кого-то за террористические взрывы в Париже в 1986 г. Приговорен к пожизненному заключению за... хранение оружия. Через несколько лет за то же преступление судили группу арабов во главе с Али Салехом. *(Примеч. автора.)*

[2] — Красные Бригады.

Бесцеремонно неюридические зрелища. Администрация настолько уверена в себе, что даже не попыталась сделать так, чтобы процессы выглядели убедительными.

ГЕРОЙ И ЕГО АНТИТЕЗА

Месопотамия, античный мир Греции и Рима, средние века Европы, Индии или Японии создали тип идеального поведения самца человека и тысячелетиями следовали ему, его усовершенствуя. Вдохновляясь примерами Идеальных Мужей, наследовали друг другу. Модернизированный, но не отступившийся от древней сути своей, передан он был в Новое время — в 18, 19 и 20 века. Миф о Герое — один из самых глубоких и мощных корней человечества. Один из высоких импульсов нашего биологического вида — признание исключительной ценности особой человеческой личности. Человечеством было принято как должное то обстоятельство, что некоторые *мужи* превосходят по физической силе, храбрости, уму большинство соплеменников. Миф о Герое — особом супермуже вырос из практической реальности человеческого общежития, каковая реальность (сегодня это подтверждено открытиями генетики) осталась неподвластной цивилизации: неравенство интеллектуальных и физических способностей детей резко заметно уже в первых детских коллективах — детских садах и классных комнатах. Пришедшее всеобщее образование, веками казавшееся панацеей от неравенства, только подчеркивает его сегодня. Принятая как должное аксиома врожденного неравенства биологических особей просуществовала множество тысячелетий и никогда, в сущности, не была подвергнута серьезному сомнению. Даже в 1789 и 1917 гг., каковые лишь заменили одних героев другими.

Среди первых героев человечества "полубогов и больших людей...", тех "кто отличался экстраординарными качествами или действиями, в частности, в войне" мы находим Геракла, Одиссея — царя Итаки, Гильгамеша — царя шумеро-аккадского государства Урук, Шакьямуни-Будду, Ганнибала... Эпосы индийские, китайские, скандинавские, вплоть до самых современных — бурятских и киргизских, образовавшихся и записанных в 18—19 веках, суть варианты истории Идеального Мужа — модели, каковой подразумевалось подражать соплеменникам. Не останавливаясь на местных деталях каждого мифа,

возможно выделить в героических эпосах мира общие линии. Муж (обыкновенно в возрасте наступления мужественности) получает "зов" — совершить подвиг. Он или путешествует в отдаленную страну, либо совершает подвиг на месте: находит Монстра (Зверя, Гиганта, Дракона), доселе безнаказанно истреблявшего население (вариант: красивых девушек, юношей, род местного царя), и вступает с ним в поединок. Победив в кровавой и тяжелой битве Силы Зла, он получает заслуженную награду: женщину, сокровища, землю, славу, мудрость... На этом обыкновенно заканчивается миф — история первого ранга (так сказать, Героя нормального). У мифа о супергерое всегда есть продолжение. Ближе к старости ему уготовано (богами, судьбой, случаем...) еще одно испытание, еще один "зов". Он покидает место счастья и удовольствия и отправляется на последний подвиг. Обыкновенно он гибнет в этой последней битве. Ганнибал бежит в Сирию, где служит Антиоху III, и после перемирия последнего с Римом отправляется в Вифанию, не желая попасть в руки римлян. И в мифах, близких нам по времени, мы находим те же элементы. Дряхлый Лев Толстой бежит по последнему "зову" и умирает на станции Астапово. Лоуренс Аравийский погибает в автокатастрофе (чрезвычайно похожей на убийство) в 1935 г., готовый приступить к новому подвигу, за несколько дней до поездки в Германию по приглашению видных наци (те видели в Лоуренсе популярного народного героя, способного возглавить английский фашизм). Че Гевара, исчезнув с Кубы, гибнет (от рук CIA) в Боливии, явившись туда для нового революционного подвига. Ленин гибнет, совершив революцию и заложив основы социалистического государства, вследствие ранений отравленными пулями Фанни Каплан (вспомним, что Геракл погиб, надев отравленную тунику).

И самые древние, и самые новые мифы, доступные нам детальные биографии Великих Людей, есть не что иное, как средства передачи жизненного опыта человечества, каждый есть "Примерная История Поведения Мужчины. Что делать и как делать".

Если доминантное меньшинство человечества тяготело к подражанию мифу Героя-Воина-Лидера, то массы культивировали иные мифы, подходящие к темпераменту и энергии своей биологической категории. Любопытен цикл русских сказок об Иване-дураке. Самая распространенная версия вкратце такова.

Иван-дурак — младший сын в крестьянской семье. Сын непутевый, ленивый. В отличие от старших сыновей-тружеников, он предпочитает целый день валяться на печи. И даже свои обязанности помощника матери в домашнем хозяйстве он исполняет только по принуждению. Однажды зимой он вынужден отправиться на реку за водой (мать выталкивает его). Иван лениво опускает ведро в прорубь, зачерпывает и обнаруживает в ведре щуку. Щука обращается к нему человеческим голосом — просит освободить ее. Иван-дурак, уже предвкушающий вкус ухи из щуки, спрашивает, что же он будет иметь за то, что отпустит ее в прорубь. "Я берусь исполнить любые твои желания", — обещает щука и предлагает ему испытать ее, выразить желание. Первым желанием Ивана оказывается желание избавиться от ближайшей по времени работы. "Хочу, чтобы ведра сами домой пошли!" — заявляет ленивец. "Скажи: "По щучьему велению, по моему хотению, ведра, ступайте в избу сами!" — учит его щука магической формуле. К великой радости Ивана, ведра сами плывут по воздуху от реки к избе, входят и становятся на лавку. Иван отпускает щуку. И начинается для него райская жизнь. Теперь он "ездит" за водой всякий раз на печи. Приглашенный к царю, Иван-ленивец предпочитает отправиться на печи, ибо ему лень пересаживаться в карету. В конце концов щука устраивает так, что царская дочь влюбляется в дурака и выходит за него замуж. В приданое Иван получает полцарства. Happy End.

Отметим, что народ поместил щуку в ведро дурачка и лодыря.

Не в ведра работящих сыновей, хотя, несомненно, они чаще ходили за водой, чем лодырь. (Дурак еще и не желает идти к счастливому случаю. На улице холод, а на печи тепло. Мать выталкивает его.) Сказка — в сущности народное желание — воспевает, как видим, не работников (старших сыновей сказка даже не удостаивает именами), не планомерное, по́том и усилиями накопление богатства и благосостояния ("копейка рубль бережет"), но магическое скоробогатство. Вышел, нехотя зачерпнул, а братья будут всю жизнь трудиться и станут только зажиточными крестьянами. Восхищенно описывается сказкой анархическая наглость Ивана. Когда царь, прослышав об Иване, посылает за ним карету и придворных, старшие сыновья бледнеют от ужаса, а Иван, зевая, отсылает придворных и, лишь выспавшись, приказывает печи: "По щучьему

велению отправляйся к царю во дворец!" ("И множество народу Иванова печь подавила", — замечает бесстрастно безжалостная сказка, скорее довольная давкой народа.)

Остановимся, дабы набросать характеристику среднего человека Санатория, типичного массового "больного". Дабы сравнить ее с архетипами двух основных биологических групп, созданными воображением и практикой человечества.

Трудоспособность — основной социальный параметр современного человека. Не физическая сила, не мыслительные или сексуальные способности, но трудоспособность в обществе, одержимом продуктивностью, — основное достоинство. Старательность выполнения порученной функции. Худшие лишаются бремени труда. Положительный средний гражданин трудится на фабрике, в офисе, в сфере обслуживания в своем магазине или лавке с девяти до пяти. Он исправно платит налоги в Public treasury[1] и аккуратно выписывает чеки сервисам обслуживания его жизни: телефонной и электро-газовой компании, компании страхования, социал-секюрити[2], докторам, адвокатам, привязал себя на долгие годы к выплате процентов банку (взял заем на покупку квартиры или автомобиля). Положительный средний гражданин не совершает наказуемых законом действий, никогда не бывает арестован. Если участвует в собраниях граждан, то только в "организованных" (его профсоюзом, партией, муниципалитетом, по поводу "справедливых дел") демонстрациях, то есть он знает свое социальное место. Беспрекословно подчинен санаторному распорядку его жизни: Formation — Employment — Retirement...[3] Не употребляет врожденную биологическую агрессивность человеческого вида — сдал заботу о своей безопасности Администрации-полиции (следствие этого — атрофированность воли и боевого духа, психология протектируемого и защищаемого взрослыми вечного подростка). Современный гражданин Санатория обладает всеми положительными качествами одомашненного животного: послушен, легкоуправляем, может выйти из себя, только если голоден.

Ясно, что никакой связи с мифом о Герое в поведении санаторного "больного" обнаружить невозможно. Ни о каких тенях Ганнибала или Лоуренса Аравийского не может быть

[1] — государственную сокровищницу *(англ).*
[2] — государственная безопасность *(англ.).*
[3] — образование — работа — отставка *(англ.).*

и речи. Но и Иван-Счастливчик не является официальной моделью *человека санаторного*. Санаторная мораль предлагает нам не Ивана, но Ивановых братьев в качестве подражания. Скучных и бездарных накопителей (успех выходит за пределы одной человеческой жизни и становится целью цепи человеческих жизней — делом поколений одной семьи. Мы откладываем сантимы, но наши дети, окончив университет, будут жить лучше). Однако сами People сопротивляются если не активно, то пассивно — живя жизнью Ивановых братьев, они все же восхищаются счастливому случаю Ивана-дурака. В Союзе Советских — "Труд есть дело чести, доблести и геройства!" в сотнях тысяч экземпляров висело золотыми буквами на красном кумаче (попраздничнее!) на фасадах всех заводов и фабрик. Однако народ предпочитал завидовать судьбе никому не известного доселе Алексея Аджубея, женившегося на дочери Хрущева и ставшего вдруг могущественным человеком — главным редактором газеты "Известия" и членом ЦК КПСС. Советские People вышучивали искусственно сделанных государством Героев: в 30-х годах это был шахтер Стаханов, в начале 60-х — ткачиха Гаганова. В Соединенных Штатах, как и в СССР, труд есть доблесть номер один. Великая американская мечта — устная и письменная антология, включающая в себя легенды и рецепты добывания миллионов, — содержит сладкие анекдоты о посыльных и чистильщиках обуви, упорным трудом и бережливостью добившихся богатства. Однако всегда стремящееся к чуду, по возможности к немедленному (instant) удовлетворению желаний, восхищение и симпатия (американских) People находится на стороне немедленных скоробогатеев. Хью Хэфнера, основавшего "Плейбой" с Зиро, Спилберга, придумавшего удачный трюк в синема, безымянного X, догадавшегося первым слетать в Колумбию и закупить там груз кокаина. В подвигах вышеперечисленных Героев, пусть они и более трудоемки, чем Иванов поход с ведрами, наклон и зачерпывание, содержится значительная доля "иванодурачества" и случая. Несмотря на все усилия "идеальных" "больных" и Администрации утвердить в качестве модели работящего среднего человека — безымянных братьев Ивана (вспомним братьев Жюльена в романе "Красное и черное") — авантюрист (Сорель, Растиньяк) занимает воображение People. Санатории еще молоды, им не более полусотни лет, возраст мифов коллективного сознания человечества не менее пяти тысяч лет, посему их не так легко уничтожить в пол-

столетия. Несмотря на суперэффективные средства внушения. А усилия уничтожить мифы, основанные на биологических потребностях человеческого вида, и заменить их мифом Послушного Больного Производителя — налицо. И они многочисленны и могущественны.

КУЛЬТ ЖЕРТВ

"We don't need another hero"[1] — это подсознательное желание перепуганных Последней Великой Бойней европейцев выражается в обостренной чувствительности к противоположному hero-феномену — к victim, martyr[2], к жертве.

Культ жертв принесло в европейский мир христианство — секта иудаизма. Так как первые несколько веков христианство поставляло миру исключительно антигероев, мучеников-жертв, то мы унаследовали антимужественный календарь, ежедневно славящий побежденных. (Однако подвиги во имя христианской веры и распространения христианства, будь они именно стахановское производство жертв, впоследствии спокойно адаптировались христианством и инспирировались святым престолом. Достаточно назвать избиение альбигойцев и Крестовые походы.)

Простой, но сильный трюк привлечения Бога на свою сторону христианство также позаимствовало у иудаизма. Бог, как одеяло, был перетянут на сторону народа израилева, и противники сынов израилевых сделались противниками Бога. Богонеугодным злом стали противники еврейского народа: Ассирия, фараоны... Разгромленный множество раз, он превратил свои жертвы в героев и таким образом переиграл историю. Вынужденный бежать от врагов большую часть своей истории, с помощью Бога он возвысился над его победителями. (Оставив в стороне культурные красоты Библии, видим, что ближневосточные племена всего лишь банально вырезали друг друга за пастбища и источники воды.)

Заметим, что общевосточная (роль martyr в исламе, в шиизме в частности, хорошо известна) концепция жертвы проникла в Европу не только вместе с христианством, но и впоследствии

---

[1] "Нам не нужен другой герой" *(англ.)*.

[2] — жертва, мученик *(англ.)*.

с двумя мощнейшими движениями мысли, изломавшими мир, — с фрейдизмом и марксизмом. Согласно фрейдизму, человек — жертва своего младенчества, жертва отношений между родителями. Для Маркса рабочий — жертва капиталистического общества.

При помощи иудаистского метода христианство извратило исторический облик Римской империи, самого правового государства своего времени, воздвигло на его месте фальшивое Чудище, а императоров его, враждебных христианству, превратило в монстров злодейства.

Заполучив Бога на свою сторону, иудаизм и христианство привнесли в человеческие отношения (и в самое крайнее их проявление — поединок, схватку) новый элемент — моральное суждение. Побежденный христианин не только оставался "прав", ибо Бог прав, и оплакивался как уничтоженная собственность Бога. Вместо того чтобы отнестись к нему как к побежденному, обезглавленному, пронзенному копьями, разрубленному мечом, христианство стало отдавать ему почести, превозносило его, как Рим своих триумвиров. Дохристианский, античный мир мало сожалел об убитых и пленных, но, предоставляя родственникам оплакивать побежденных, бежал славить победителя. Римский мир не знал культа жертвы. Для него результатом схватки было наличие победителя и побежденного. Первый находился в вертикальном положении, второй — в горизонтальном. Рим воздавал почести патриотам Рима, но достойными почестей считались проявившие сверхчеловеческое мужество (Муций Сцевола). Никому в Риме не пришло бы в голову возносить побежденных в битве римлян, да еще только на том абсурднейшем основании, что они верили в Юпитера или Марса особенно рьяным образом! Впрочем, у римлян было много богов. У христиан — один, сам жертва, — Христос.

Культ жертв — феномен, присущий побежденным племенам и преследуемым религиям. Не удивительно поэтому, что с 1945 г. возможно наблюдать настоящий расцвет культа жертвы в Европе. Ведь, в сущности, вся Европа, за исключением островной Великобритании, так или иначе кооперировалась с германским нацизмом. И вся война выглядит войною окраин белой цивилизации (США, СССР, Канада, Австралия, Новая Зеландия, островная Британия) против экстремистского путча в Метрополии. Путч подавлен, но цепи последствий супервойны не видно конца. На наших глазах окончательно оформился

во внятные формы процесс "римлянизации" свежего трупа нацизма. В процессе участвовали и колено израилево, и другие силы, европейские страны также, и среди них охотно — сама Германия. Все они заинтересованы не в объяснении вспышки "варварства", но в создании чудища Нацизма, дабы избежать детальной разработки прошлого, и в частности признания того, что Нацизм был законным сыном мадам Европы (родился в лоне ея — в треугольнике Рим — Берлин — Париж), а не каким-то случайно родившимся от Гитлера ублюдком.

Родственной своей связи с Нацизмом Европа не признает, однако господствующий менталитет Европы — психология побежденных. И почему должно быть иначе, если еще до начала Бойни, к 1939 г., фашистские и полуфашистские режимы уже существовали в Германии, Италии, Испании, Португалии, Польше (сменивший Пилсудского режим "полковников"), Венгрии, Румынии, Болгарии... Чехословакия и Австрия считаются странами, "проглоченными" Германией, но без единого выстрела! Побежденная Франция с 1940 по 1944 г. возглавлялась правительством, официально закрепившим союзничество с Германией, и избежала статуса оккупированной территории лишь благодаря шарму и влиянию де Голля. (Однако подменить психологию побежденного психологией победителя не смог даже де Голль.)

Так что Европа чувствует себя жертвой (кто Мюнхена, кто Ялты, а иные Санатории обоих — и Мюнхена, и Ялты). Напомним, что *Великая Бойня* не *была* лишь еще одной войной из сотен, но *войною особой*, не только по количеству жертв, но и из-за последствий ее. *Она образовала современный мир, в котором мы живем.* Она начертала карту Европы, какой мы ее видим уже полстолетия. Американские, британские, французские и советские оккупационные войска, и спустя сорок с лишним лет присутствующие в ядре Метрополии (срок неслыханный!), до сих пор напоминают о серьезности и исключительности Великой Бойни.

"We don't need another hero" особенно в условиях PAIX ATOMIQUE[1], когда героизм будет стоить десятки или сотни миллионов жертв, но переиграть результат войны Западный Блок очень хочет. И это нормально. "Бог на нашей стороне" — сегодня слабый довод. Невозможность перевоевать последнюю войну и установленный ею порядок породил странней-

---

[1] — атомный мир *(англ.)*.

шие феномены *холодных* (моральных) войн. Следующие периодически психонападения Западного Блока на СССР выражаются прежде всего в призывах аннулировать результаты войны: отказаться от плодов победы. (Чтобы он дал возможность объединиться двум Германиям, отказался от контроля над Восточной Европой.) Западный Блок Санаториев предпочитает рассматривать восточноевропейские страны как жертвы советской агрессии, игнорируя тот простой и мужественный факт (прекрасно понятый бы римлянином), что советские легионы без чьей-либо помощи овладели Восточной Европой силой оружия, отвечая на агрессию. И римлянину было бы абсурдно непонятно, во имя какой такой отвлеченной моральной справедливости легионы должны оставить территорию, за которую заплачено их кровью. Не только перенесение концепций морали для оценки событий исторических есть ложный метод, но если мы вспомним, что моралисты — побежденные европеяне и занявшие позицию противника СССР — Соединенные Штаты, то есть моралисты заинтересованные, их осуждения выглядят фальшиво.

Нападающих это, по-видимому, не смущает. Утвердить неправость, "злобность" противника в моральной войне столь же важно, как выиграть важную битву в горячей войне. "Римлянизации" для христианство подвергся не только нацизм, но и Советский Союз. Государства-жертвы (Восточная Европа) — могучий довод против него, как некогда христианские мученики были свидетелями злобной монструозности Рима... Не останавливаясь на осуждении и очернении внешней политики СССР, побежденные проявляют болезненный интерес к внутренним проблемам Победителя. Непрошеные, они судят внутреннюю советскую историю и подвергли ее суровому ревизионизму. Нормально, что они атакуют более всего самый могущественный период советской истории — эпоху правления Иосифа Сталина. "Жертвы сталинизма" (увеличившись из тысяч в докладе Хрущева в 1956 г. до баснословных 60—70 миллионов сегодня) стали еще одним могучим моральным доводом против не только сталинизма, но против СССР. В "нормальные" времена моральное осуждение лишь предшествовало бы войне физической. В современной цивилизации апокалиптическое оружие сдерживает страсти, однако оно не мешает Западным Санаториям чувствовать себя жертвами СССР и идентифицировать себя с другими его

жертвами (Польшей, узниками Гулага, жертвами коллективизации и т. д.).

Моральное давление Западных Санаториев (тысячи книг, статей, телепрограмм, кинофильмов, радиопрограмм, кричащих о жертвах СССР... жертвах, жертвах, жертвах...) привело к неожиданному результату. Западу удалось внушить Интеллигенции и Администрации СССР комплекс вины, даже стыд за свою героическую историю. Советский Союз дал Западу знать, что он поверил в свой имидж, внушаемый ему Западным Блоком. Во всяком случае, его Администрация заметила и запомнила все критические замечания Запада по своему поводу, учла их и извиняется за свою историю. Решено воздвигнуть памятник ЖЕРТВАМ СТАЛИНИЗМА! (Представим себе памятник жертвам наполеоновских войн в Париже! Абсурд!) Поддавшись нажиму, СССР переписывает свою историю, реабилитирует внутренние жертвы. В результате — отношение к восточному соседу в Западном Блоке Санаториев значительно улучшилось. Однако сближение между блоками произошло за счет уступок только со стороны СССР. Своего активного участия в нацизме европейские Санатории (за исключением Германии) не признали. Их "перестройки" не произошло.

Имея практический колоссальный перевес в жертвах войны — 20 миллионов погибших, СССР, однако, не сумел использовать их эффективно. Отчасти, разумеется, потому, что он находится в двойственной позиции (жертва, но победитель войны), отчасти по неумению вести моральную войну. Израильский народ, потерявший 6 миллионов, пользуется полным и безусловным сочувствием администраций и населений планеты. Советский — не пользуется. Шесть миллионов евреев, без сопротивления (одно из немногих исключений — восстание в варшавском гетто) прибывавшие в лагеря уничтожения, казалось бы, должны уступить первое место в мрачном списке 20 миллионам советских погибших с оружием в руках или в героической осаде, как жители Ленинграда. Мало того что весь этот бизнес похвальбы жертвами попахивает некрофилией, получается вдобавок, что существуют привилегированные жертвы.

Колено израилево поступило со своими жертвами в полном соответствии с традицией иудаизма, использовало их как моральную огневую мощь против сегодняшних и будущих врагов, как индульгенцию, право на исключительное поведе-

ние в мире. Эта индульгенция привела к созданию государства Израиль, к возникновению палестинской проблемы, к переделам границ, создала миллионы беженцев, дестабилизировала Ближний Восток, привела уже к нескольким войнам, и конца последствиям не видно.

Вот какой силой обладают в современном мире жертвы. Они, как видим, создают государства, меняют границы, производят новые жертвы.

Культ жертв давно покинул пределы санаторной цивилизации и влияет на судьбы несанаторных стран и народов. Жертвы режима красных кхмеров послужили одним из предлогов для вступления в Камбоджу вьетнамских войск. В свою очередь, портретирование Камбоджи как "жертвы вьетнамской агрессии" дало возможность (другим силам) создать вооруженную оппозицию вьетнамцам — в основном из остатков армии того же "палача" Пол Пота... Интеллектуалы Европы и Америки (очевидно, следуя заповеди Сартра о непременной ангажированности интеллектуала) дружно подписали обращения против "вторжения" вьетнамских войск в Камбоджу. Подчеркивая свою объективность, американские интеллектуалы напоминали о том, что выступили в свое время публично за прекращение войны, ведомой Соединенными Штатами во Вьетнаме. Однако ситуация в Камбодже оказалась много сложнее, чем представлялось из Лос-Анджелеса, Нью-Йорка и Парижа. Благодаря вмешательствам и влияниям извне война в Камбодже длится. И множатся с разрешения квадратноголовых интеллектуалов жертвы, инспирируемые прошлыми жертвами. Римское право сильного оказывается сплошь и рядом справедливее иудейской, христианской, парижской и нью-йоркской морали, ибо позволяет конфликту разрешиться поединком: прав Победитель. Если бы та или иная сторона, Западный Блок или Восточный (или несанаторные страны) не вмешивались в поединки, не помогали бы жертвам (поднимают, отряхивают и дают в руки оружие), а оставили бы их побежденными, сегодня была бы на картах одна Корея и та же Камбоджа давно залечила бы свои раны. И жила бы при режиме, сторонники какового оказались бы сильнее (самая примитивная форма справедливости и самая честная). Так же как и Ангола, и Никарагуа, и Чад, и еще многие страны. Неразрешившиеся, тлеющие конфликты — результат вмешательства третьих, четвертых и пятых сил в поединок. Основанием для вмешательства чаще всего служат жертвы.

Абсурдность культа жертв видна ярче, если применить принцип не к современности, но к неоспоримой истории человечества. Получается, что 2300 лет человечество восхищалось Александром Великим, первым европейским завоевателем (хотя греки себя к Западу не относили, а персов — своих врагов — не именовали Востоком), ошибочно. Сочувствовать и восхищаться по современным стандартам следовало племенами, которые он покорил. (Тогда не существовало, к счастью для Александра, "Эмнэсти интернэйшнл" — очень санаторной, как и Интерпол, организации.) В битве при Гастингсе победил герцог Нормандский Вильгельм, кому придет в голову восхвалять сегодня Харольда?

Жертвы деревни Мэй Лао и фотографии обожженных напалмом детей сыграли свою роль в мобилизации общественного мнения против войны во Вьетнаме. Однако куда большую, основную роль сыграли северовьетнамская армия, Вьетконг и гробы, покрытые звездно-полосатым флагом, начавшие прибывать все в большем количестве даже в самые мелкие городки Америки. Пятьдесят семь тысяч своих гробов — довод куда более сильный, чем несколько миллионов вьетнамских трупов.

Не всякий труп годится в жертвы. И Восточный и Западный Блоки продают ракеты, самолеты и прочие средства массового производства трупов другим странам, но ответственными за эти трупы себя не считают и в жертвы их не зачисляют. (Каннибальская логика вроде того, что, да, я убил, но не я съел.)

Аккуратно отмечая юбилеи вторжения в Чехословакию или венгерского восстания, Администрация и ее рупор — медия молчат о юбилеях Алжира или Индокитая. Соединенные Штаты не отмечают юбилеи многочисленных интервенций своей морской пехоты в Латинской Америке. Лишь возбуждающийся Жак Вэржэс позволил себе напомнить, что Франция ответственна за миллион убитых в Алжире. Налицо охотное употребление чужих жертв и замалчивание или даже непризнание своих, то есть произведенных нашими руками.

Армянский геноцид — полтора миллиона (согласно армянским источникам) армян были вырезаны турками в 1915 г. — стал широко известен лишь недавно. И уже пару десятков турецких дипломатов принесли в жертву истории армянские националисты. Говорят о Вандейском геноциде, произведен-

ном две сотни лет назад революционными французскими войсками. Жертвы — члены компартии менее популярны, однако полтора миллиона коммунистов были вырезаны вручную в 1965 г. генералом Сухарто в Индонезии и ушли в фантомный мир, оказывающий на нас, живых, такое тяжелое влияние. Когда-нибудь они еще дадут о себе знать. Порой кажется, что жертвы приобрели куда большую власть, чем живые.

Достаточно было медии обвинить марксистский режим в Эфиопии в том, что на его территории производится, скопилось большое количество жертв, чтобы режим полковника Менгисту упал в глазах цивилизованного человечества (Европы и К°). Кто в действительности виноват в голоде в Эфиопии: центральное ли правительство, враждебные ли ему гериллос (множество групп), ведущие микронациональные освободительные племенные войны, или климат и взрыв рождаемости, европейцам разбираться некогда. Они, вечно занятые чужими делами и быстрые, судят с ходу и большей частью поверхностно и несправедливо. Белый человек верит в свою способность разобраться в любом конфликте на планете, кинув пару взглядов на телеэкран и пробежав пару информаций на первых страницах популярных газет. Свое негативное вмешательство в жизнь Африки, то, что это он (евроцивилизация) приложил руку к производству сегодняшних жертв, граждании Европы не видит. Ведь он проложил в Африке дороги и построил школы, он послал туда докторов и снизил уровень смертности африканских младенцев во множество раз! Снабдить какую-либо группу населения докторами и снизить уровень смертности новорожденных относительно нетрудно. Однако (вспомним основы демографии и Мальтуса) накормить этих спасенных детей нечем. Колонизаторы за время своего присутствия не умели и не могли дать сложному сухому континенту систему агрокультуры, способную прокормить спасенных детей. Континент во все времена его истории был слабо заселен. Не равномерно, натуральным образом заселен. Те провинции, где земля была плодороднее, были заселены куда гуще. Европейцы, не желая (нет, не желая. Нет оснований предполагать в них намеренное злодейство. Аввогантность[1] по отношению к другим культурам, грех расизма, да, нарциссизм, эгоизм...), творя, по их мнению, добро — "циви-

[1] — от слова avvogance — надменность, высокомерие *(англ.)*.

лизируя дикарей", нарушили количественный баланс между природой и человеком и сотворили зло. (В любом случае они эксплуатировали континент до самых 60-х годов, не утруждая себя моральными проблемами и не видя в африканцах жертв колониализма.) В определенном смысле организации "Красный Крест", "Медики мира" или "Медики без границ" производят будущих жертв голода.

Мир жертв только что потерял группу жертв. Boat-people[1], по поводу которых пролилось столько слез, потеряли в Канаде, Гонконге и Малайзии статус refugees[2]. Всегда покидавшие Вьетнам в поисках не политических свобод, но экономического просперити[3], boat-people тем не менее сумели продержаться в жертвах полтора десятилетия благодаря враждебности Западного Блока к коммунистическому режиму Вьетнама. Теперь это удовольствие стало обходиться антикоммунистическому Блоку слишком дорого.

Hostages (Otages) — заложники, мы знаем это, могут лишить санаторного Президента власти (Картер) управлять отношениями между странами, влиять на торговлю и поставки оружия. Американские заложники Жоэль Коффман или Жак Абушар сделались всемирно известными, попали в класс super-stars. Жертвы-stars так далеко отстоят от многочисленного класса ординарных, местных, внутренних жертв (безработных, инвалидов, новых бедных), как экзотическая выставочная орхидея тропиков, существующая в одном экземпляре, от скромных полевых цветов.

О манипуляциях жертвами, об использовании их можно написать десяток книг. Жертвы важнее победителей и героев, читатель. Ведь возможно бросить взгляд на эфиопские, камбоджийские, не нашего мира скелетики (еще живые или уже бездыханные) и умилиться нашему Санаторию. Увидеть трупы Аушвица и возрадоваться жизни. Иллюстрируя варварство, царящее за границами наших Санаториев и в прошлом, скелетики и трупы в то же время иллюстрируют превосходство нашего санаторного способа жизни. Мораль все та же: "Больные! Не возбуждайтесь!"

Если добавить к вышесказанному, что каждый житель Санаториев есть недобровольная, но потенциальная жертва воз-

---

[1] — буквально "люди-лодки" *(англ.)*.
[2] — беженцы *(англ.)*.
[3] — prosperity — процветание *(англ.)*.

можного ядерного конфликта (и может быть, не между Западным и Восточным Блоками санаторной цивилизации), то влияние концепции жертвы на современный мир видится монструозным.

РЕВИЗИОНИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

Поклонник поэта Шелли Альфред Нобель писал в одном из писем 1876 г.: "Я должен изобрести субстанцию или машину такой ужасной силы массового уничтожения, что война будет таким образом сделана невозможной навсегда". До этого, в 1862 г. он уже изобрел нитроглицерин, а в 1867 г. — "безопасную пудру Нобеля", иначе говоря, динамит. В 1890 г. он высказался определеннее: "Все войны будут остановлены мгновенно, если оружие — бактериология". К 1892 г. Нобель отточил свой каннибальский оптимизм: "Мои фабрики могут покончить с войной быстрее, чем ваш Конгресс (мира). В день, когда два армейских корпуса будут иметь возможность уничтожить друг друга в одну секунду, все цивилизованные нации отшатнутся от войны с ужасом и разоружат свои армии".

Альфред Нобель был не единственным мечтателем подобного рода. Карнеги и Крупп высказывали похожие мечты. Мы знаем, что ни две мировые Бойни, случившиеся с тех пор, ни изобретение оружия ядерного экстерминирования (с убедительной демонстрацией его возможностей в Хиросиме и Нагасаки) не привели к разоружению армий. Напротив, к небывалому в истории супервооружению обоих видов: и ядерному (для тех, кто имеет возможность), и "обыкновенному". Предсказание же Великого Альтруиста Нобеля сбылось наполовину: над территориями Европы и ее спейс-колоний, вооруженными, как никогда, незримый и невидимый, повис СТРАХ: PAIX ATOMIQUE. И это феномен Государств-Санаториев, объединенных в Блоки, вызвал к жизни и поощрил развитие орудий массового производства жертв (extermination) — H-бомбы и нейтронные бомбы. Закономерно находясь в конце цепи: нитроглицерин — динамит — химическое и бактериологическое оружие — супербомбы, разрушившие Гамбург и Дрезден, — ядерное оружие появилось как следствие необходимости уничтожения больших человеческих масс, было найдено ищущими его. Не злобная природа человека, но нужды Супергосударств, объединенных в Блоки, повинны в его появлении.

Вытеснив вооруженные конфликты (самый серьезный и опасный — корейская война) вовне, PAIX ATOMIQUE не лишил санаторную цивилизацию агрессивности, она активно участвует в ссорах человечества. Более того, разделившись на два Блока, она вынудила и большинство стран за пределами санаторной системы разделиться подобным же образом. Часто выступая инициаторами мировых конфликтов, санаторные Блоки участвуют в них своей финансовой мощью или (все реже) если частью своих армий, то в колониального стиля войнах не на санаторной территории (для Соединенных Штатов — война во Вьетнаме, для Франции — Алжир, Чад, для Великобритании — Фолклендская война, для СССР — Афганистан).

Страннейший (небывалый в истории) АТОМНЫЙ МИР, продолжающийся уже сорок лет, *привел к фантастической деформации психики и сознания населения Санаториев,* "защищенных" взаимным ядерным шантажом Блоков (в сущности, общей концепцией коллективного самоубийства). Санаторная цивилизация внушила своему населению остраненное, внеисторическое, постисторическое сознание.

Избегнув истории (вся его деятельность направлена лишь на усовершенствование условий жизни. Лишившись возможности агрессировать соседей, он совершает агрессию против природы), санаторный человек вынужден рефлектировать по поводу событий во враждебном санаторном Блоке, в "неразвившихся" странах за пределами санаторной цивилизации. Или по поводу истории европейской цивилизации, ее прошлого, досанаторного периода. Так, буржуазная приличная семья, не имея тем для разговоров (у них самих ничего не происходит), бесконечно злословит за обедом, обсуждая поведение скандальных соседей или семьи консьержки. Рефлектировать, занимать позицию необходимо — на это толкает санаторного человека насущная необходимость убедиться в собственной жизни, иначе неразличимой, так как в ней нет достаточно крупных серьезных ориентиров. Идентифицировать себя по внутренней санаторной шкале ценностей все сложнее. Лево-правая политическая принадлежность сегодня практически потеряла смысл, сменившись общей прогрессистско-либеральной ориентацией. В банках с надписями *Социалисты, RPR, UDF*[1] и даже *PCF*[2] сидят одного вида насекомые. Разница

[1] — правые, голлистские партии.
[2] — компартия Франции.

между Барром и Миттераном лишь в популярности. Точно так же невозможно определить себя в Соединенных Штатах принадлежностью к демократической партии или республиканской. (Заметим, что сегодня определения "гомосексуал", или "бисексуал", или "фанатик джаза", или "антисемит" куда четче определяют человека.) То, что за поисками сильной идентификации санаторный человек обращает свой взор туда, где льется кровь и происходит история, лучше всего доказывает факт, что в Санаториях история остановилась. "Я против апартеида в Южной Африке, — заявляет санаторный гражданин, — против режима Пиночета в Чили... против присутствия советских войск в Афганистане", и этим *причащается* к реальным трупам, бунтам, крови и войне. Подписывая обращения в защиту или участвуя в демонстрациях (часто невпопад и порой вовсе не за "правые" дела, как ему кажется), он (ложно) чувствует себя участвующим. В основе желания определить себя по отношению к событиям *чужой* истории лежит здоровый порыв вовне, из мертвого санаторного покоя постистории, в ИСТОРИЮ.

В своей атомной тишине санаторный человек сделался аррогантен и самовлюблен. Он с упоением читает морали странам и нациям и всей истории человечества, поощряя их только в тех случаях, когда их поведение копирует санаторное. Чужие традиции он не уважает, он не может допустить и мысли о том, что режим, не называемый "демократическим", может быть удобен для жизни человека. Не отказавшись от миссионерства, сегодня он распространяет не христианство, но санаторный образ жизни. Мир за пределами его санаторного Блока для него — Барбария, где (таким он выглядит в телевидении) злобные диктаторы правят нищими народными массами и происходят лишь трагические события: бунты, смертные приговоры и убийства. То, что бунты происходят всего лишь несколько дней и на нескольких улицах страны, причем далеко не каждый год, и что, не обращая внимания на диктаторов, а в ряде случаев (о, шокинг!) с их помощью, население "неразвитых" стран может жить вполне удовлетворительной жизнью, санаторный человек не допускает. (Когда они просто живут тихо и не спеша, "неразвитые" страны исчезают с телеэкранов.) Более всего санаторный человек презирает неспокойные, возбуждающиеся страны, где группы людей стреляют друг в друга, вместо того чтобы остановиться и завести у себя хорошую жизнь, "как у нас". (Особенно неприятен ему Ливан.) Гражданин Санатория напоминает сидящего в ко-

лесном стуле чистого и сытого инвалида, презрительно осуждающего атлетов на стадионе: "Не так! Неправильно!" Сегодня он моралист, однако еще сорок лет тому назад (мгновение для жизни человечества) со страстью предавался самоуничтожительной Бойне и прекратил ее далеко не по собственному желанию.

В периоды бездействия, так сказать, "штиля" в истории и ранее наблюдалось явление переосмысления "действующих" эпох и их denouncement[1]. Настроение, подобное современному, некоторое время господствовало в Европе после Венского конгресса 1814 г. Однако оно не было остановлено и продлено в бесконечность. Только PAIX ATOMIQUE создал такую небывалую возможность. Он заморозил карту Европы, насильственно остановил историю. Реакция на эту ситуацию — РЕВИЗИОНИЗМ.

Ревизионизм есть метод ведения "холодной войны", сознательный или подсознательный, он — основной ее метод.

Посмотрим, как употребляет Ревизионизм Западный Блок: Ялта как символ "несправедливого" передела мира вызывает все большее возмущение по мере отдаления от февраля 1945 г. До Ялты важнейшим историческим событием Ревизионизм сделал и называет договор о ненападении между Германией и СССР (1939 г.). Мюнхенский договор (1938 г.), где Великобритания и Франция отдали Германии чехословацкие Судеты, поощрив ее формально на экспансию на Восток, не упоминается. Известно, что он произошел, и тотчас после войны его называли "позорным" (среди прочих — Черчилль), но Ревизионизм превратил Мюнхен в полузабытую дату, как и множество других позорных для Запада дат 30-х годов (отказ Запада от предложения Сталина воевать совместно против нацизма везде, где он появляется, в 1936 г. в Испании... Преступное эмбарго Франции и Великобритании на экспорт оружия республиканской Испании...). Как и то, что отлично вооруженные и многочисленные чехословацкие войска не сделали ни единого выстрела против вошедших в Судеты немецких войск (а через год в Богемию и Моравию). Как и то обстоятельство, что Польша, управляемая в это время полуфашистским режимом "полковников" (подписавшая договор о нон-агрессии с Германией еще в 1934 г.), позволила себе оккупировать часть чехословацкой территории

[1] — обличение *(англ.)*.

— Тешин. Как и то обстоятельство, что до самого конца 1939 г. Гитлер серьезно надеялся на создание англо-германского блока...

Согласно Западному Ревизионизму, Центральная Европа — жертва СССР, в то время как в действительности она (за исключением Польши) есть взятые с боями территории государств, участвовавших на стороне Гитлера в войне против СССР (румынские, венгерские, словацкие дивизии, австрийцы и чехи входили в состав германских войск). Ревизионизм отсек германский нацизм от эпохи и (как уже было сказано, но уместно повторить это в ином контексте), согласно иудеохристианскому методу, превратил в Монстра, в иррациональное Чудовище, поразившее благородных жителей Европы. То обстоятельство, что нацизм (так же как и марксизм) был общеевропейской идеей, что корни его находились в популистском недовольстве капиталистической системой, что он был своего рода неудавшимся восстанием People против наследственных каст европейских Администраций, замалчивается. Репутация народов в выборных демократиях должна быть чиста, так же как и репутация наций. Европейские нации представляются Ревизионизмом не питательной средой, из которой вырос нацизм, но жертвами нашествия германцев.

Не обработанная Ревизионизмом, "сырая" история, однако, демонстрирует, что объединение Европы под водительской властью германского нацизма было полудобровольным (сопротивление европейских наций было, мягко говоря, "недостаточно активным", а в случае родственных германских государств — Австрии, Чехословакии — не существовало вовсе). Ореол мученичества был подрисован вокруг голов западноевропейских наций куда позднее. Ими же самими.

Но Ревизионизм как метод не заботится об исторической истине, он намеренно изымает отдельный интересующий его объект, явление, личность из контекста эпохи и судит о нем со своей точки зрения — современной и моральной. И заинтересованной. Ревизионизм антиисторичен.

Северовьетнамский генерал Нгуен Гуап, его армия и партизаны Вьетконга сумели победить полумиллионную американскую армию. Это известно военным историкам мира и в Пентагоне. В этой среде недавно умерший Гуап (самый маленький генерал в мире: его рост 1 м 47 см) считается выдающимся военным стратегом, лучшим после второй миро-

вой войны. Но американское уязвленное поражением сознание удобно переосмыслило случившееся, и мир получил ревизионистскую версию, с тех пор никем не оспариваемую: "Демократические силы в Соединенных Штатах остановили вьетнамскую войну". Эта лестная для американской общественности версия (ложь по сути дела) устраивает и американскую администрацию, и военных, ибо они разумно предпочитают, чтобы их считали побежденными общественным мнением своей страны.

Предпочтительная тактика Ревизионизма — не прорыв танковых корпусов с целью захвата важнейших стратегических пунктов (блицкриг), но моральное осуждение. Испуганно выглядывающему из-под козырька PAIX ATOMIQUE санаторному "больному" прошлая история человечества представляется кошмаром крови и слез. Его психология соответствует его состоянию одомашненного животного. Движение, борьба, непорядок неприятны санаторному "больному", они отрицательны. Жертвы для него неоспоримый аргумент — доказательство вредности исторического явления. В результате он закономерно осуждает прежде всего эпохи, противоположные санаторному покою, эпохи, в которые человечество пыталось изменить мир. Потому закономерно, что, едва очнувшись от Великой Войны, Homo Sanatorium всерьез занялся разрушением марксизма.

Уже с конца 50-х годов европейская левая интеллигенция, использовав предлог подавления СССР национального восстания в Венгрии, начинает рычать на первое в мире социалистическое государство. А в сущности — на марксизм как на идеологию, не оправдавшую надежд массового интеллигента на создание коммунистической Утопии, в которой интеллигенция станет господствующим классом. Раскаявшийся коммунист становится распространенным социальным типом и едва ли не профессией (Элленстайн, Гароди во Франции, Джилас в Югославии, бесчисленные диссиденты в СССР и восточноевропейских странах). Неутолимое желание понять и, поняв, отомстить: переоценить, пересмотреть русскую марксистскую революцию и ее идеологию — марксизм вначале логично распространяется на самую сильную, победоносную сталинскую эпоху, презрительно окрещенную "сталинизмом". Толчок этой первой, лимитированной еще волне Ревизионизма дал Хрущев речью на XX съезде. (У него были свои, скорее личные причины для пересмотра сталинской эпохи.)

Однако начавшийся процесс, цепь раскаяний, разоблачений и атак на историю СССР невозможно объяснить исключительно шоком от разоблачений Хрущева и интервенциями в Венгрии и Чехословакии. Европейским компартиям была хорошо известна деятельность Сталина. Процессы 30-х годов широко освещались мировой печатью, Кравченко наделал шуму в Европе тотчас после войны, карта Гулага была напечатана в Великобритании еще в 1951 г. Интервенции происходили и раньше: не говоря уже о дележе Прибалтики, Польши и Бессарабии с Гитлером, вспомним о подавлении рабочего восстания в Восточном Берлине...

Вовсе не праведное возмущение прекраснодушных левых интеллигентов обнаружившимися ВДРУГ за спиной советского марксизма грязью, кровью и костями (они есть нормальные атрибуты истории) является причиной, оттолкнувшей их от СССР и марксизма. Но — ставшая наконец неоспоримой местная реальность: марксизм не победит в Западном Блоке Санаториев! Момент упущен. Пусть человек обыкновенно и обольщает себя тем, что мыслит идеалистическими категориями *счастья будущих поколений*, поступки его подчиняются стратегии его временной жизни. В партиях он ищет реализации себя. (Отвечающий на вопрос: "Зачем вы в партии?" — "Я в партии для счастья будущего человечества" — есть лжец. Цели коллективного блага могут быть одной из причин, но ни в коем случае не главной...)

Примкнув к популярному движению компартии после войны, массовый интеллигент покинул ее довольно быстро для более "модных" движений — голлизма, маоизма, троцкизма, либерализма... Какое-то количество европейских интеллигентов ушло из компартии после венгерских событий, но массовый исход произошел после ввода советских войск в Чехословакию. Именно тогда мстительные перья интеллектуалов заработали над теоретическим уничтожением прошлого кумира — сталинизма. Тогда же оставшиеся в партиях, желая отделить себя от скомпрометированного советского марксизма, изобрели хилый "еврокоммунизм", умерший в подростковом возрасте. На помощь им пришли советские диссиденты (многие из них — дети большевистских "бояр", именно против них и был направлен террор Сталина. К примеру, Елена Боннэр, жена Сахарова, — дочь погибшего в чистке секретаря Компартии Армении...), недовольные окончанием

эры Хрущева (Брежнев пресек ревизионистские тенденции в советском обществе, остановил их), и за какой-нибудь десяток лет была проделана грандиозная работа РАЗРУШЕНИЯ. Но уже не только сталинизма, но и самого принципа марксистского государства и марксизма. К моменту публикации последнего тома "Архипелага ГУЛАГ" Ревизионизм пересилил марксизм, одолел его не с помощью артиллерии и "калашниковых" или "стингеров", но пером и моралью. (Удивляет злобная радость интеллектуалов, как западных, так и советских, по поводу того, что Великий Русский Эксперимент не удался. А ведь Россия храбро испытала на своем организме Мечту Человечества о Справедливом Коммунистическом Обществе. Благороднее было бы остаться ей грустно-признательными за то, что она послужила "кобай"[1] для марксистского эксперимента. Неудача Русского Эксперимента — Крушение Великой иллюзии — неудача всего человечества. Горькая. Что же злорадствовать?..) Марксистское здание стоит, но, как изъеденный термитами изнутри деревянный дом, оно готово обрушиться и рассыпаться в пыль при неловком прикосновении. (Не путать с государством СССР. Это другое здание.)

В 1986 г. вторая волна саморазрушительного Ревизионизма накрыла СССР. Вот уже несколько лет с самоистязанием, достойным покаяния истеричного героя Достоевского — Раскольникова, предаются Ревизионизму советская интеллигенция и Администрация. Апофеоз самоистязания — недавняя реабилитация "жертв" сталинских процессов: Бухарина, Каменева, Рыкова и самого Троцкого — Голдстейна (и тут Оруэлл ошибся), и решение воздвигнуть "жертвам сталинизма" памятник. Как видим, в СССР решительно восторжествовала санаторная цивилизация: Герои спешно заменены на постаментах Жертвами. Ошибочной и преступной названа большая часть новейшей советской Истории, приблизительно с 1924 по 1985 г. Но "осуждение" Истории — абсурдно. От того, что сталинская эпоха осуждена, она не перестает быть самой результативной эпохой Советского государства: Великой Эпохой. В этот период Советское государство достигло небывалого могущества. Что оставит после себя нынешняя администрация, еще не ясно. Что, если только писчебумажные подвиги Ревизионизма? Что, если только РАЗРУШЕНИЕ?

---

[1] от cobaye — перен. подопытный кролик *(фр.)*.

То, что Ревизионизм западного толка (во многом совпадающий с критикой СССР Западным Блоком) возобладал в Восточном Блоке Санаториев, явилось полной неожиданностью для Запада. Неприятной неожиданностью, несмотря на то, что Запад искренне рукоплещет советскому саморазрушению. Администрации его (возглавляемые Администраторами Соединенных Штатов) ведь строили доселе всю стратегию своего поведения на твердом постулате, что СССР и государства Восточного Блока — враги. Огромные преимущества Абсолютного Врага где-то на востоке сознания очевидны. Воображаемая "Советская Опасность" дисциплинировала Западные общества, держала их в мускулистой форме, препятствовала их ожирению. На СССР всегда можно было выплеснуть опасную для хранения в Западном Доме коллективную агрессивность. СССР служил средством координации Западного Блока в системе морали. Из того, что СССР "плохой", автоматически следовало, что Запад "хороший".

Что они станут делать теперь? Враг необходим Западному Блоку Санаторной Цивилизации для существования (для СССР сейчас враг — собственная История), для оправдания поддержания выгодного PAIX ATOMIQUE. Упорствовать в старой стратегии, несмотря на то что близнецовая похожесть двух Блоков теперь столь явна? Один из советских администраторов, Георгий Арбатов, сказал в адрес Соединенных Штатов: "Мы совершили с вами самую ужасную вещь, какую мыслимо совершить. Мы лишили вас врага". (Редкое по проникновенной мудрости высказывание.)

Откол от общеевропейского дерева цивилизации русской ветви в 1917 г. теперь, когда страсти поутихли, выглядит подобным расколу христианской церкви в 1054 г. на католическую и восточную. Верно, что "первая пролетарская революция" была сильно объявлена, претендовала на радикальное переустройство мира, но через семьдесят лет обнаружилось (понятное ясным умам и в 1917 г.), что советский социализм и санаторные режимы Западного Блока есть ветви одного дерева цивилизации. Обе ветви подверглись санаторизации. А проблемы количества держателей акций в индустрии, так же как и проблемы процессуальности доступа к Святому Духу, уже никого не волнуют.

Так как санаторный житель никуда не следует, ничему не наследует, не обязан отчитываться кровью за принятую

позицию, то его эмоциональные интерпретации истории не знают меры и преспокойно углубляются за пределы здравого смысла. Создается впечатление, что санаторный человек уверовал в возможность переделки истории простым переписыванием ее.

От русской революции санаторный интеллигент перешел сегодня к еще более крупному проекту разрушения: он поставил под сомнение Французскую революцию, как событие и идею, лежащую в основе современного мира.

Своеобразно приветствуя годовщину двухсотлетия Французской революции, появилось заметное количество книг, осуждающих если не впрямую саму революцию, то ее побочные эффекты, например "геноцид в Вандее", казнь Людовика XVI... Авторы посягают на авторитет лидеров Революции, всячески снижая их образы. Под пером историков-ревизионистов посредственный Сийес стал главной фигурой Революции. Герои же ее — "основные действующие лица" Дантон, Марат, Робеспьер, Сент-Жюст, подвергнувшись ревизии всецело в духе санаторных вкусов и пристрастий, изображаются злодеями, глупцами, бессмысленными марионетками, угождавшими толпе, тщеславными позерами... Возможно, часть их таковыми и были, но что это меняет? История совершается всякого сорта "возбуждающимися". Основное в них — жизненная сила, а не их моральный облик. В ревизионистском издании Французская революция предстает как случайность истории, от пристрастия к каковой самое время наконец избавиться, может быть, оформив современное государство в виде монархии!!! (И в этой, казалось бы, безумной идее нет ничего удивительного, так как под защитой PAIX ATOMIQUE больные могут без опаски переодеваться и распределять роли как угодно. Бурбон вместо Миттерана будет лишь заменой физиономии в газетах и на телеэкране. Но ничто не изменится в способе существования Санатория.)

Ревизионизм — пересмотр истории (заметим близость термина к советской "перестройке", каковая есть Ревизионизм в чистом виде) — сделался настолько мощным движением, что из метода обращения с историей стал универсальной идеологией современности. И в известном смысле мировоззрением ее. Современный человек *утверждает себя, разоблачая* Историю. Не действует, но судит. Потому что сам он не может творить Историю. Он не свободен в действиях, хотя и скрывает от себя

свою несвободу домашнего животного цивилизации, сменившего ее на "хорошую" жизнь.

Разоблачения революций и эпох, пересмотр истории не следует ли объяснить комплексом неполноценности населения Санаториев по отношению к эпохам героическим, мужественным и, в известном смысле, более свободным? Усиленное возвышение роли "прав человека" (пригождающегося побежденному и направленное против победителя), страх крови, смерти, истеричный культ "жертв" — побежденных, а не победителей — все это не есть ли попытки нашей "постисторической" эпохи перетянуть одеяло на себя? Наглые попытки импотентов перевернуть все с ног на голову: представить активность и потенцию как порок и преступление, а свою презренную импотенцию как достоинство? Метод накопления, метод братьев Ивана и Жюльена Сореля (ни в одну эпоху столько не считали! Сколько цифр вокруг!) возобладал над решительной акцией — чудом. (Цифры враждебны чуду. Иван получает не столько-то тонн зерна, репы, гвоздей, золота... но полцарства.)

Ревизионизм закономерно распространяется не только на явления, но и на множество личностей в истории. Гитлер и позднее Сталин морально осуждены и превращены в фигуры Антихристов. Подвергся ревизии, пусть и не в такой, как они, степени (еще) Мао Дзэдун. Но вот президент Трумэн, принявший решение о бомбардировке ядерными бомбами гражданского населения Японии, звания Антихриста избежал. Ну, скажем, если Гитлера отмыть сегодня трудно, то, поместив на чаши весов Хиросиму — Нагасаки и Гулаг — Культ личности, заметим, что перевешивает все же первая. И символически, так как трагедия Хиросимы — Нагасаки открыла эру ядерного каннибализма. И как "геноцид" чужого населения. Сталин же, как известно, в основном занимался дорогостоящими социальными экспериментами в пределах СССР и над "своим" населением. Разумно предположить, что кто-то приложил руку к чаше с Гулагом или подбросил вверх чашу с японскими жертвами.

Иллюстрируя Ревизионизм, интересно привести здесь две трактовки одного и того же события: сын Сталина — Яков Джугашвили был захвачен в плен германцами. После битвы за Сталинград германское командование предложило Сталину обменять фельдмаршала Паулюса, плененного советскими, на сына Якòва. "Я солдат на фельдмаршалов не обмениваю", — ответил Сталин. Яков был расстрелян немцами в 1944 г.

Ревизионистская трактовка события: "Сталин — чудовище! Не пожалел даже собственного сына". В контексте эпохи событие выглядит по-иному. Под давлением обстоятельств войны (гигантские потери, миллионы пленных) Сталин запретил красноармейцам сдаваться в плен, приравняв пленение к предательству. Он не мог сделать исключение для своего сына. Римляне героической эпохи поняли бы и оценили жест Сталина.

Не избежали ревизии и писатели. В особенности пострадал Хемингуэй. Вне сомнения, именно по причине того, что он сам и его герои есть последние по времени проявления мужественности в большой литературе. В новейших критических биографиях Хемингуэй предстает нам полной противоположностью бравого авантюриста Папы Хема (первые атаки против него относятся еще к концу 50-х — началу 60-х...). Его экспедиции в Африку презрительно именуются organized safaris[1]. Его многочисленные браки в сегодняшней ревизионистской трактовке — суть доказательства его неполноценности как мужчины. Получается, что Хемингуэй был последовательно оставляем женами по причине того, что не мог их удовлетворить, и потому стремился утвердиться другими способами, отсюда его страсть к тавромахии, боксу, войне и прочим проявлениям мужественности, включая неумеренное употребление алкоголя. Его участие по меньшей мере в трех войнах высмеивается и низводится до уровня оперетты.

Метод, примененный к Хемингуэю, характерен и для великого множества хлынувших потоком в последние годы "критических" биографий великих людей прошлого. Особенностью метода "нового биографизма" является *отрицание значения собственной ВОЛИ и ВЫБОРА индивидуума* и представление о человеке как жертве (сифилиса, импотенции, алкоголизма, всего набора фрейдистских комплексов...).

Немилость, в какую впал Хемингуэй, объясняется ревизионистским развенчанием мужества (virility), так же как и противоположный ему феномен популярности такого писателя, как Франц Кафка. Раздражительно-символистические книги последнего, всего лишь третьесортная литература Австро-Венгерской империи, но выдаваемые за пророчества и предвидения вскоре пришедшего фашизма — скучные приключения его

[1] — проведение сафари *(англ.)*.

алгебраических героев (жертв!) вознесли Кафку — невротического клерка страховой компании — посмертно в гении. Популярность Марселя Пруста и его мироощущения старой тетушки-буржуазки (не аристократки, ни в коем случае) в пыльном платье, уснувшей в тени кружевного зонтика за чаем с печеньем, есть также следствие определенного предпочтения — феномен коллективного сознания эпохи. Немужественность и безгероичность перепуганного сознания жителя дисциплинарных Санаториев закономерно выражается в предпочтении писателей немужественных.

Последним романом, дружно восхитившим европейцев, был "Парфюм" Патрика Саскайнда — барокко история (в рамках средневековой Европы) горбуна-парфюмера, добывающего чарующий парфюм из субстанции убитых им юных девственниц. Кафка-меланхолик, Мистер К., Многоножка Грегор Замза — жертвы, горбуны, пыльные тетушки и уродцы предпочтительны обитателю Санатория. Но не римский центурион-красавец, не солдат в униформе, не твердые принципы и твердая рука. Потому что санаторный человек отожествляет себя с уродцами-жертвами и не может отожествить себя с солдатом.

СЛОВАРЬ САНАТОРИЯ

Словарь, нами употребляемый, — это мы, терминология общества — само общество. Космополитическим средством выражения современного мира, как уже было сказано, все настойчивее становятся цифры — латынь современности. В символы же нашей эпохи следовало бы избрать проценты.

Существующая, общая для всего созвездия Санаториев социальная терминология является одновременно и философской системой мышления о человеке и его функции на земле (согласно ей. Человек — производящее предметы животное. Машина), и системой функционирования Санаториев.

Термины: education - formation — employment — work force-social security — vacations — leisure time — family allowances — retirement — insurance policy — retirement — death[1]... — самым непреклонным образом составляют цепь

[1] — образование — служба — принудительное социальное обеспечение — отпуск — время досуга — семейное пособие — отставка — страховой полис — отставка — смерть... *(англ.)*.

предсказуемой жизни. Как безжалостный конвейер, первыми зацепляют маленького Шарло зубья школы и передвигают на операцию formation, чтобы уже не отпустить никогда. Не давая Шарло опомниться, конвейер движет его от операции к операции — к смерти. Загипнотизированный определенностью социальной терминологии, ее обязательностью, массовый человек не имеет сил вырваться из зубьев социального конвейера. (Интересно, что даже привычный термин "свободные профессии" спокойно подразумевает, что все другие профессии несвободны.)

Разумеется, центральным термином в обществе, порабощенном трудом, измеряющем себя количеством труда, является ТРУДОЗАНЯТОСТЬ — EMPLOYMENT, оно же boulot, французского народного арго, оно же прославленное американское job[1]. Это, без сомнения, самое употребляемое слово нашей цивилизации после "мама" и "папа".

Противоположность лучезарного солнца employment есть трагическое, страшное и грустное слово unemployment/chômage[2]. Бюро unemployment — места скорби и тоски, подобные кладбищам, во всяком случае, такими они видятся обществу.

Абориген из песков Австралии не поймет ни счастливой лучезарности employment, ни трагичности unemployment, но в контексте санаторного общества эти термины также определенны и противоположны, как счастье и несчастье. Потерявший работу передвигается из респектабельной категории примерных тружеников-"больных" в категорию *жертв*. Не только абориген из песков Австралии, но и европеец эпохи Французской революции не понял бы причины самоубийства современного безработного.

В разделе жизни на куски (так вульгарно разделена на карте-схеме на стене туша коровы) — предсказуемые периоды, в статистике ее (среднестатистический "больной" уделяет столько-то минут в день такому-то занятию: кушает, какает, писает, смотрит телевизор...) содержится унизительная, безжалостная и непристойная бесцеремонность. Жизнь личности низводится обществом до нескольких программированных процессов. Администрация современного Санатория говорит о своем населении с циничностью практичного владельца

[1] — работа *(англ.)*.

[2] — безработица *(англ., фр.)*.

фермы животных, рассуждающего о новом способе их содержания. И этой же фермерской терминологией пользуется само население, принимая реальность человеко-фермы. (С единственным отличием, что Санаторий употребляет не мясо и молоко животных, но их труд.) И дело не только в обидности терминологии, но в том, что вся мистическая сложность человеческого существа бесцеремонно сведена к механическим категориям. Терминология, заимствованная из сельского хозяйства, является популярной, единственно распространенной философской концепцией человека, хотим мы этого или нет, утверждаемой всякий раз, когда употребляются ее термины. Запугав человека страданиями, войной, голодом, безработицей, то есть свободой, заключив его в Санаторий, цивилизация превратила его в одомашненное животное, подчиненное механической дисциплине, в *полу-человека*, в *под-человека*.

Не стесняясь готовить молодых людей к концу жизни, предлагая (вот пример настоящего obscenity[1], в отличие от порнографии) начать строить свою старость с двадцати лет, выплачивая retirement insurance[2], общество ограничивает предел жизни, подчеркивает ее конечность и, по сути дела, декларирует неважность жизни, несущественность. Человек неважен, он умирает, а work force[3] остается. Рабочая сила — вечная категория.

Цветущим (и наиболее фаворизированным) считается в Санатории возраст наибольшей трудоспособности. Пик трудоспособности обыкновенно помещают в пределах 30—40 лет. После возраста сорока пяти лет человеческому существу трудно удержать и еще труднее найти работу... Страшен последний этап жизни санаторного человека-животного — старость. В "senior citizens home"[4] помещены отработанные отходы — конечный продукт: те, кто выброшен безжалостным конвейером, отпущен наконец восвояси. Перемазанные кашей ли, дерьмом ли, играющие в карты или сгрудившиеся у телевизора, бывшие work force страшны. Не старостью, которая сожалительна, но есть феномен нормальный, но жестоким бессмыслием существования. Зачем они были? В разные эпохи своей истории отвечавшее на вопрос по разному человечество, возвеличивавшее то солдата, то христианина, на сей раз ответило

[1] — непристойность *(фр.)*.
[2] — пенсионная страховка *(англ.)*.
[3] — рабочая сила *(англ.)*.
[4] — дом для престарелых *(англ.)*.

на вопрос самым недостойным образом. Они были, чтобы послужить work force на человеко-ферме. Их индивидуальные для себя активности обыкновенно сводятся к двум: "насыщение" и "секс"... К старости удовольствие "секса" заменяется удовольствием сна и испражнения. Отходы общества в старческих домах есть (перестав быть producing machines[1]) — shiting-machines (от shit — дерьмо).

Отделение возрастных слоев друг от друга в Санатории соответствует разделению животных на возрастные группы в передовом фермерском хозяйстве. Если бы христианство было живой силой, ему следовало бы восстать против антихристианской концепции человека-животного - производящей машины, объявить войну санаторному обществу, уйти в катакомбы. Но едва дышащая после двух тысячелетий активности церковь довольна маленьким теплым углом, оставленным ей в санаторном мире. Церковь уступила мир силам прямо враждебным учению Христа.

Санаторный моральный код не причисляет старческие дома (senior citizens homes/foyers de vieillards) к стыдным или негативным терминам. Они занимают вполне достойное место в санаторном словаре, обозначая места коллективного обитания стариков.

Негативные термины словаря, естественно, служат для характеристики жизнедеятельности тех, кого наш Санаторий (чаще всего наш Блок Санаториев) избрал во враги, являются атрибутами их социальной действительности или существовали некогда в презираемом нами, нашем неразвитом прошлом — в истории. Если "безработные" или "новые бедные" есть элементы санаторной реальности, то их негативность смягчается постоянной дискуссией по поводу способов устранения этих явлений. К тому же unemployment не абсолютно негативен — он дисциплинирует work force.

Распространен метод изъятия из словаря дискредитированного слова и замена его недискредитированными (лучше несколькими). В аппарате Администрации действительно нет службы под названием "Цензура", но есть службы наблюдающие, руководящие, координирующие (мягкое насилие любит расплывчатые синонимы). Деятельность, например, медии в Соединенных Штатах "координирует" федеральная комиссия коммуникаций (FCC), — пять ее членов назначаются Президентом. Во Франции телевидение координирует

---

[1] — производящими машинами *(англ.)*.

аналогичная комиссия (SNCL), — члены ее назначены Президентом и Премьер-министром. За публичной моралью наблюдает министерство внутренних дел. Существуют (всегда) запрещенные книги и фильмы. Например, в Санатории Франции в 1987 г. были сожжены (!) 17 000 экземпляров книги Лоран Галли "L'agent noir" (издательство Робэр Лаффон). Книга Кристиан Лаборд "L'Os de Dionysos" запрещена и арестована. Ведущий телепрограммы "Resistance", осмелившийся объявить высылку сотни малийцев из Франции противозаконной, противоречащей правам человека операцией, исчез с телеэкранов.

Слово "террорист" — самое черное в санаторном словаре — практически антитеза белоснежного Идеального Больного. Террористы — фигуры со статью антихристов. Часть их является в Европу с Ближнего Востока, из несанаторного мира, и мстят невинным населениям западных Санаториев (с риском для собственных жизней) за продажу Администрациями сверхсовременных оружий массового уничтожения их (террористов) врагам. До того как три сотни невинных американских "маринс" были взорваны камикадзе — шофером — *террористом* в Ливане, невинный крейсер "Нью-Джерси" регулярно расстреливал из могучих орудий (с безопасного расстояния) невинными тысячами тонн снарядов ливанские деревни. Не подвергая сомнению действия родного Санатория, всегда принимая за аксиому его "хорошесть", санаторный "больной" не способен понять мотивировок действий "ближневосточных террористов". Между тем понять террористов легко, представив себе реакцию населения Бретани или Нормандии, если бы крейсер "Нью-Джерси" забрасывал бы своими невинными снарядами бретонские или нормандские деревни.

Встречаются еще в Санаториях и местные террористы. Германские, французские, итальянские... В 70-х годах их было много больше. Наши террористы обыкновенно хорошо образованы. Ганс Баадэр, до того как сделаться главарем "банды Баадэра", был многие годы главным редактором интеллектуального журнала "Конкрет", а Ульрика Майнхофф — талантливой журналисткой. Обыкновенно не принадлежа к People по рождению, наши террористы (как и подобает возбуждающимся) писали и пишут на своем знамени имя PEOPLE, конкурируя таким образом с администрацией за право представительства и защиты интересов People. У самих People нет ни способностей, ни возможностей

разобраться, может быть, какие-нибудь террористы, став Администрацией, защищали бы их интересы лучше? Не терпящая конкуренции Администрация подавляет террористов старыми методами насилия. В 1988 г. на территории Гибралтара special forces ее маджести[1] королевы застрелили троих ирландских террористов самым диким и трусливым образом, с расстояния менее метра, безоружных. Один из террористов был пробит шестнадцатью пулями! (Интересно выглядит в свете этого события возложение мадам Тэтчер венка на могилу отца Попелюшко — жертвы польских special forces.)

И террористы и Адмиииcтрация апеллируют к тому же ЧУДИЩУ, к People, по причине того, что рынок *идолов* иебогат. Бог покинул человека, кажется, навсегда или сделался безразличен к его судьбе, монархизм вдохновляет немногих, а популярность People у них самих, очевидно, никогда не иссякнет. Если предложить санаторному словарю нижеследующее определение термииа "террорист", то, разумеется, в санаториом обществе с ним никто не согласится. Между тем оио вполне сбалансированное и отличается бесстрастностью. "Террорист, террористы — индивидуум или группа лиц, исповедующих радикальные социальиые идеи, каковые общество не умеет или не желает абсорбировать (предложить публичную трибуиу для их обсуждения). Лишенные легальиого участия в борьбе идей, они вынуждеиы с оружием в руках (путем террористических актов) попытаться достичь оглашения и (как они надеются) последующей победы своих идей".

Популярные фильмы обыкновенно изображают "террористов" злобиыми молодыми людьми с неуравновешенной психикой. Предводительствует бандой психопатов, как правило, человеконенавистник средних лет (бритоголовый садист или — вариант — садистка-лесбиянка). Сравнив кииематографический имидж террористов с кинематографическими стереотипами "фашистов-нацистов", заметим общность. Очевидно, ни в каком кодексе не сформулированное могущественное ТАБУ наложено на реалистическое изображение враждебных санаторной цивилизации групп как прошлого, так и настоящего. (Множество ТАБУ вдруг обнаруживается в практике якобы все разрешающего общества, если присмотреться.) Нацисты в фильмах обыкновеино или карикатурио глупы (в знамеиитой

[1] — majestic — величество *(англ.)*.

серии MASH, в фильмах о французском Резистанс), или карикатурно жестоки. Трудно себе представить, как такие клоуны могли захватить всю Европу. В виде редчайшего исключения (как в фильме по роману Фредерик Фажарди *"La theorie du 1 %"*, где юный немецкий солдат растерзан толпой французских крестьян) возможно увидеть немецкого солдата не клоуном и не садистом, но жертвой. Настоящего реабилитирования "фашистов-наци" никогда не произойдет, так как у населения Санаториев может возникнуть множество вопросов по поводу современности. Не следует забывать, что самая суровая критика капитализма исходила от национал-социализма.

Моральное осуждение врага, окарикатуривание его — есть месть и одновременно вуду-церемония (изгнания памяти о прошлых унижениях, которым он подверг предсанаторную Европу, о том, что не "мы" победили Гиганта). Употребляемые по адресу врагов (прошлых и нынешних) и несанаторных обществ негативные фетишистские термины: *тоталитаризм, нацизм, Гулаг* (советский, камбоджийский, эфиопский...), *сталинизм, диктатура* (чилийской хунты, Стреснера, Ярузельского до 1989 г. ...) есть *охранительные ТАБУ*, призванные блокировать мышление "больного". Они запрещают мысль, пресекают все попытки понимания, заменяя сложнейшие и всякий раз различные явления действительности упрощенным имиджем — символом. *Гулаг* и *тоталитаризм* звучат сегодня с той же силой, как некогда АД и ГЕЕННА *Огненная* или *Вечное Проклятие*. (Редко кто оспаривает в санаторной цивилизации упрощенные символические имиджи. Однако прочтя случайно книгу Грэхэма Грина "Getting to know the General", вдруг обнаруживаешь на месте (покойного) "диктатора Панамы" сложного и симпатичного человека Омара Торрихоса, на месте "диктатуры" — сложнейшую ситуацию маленькой страны, живущей, да, под диктатурой, но Панамского канала и Соединенных Штатов.

Употребительны в Санаториях имена четырех всадников Апокалипсиса: Souffrance, Douleur, Misère, Pauvreté[1]. Этих предлагается избегать всеми силами, вплоть до самоубийства. Страшные всадники подстерегают отбившегося от стада, потерявшего работу несчастливца. "Если ты будешь плохо учиться, Джон (Жак), — говорят мамы Санатория подросткам, — то твоя жизнь пройдет в компании Souf-

[1] — страдание — боль — несчастье — бедность *(фр.)*.

france/Douleur/Misère/Pauvreté. Между тем четыре всадника, которых страшится санаторный мир, есть всего лишь расплывчатые характеристики жизни. Даже в различные десятилетия XX века у различных Санаториев были свои представления о расшифровке символов всадников. (В романах XIX века возможно прочесть строки: "Он был так беден, что в комнате на полу не было ковра".) В 80-е годы в санаторной Европе Misère/Pauvreté расшифровываются как отсутствие общепринятого комфорта. Для многих "больных" Санатория необходимость ежедневно готовить пищу дома и невозможность посетить ресторан хотя бы раз в неделю есть Misère/Pauvreté. Пройдя тотчас после закрытия магазинов по торговым улицам городов Западного Блока, можно обнаружить в ящиках вдоль тротуаров овощи, фрукты, подсохший, но отличный хлеб, обрезки мяса и рыбы в таком количестве, что становится ясно, почему "голод" не добавлен пятым всадником к четверке. (Выходец из Восточного Блока — автор этих строк не раз обращался к услугам ящиков на рю Рамбуто и Бретань, успешно супплементируя свою диету. Уже будучи писателем. Эмигрантам из Азии и Африки европейцы смотрятся пресыщенными и неразумно придирчивыми гурманами.)

Что касается Souffrance/Douleur, они вовсе не означают в санаторном обществе пытки каленым железом или колесование, как в средневековом. Разумеется, побитый хулиганами гражданин испытывает реальные физические страдания и боль, но в таком случайном качестве они нисколько не пугают санаторных больных. И граждане не боятся ежедневно садиться в миллионы автомобилей, несмотря на много тысяч смертей в год и еще большее количество увечий. Механическое выборочное насилие автострад никого не пугает.

Те же Страдания-Боль употребляются в Санатории для обозначения моральных терзаний, отрицательных психологических эмоций. Скажем, souffrance от зависти к материальному уровню жизни соседа, получившего наследство, douleur подростка от невозможности приобрести мощный мотоцикл. (Мы оставим Страдания-Боль в области личных отношений: по поводу потери любимого человека (измены, смерти) без комментариев, так как нас интересует "человек социальный".)

В своем основном генеральном смысле Souffrance-Douleur санаторного общества символизируют иррациональный страх

этого общества перед несанаторной "натуральной" действительностью. Страх обитателей теплой искусственной камеры-пузыря перед вольным миром вне его. Страдания и Боль в этом контексте есть процессы, свойственные активной, "свободной", не защищенной, но и не скованной санаторным режимом жизни. Могучим кодексом Санатория Страдания и Боль признаны безусловно отрицательными. Согласно этому кодексу, эмоции "больных" должны быть положительными, а существование должно быть pleasant[1]. Приносить pleasure[2].

Но существует и иная, подавленная в санаторном обществе точка зрения на Souffrance-Douleur. ОНИ АБСОЛЮТНО НЕОБХОДИМЫ для поддержания человеческого существа в здоровом равновесии. Удаление их из жизни (так же как и удаление возможности экзерсирования разумной дозы личной агрессивности) привело к коррупции концепции человека, к превращению его в домашнее животное. Пусть и способное размышлять. Человек должен встречать препятствия в своей жизненной активности и преодолевать их. Быть "больным" Санатория противоестественно для его биологического вида. Да, человек всегда стремился устроить условия своей жизни, но одновременно он есть охотящееся животное и мыслящее существо: поместить его в мирные загоны Санатория в такой же степени аморально, как и поместить все человечество в оруэлловскую Океанию — тюрьму строгого режима.

Счастье в санаторном словаре отождествляется чаще всего с покоем, сытостью и материальным благополучием. Однако современные оракулы, ни SOFRES, ни Gallup Poll, никогда не попытались измерить и сравнить количество счастья в санаторных и несанаторных странах. Где, интересно, количество счастливых людей среди населения выше, в Париже или Бейруте? Несмотря на кажущуюся абсурдность вопроса, возможен сюрприз. Очень часто кинохроника демонстрирует нам руины Бейрута с перебегающими по ним молодыми людьми с автоматами. И лица этих молодых людей, как ни странно, вовсе не несчастны, но горделивы, независимы и часто украшены улыбками, несмотря на то, что нам много раз удавалось увидеть, как один из молодых людей падает вдруг, сраженный пулей. (Кинооператор похрабрее одаривает порой зрителя крупным

[1] — приятный *(англ.)*.
[2] — удовольствие *(англ.)*.

планом развороченного осколками живота: в пурпурной массе детали мало различимы, и рана в живот впечатляет меньше, чем оторванные гранатой члены.) Напрашивается вопрос: почему все эти радостные молодые люди не покинут город, не сбегут от войны? А что, если молодые люди в Бейруте счастливы?

Их об этом не спрашивают. Обыкновенно *медия* интервьюирует почти исключительно жертв войны — детей, женщин, торговцев. Даже *свой* солдат не в почете в Санатории, тем более трудно ожидать от Администрации и People, чтобы они понимали чужих солдат и их удовольствия. Ассоциирование нас (себя) с жертвами, детьми и инвалидами не случайно, ведь обитатели Санатория именно инвалиды, их содержат как хронических больных, они неполноценны на всю жизнь, ибо добровольно отказались от некоторых функций человека. Они ведь даже не тюремные заключенные — те мечтают о свободе. Но БОЛЬНЫЕ.

Положительность МИРА и отрицательность ВОЙНЫ якобы очевидны. Если кто-либо попытается защитить право человека на агрессивность, его тотчас объявят сумасшедшим. Однако под угрозой тотального уничтожения человечество живет в ситуации тотального принудительного мира, насилующего природу человека. Ядерно-химическое extermination[1] не есть война и, как уже упоминалось, создано было необходимостью супергосударств уничтожать большие массы народа. Но физическое столкновение, поединок — отрицателен ли? Большинство юных Шарло Санатория всячески увиливает от обязательной воинской службы, да. Но всегда есть постоянный процент людей, желающих воевать. Во времена агрессии Соединенных Штатов во Вьетнаме Генеральный штаб Советской Армии был завален заявлениями от молодых офицеров, желающих отправиться помочь вьетнамцам. Большинство заявлений исходило от дисциплинарных нарушителей, сорвиголов, от "возбуждающихся". Им очень хочется насладиться свободой борьбы, конфликта. Да и часть высоконравственных People не прочь побегать по чужим или своим полям и городам (лучше всего по Бродвею, улице Горького или Елисейским полям) с автоматами... И в большинстве случаев это не у бедных людей, не у подавленных жертв безработицы возникают такие желания, но (вопреки утверждениям вульгарной модной со-

---

[1]— уничтожение, истребление *(англ.)*.

циологии) в беспорядках с удовольствием участвуют состоятельные люди — подавленные "возбуждающиеся". (Поразителен социальный состав арестованных во время беспорядков, последовавших в результате нью-йоркского 1977 г. black-out — аварии электросети. Множество обеспеченных людей среднего класса громили магазины.)

Смерть молодого буйвола, грохнувшегося с маху на бейрутскую мостовую всеми килограммами загорелого тела плюс вес амуниции, только в том случае есть трагедия, если идеал конца человеческой жизни есть американский Senior citizens Home. Населенный больными старыми животными, измазанными кашей и дерьмом, синильными и безобразными.

СВОБОДЫ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

После Democracy[1], Freedom - Liberty — наиболее употребимое слово-фетиш Западного Блока Санаториев. Он всегда восхвалял в качестве преимуществ своего Блока различные liberties. Вне сомнения, множество свобод возможны в Западном Блоке (и все большее количество свобод возможно в спешно ревизионирующемся Восточном). Свободы достигнуты, а общество, вопреки свободам, — дисциплинарное, основанное на ограничениях и запретах, и все большее количество полиции необходимо для поддержания существования демократии. Противоречие объясняется, если вспомнить о происхождении свобод, о том, что *все свободы, осуществленные в санаторном обществе, есть свободы старые, сформулированные (в лучшем случае) в 18 веке, а то и ранее* — еще при абсолютизме. Общество успело стать буржуазным, индустриальная революция изменила его в постиндустриальное, две мировые войны и PAIX ATOMIQUE сделали его санаторным, а свободы у граждан все те же, и отряд их не пополнился. Если Уголовный кодекс — свод действий, запрещенных гражданину, пухл, как Библия двух заветов, то Декларация Прав Человека и список свобод гражданина умещаются на считанных страницах. Если уголовные кодексы санаторных обществ обросли уже в санаторное время поправками, во много раз превышающими тексты самих законов, тексты свобод остались такими же тощими. К старым свободам, как и к старым

[1] — демократия *(фр.)*.

законам Уголовного кодекса, нужны добавления и поправки по меньшей мере. К тому же образовались целые новые области жизни общества, в сфере которых свобода гражданина никак не гарантирована.

Почему так случилось? Дело в том, что целое столетие политическая борьба внутри европейской цивилизации в основном сосредоточивалась за или против радикального переустройства общества (во всяком случае, коммунизм и нацизм претендовали на радикальность). Путем революции или после победы на демократических выборах. Будущее представлялось или в контексте тяжелых "новых" идеологий (теологий), или в виде стабильного вечного капитализма. Опровергнуть или доказать детали марксистской казуистики казалось обоим лагерям куда более важной задачей, нежели формулировка новых законов, регулирующих жизнь существующего общества: новых обязанностей и свобод.

Результат единоборства европейской цивилизации с ее радикальными ересями оказался неожиданным. Нацизм побежден, а советский социализм и капитализм, изменившись под воздействием борьбы, преобразовались в два блока-близнеца, образовали "новый порядок", застывший под ледяным дыханием PAIX ATOMIQUE. Замороженный вместе со свободами, принадлежащими прошлому, еще прединдустриальному обществу.

Да. Да. Да. Старые свободы осуществлены в санаторных обществах Запада. И еще раз да. Но старые свободы потеряли смысл.

В Санаториях существует безусловная свобода печати. Получить разрешение на публикацию газеты или журнала нетрудно. (Практически это лишь регистрация.) Троцкистская Socialist Workers Party (SWP)[1] в Соединенных Штатах публикует газету и журнал и, таким образом, пользуется freedom of press[2]. Однако существующие лишь на членские взносы партии (малочисленной) издания SWP печатаются ограниченными тиражами 1000 и 1500 экземпляров. Распространяются они по подписке или продаются самими членами партии на улицах. Распространительная сеть недоступна этим изданиям, поскольку распространение стоит дорого и система private distributors[3] позволяет последним выбирать издания, какие они

[1] — Социалистическая рабочая партия *(англ.)*.
[2] — свобода печати *(англ.)*.
[3] — частное распределение *(англ.)*.

желают распространять. В Санатории Соединенные Штаты Америки пресса — могучий хор, свобода печати существует, однако сказать, что в Соединенных Штатах существует равная свободная циркуляция всех социально-политических идей, невозможно. Взятая в качестве примера SWP не имеет практически никакого влияния на умы населения. Прославленный социальный консерватизм подавляющего большинства населения Соединенных Штатов объясняется во многом и тем, что консервативные газеты — колоссы, естественным образом финансируемые богатыми, задавливают своей массой журналы и журнальчики, выражающие иные социальные мнения и идеи. Лишь мысля в деревянно-формальных категориях, можно утверждать, что в Соединенных Штатах существует Liberty of press. Если свобода печати не подкреплена свободой равного финансирования и равных возможностей распространения, то она остается мертвой свободой.

Пример, приведенный выше, годен и для Санаториев Европы. Повсюду в санаторных обществах старые (наследственные) партии имеют все преимущества (Лидер Фронт Насьональ Ле Пэн абсолютно прав, говоря о диктатуре четырех партий во Франции): любое новое политическое движение (и движение мысли) попадает в заколдованный круг старых свобод, каковые в современных условиях не есть свободы, но ограничители свобод. Чтобы стать массовым, каждое движение должно обладать средствами агитации и пропаганды. Но овладеть массовыми средствами агитации и пропаганды оно может, лишь получив финансовую базу, а получить финансовую базу оно может, лишь став массовым.

Равномерный доступ различных политико-социальных идей к гражданину должен быть урегулирован и зафиксирован новой свободой: *свободой равной циркуляции идей в обществе*. Избегая ловушек старых свобод, она должна иметь в основе своей строгий принцип: идеи, поддерживаемые администрацией и финансово привилегированными группами населения, не должны иметь преимущественного доступа к населению.

Упрек в отсутствии "демократических свобод" есть обычный упрек Западных Санаториев несанаторному миру и важный компонент нарциссизма Западного Блока. (При этом всегда бывает забыта возможность других общественных традиций.)

Однако сравним *свободы печати*, скажем, в СССР в догорбачевскую эпоху и во Франции. Не возможность доступа рукописи к типографскому прессу (в этой области Франция выигрывает легко и без проблем), а эффективность циркуляции рукописей Самиздата в СССР с эффективностью циркуляции книг, опубликованных во Франции. Самые знаменитые самиздатские рукописи эры Брежнева — романы Солженицына и воспоминания Марченко — распространялись в СССР в десятках тысяч машинописных и копировальных экземпляров и были широко известны по меньшей мере многочисленной советской интеллигенции от Москвы до Новосибирска. Социальное эссе, книга, поддержанная *медией* (и всеми видами паблисити), будет продана во Франции средним тиражом 20 тысяч экземпляров. (Книга никому не известного автора — в лучшем случае 2 тысячи экземпляров.) Результаты реальной эффективности, как видим, сходны. Следовательно, роль типографского пресса не является незаменимой, типографский пресс возможно обойти. Смысл свободы печати в эру ксерокс-машин иной, нежели в 19 веке. Куда большее значение, чем доступ к типографскому прессу, приобрели сегодня средства распространения, продажи книг (и, естественно, идей вместе с книгами. Ибо вопреки предсказаниям Маклюэна книга осталась самым эффективным способом передачи мысли и результатов мышления).

Доступ читателя к книге усложнился. Подобно тому как с целью обесценить английскую валюту в последнюю войну германцы изготовляли и засылали в Великобританию тоннами фальшивые фунты стерлингов, так сегодня миллионы тонн фальшивых книг циркулируют в книжных магазинах Санаториев. Из 30 424 названий, выпущенных в 1986 г. французской книжной промышленностью, что же стоит купить и прочесть читателю? (Для сравнения: в 1960 г. было выпущено 11 200 названий.) Дабы помочь публике отличить фальшивые книги от нефальшивых, вместе с литературой росла и оформилась институция профессиональных литературных критиков. Институция эта всегда была далека от совершенства, а в санаторном мире критики не легче читателей могут разобраться в океане изданий. Роль верховного литературного арбитра, как бы полиции, играют сегодня несколько литературных телепрограмм. Телевидение (увы) является (как и во многих других областях) законодателем литературных мод, самовольно и единолично создает произвольную литературную иерархию и (как следствие этого) экзерсирует бесцеремонное насилие,

вторгаясь и нарушая свободную циркуляцию идей и конкуренцию талантов. То, что подавляющее большинство литературной продукции не несет и никогда не несло важных идей, сути дела не меняет. Представим себе 19 век лишь без нескольких основных книг: без "Происхождения видов" Дарвина, "Капитала" Маркса. Представим себе, что этим книгам пришлось бы пробиваться к читателю в море из 30 424 названий и через литературные телепрограммы? Хватило бы у телеарбитров смелости пригласить никому не известного волосатого профессора, перебивающегося написанием статей для скучных экономических ревю? (О его существовании наверняка не знали вовсе члены тогдашней Французской академии.) Марксу и Дарвину очень повезло, что в их веке не было могущественных телепрограмм, направляющих массовые вкусы. Вопреки здравому смыслу, в припадках нарциссизма жители Западных Санаториев восторгаются "свободой печати" и отсутствием "цензуры" в Санатории. Но цензура, запрет книг и публикаций есть средства из арсенала старого hard-насилия а'ля Оруэлл и даже дооруэллского насилия. Антитезами старого hard-насилия и служили старые свободы. И только в той системе они имели смысл. Санаторный режим soft-насилия требует новых антитез — новых свобод.

Свобода слова в супергосударствах ничего не значит без свободы быть услышанным. Франция или Соединенные Штаты не каменные Афины, где можно было попросить слова, приподнявшись со скамьи в амфитеатре, собравшем всех или почти всех граждан города. Свобода слова, не подкрепленная свободой печати (внутри ее — свободами равного финансирования и распространения, как уже было сказано), не подкрепленная свободами радиослова и телеслова, есть мертвая формула. Возможность же выразить свой гнев по поводу устройства санаторного общества в кругу приятелей в кафе своего картье называть свободой стыдно.

Современному жителю Санатория все менее понятно, какой смысл заключался некогда в свободе собраний и манифестаций. А ведь они были во времена неодомашненного человека очень опасными свободами. Всякое большое собрание-манифестация кончалось в те времена прямой физической акцией толпы против существующего общественного порядка — бунтом. Но санаторная цивилизация прекрасно управляется со своими собраниями. Силы охраны порядка вооружены

эффективными средствами контроля толпы, сами одомашненные граждане дисциплинированны, потому им позволяют собраться в организованную толпу и пройти под двойным контролем полиции и service d'ordre[1] по улицам. (Нет оснований оспаривать необходимость контроля полиции за толпами. Она очевидна.) В Париже почти ежедневно происходит по меньшей мере несколько демонстраций. В 1968 г. "собрания" длились месяц и не привели к падению режима. Миллион студентов прошли в декабре 1986 г. по улицам Парижа, и никаких особенных беспорядков не наблюдалось. (Результат — проект неважного закона об образовании заморозили и убрали с глаз долой.) "Свобода собраний" — пример потускневшей в условиях Санатория, обессилевшей свободы. Лишь выход на улицы могущественных организаций — профсоюзов — имеет смысл. Но профсоюзы давно уже не покушаются на основные ценности общества, только на раздел прибыли. За пределами санаторной цивилизации — в Чили, или Бирме, или Корее — "свобода собраний" все еще жива, полнокровна и актуальна.

Свободы выдыхаются. Теряют смысл. Но Администрация молчит об этом, не желая опустошить рекламную витрину достижений санаторного общества, где среди жирных благ prosperity покоятся и пышно убранные мертвые, и полумертвые свободы. Именно потому демагоги всех направлений, и в первую очередь находящиеся у власти Администраторы, так много говорят в наши дни о "правах человека". Методы мягкого насилия позволяют держать массы под контролем, не нарушая "права человека". Ни французские 1789 г., ни универсальные ООН 1948 г.

Вернемся к аналогии с обязанностями гражданина. На протяжении тысяч лет тягчайшим преступлением было перенесение межевого камня. Оно неизменно каралось смертью законами Хаммурапи, уголовными уложениями египтян, римлян и европейских стран средних веков, так как покушалось на основное владение оседлого человека — землю. В санаторном обществе перенесение границы земельного участка — нонсенс, и место ему в анналах ссор между соседями, но не в зале суда. Для наиболее тяжелых случаев Уголовный кодекс предусматривает незначительное наказание — штраф. Потеряло смысл

[1] — служба безопасности самих демонстрантов, вместе с полицией следит за порядком *(фр.)*.

и сожжение на кострах еретиков, так как религия не вызывает более сильных страстей в санаторных "больных". (Индия, называя себя демократией, живет вне санаторной цивилизации, а в проблемах Северной Ирландии религиозная принадлежность скорее есть местная символика для двух противостоящих кланов населения.) Однако никому не придет в голову похваляться свободой несожжения на кострах еретиков в качестве достоинства демократии. Между тем хвастовство мертвыми свободами — обыкновенное явление. В каждой речи политических деятелей Санаториев мелькают обязательные Freedom/Liberty's.

Задолго после окаменения формулировок свобод родились новые средства информации (они же средства внушения prefabricated мнений) — радио и телевидение. Старые средства presse ecrite благодаря новым технологиям обладают сегодня могуществом, какого себе не могли представить сильные умы: ни Декарт, ни Вольтер, ни Руссо. В их времена молва ("из уст в уши"), книги, функция которых была скорее сходна с функциями манускриптов, да элитарные листки — робкие прапрадедушки современных гигантов прессы составляли весь парк повозок средств информации, имевшийся в наличии. И сама информация и идеи были обращены лишь к малочисленному образованному классу.

Эмоциональное духовное и социальное меню санаторного человека поставляется сегодня в основном телевидением, радио и (в меньшей степени) прессой. Однако новых свобод, учитывающих новую действительность, не появилось. В телевидение, не спрашивая согласия гражданина, мертвой хваткой вцепилась Администрация и владеет им. А ведь, по сути дела, должна бы появиться новая свобода: законоутверждающая права гражданина на его телевидение. Каким-то образом граждане ведь должны иметь доступ (и контроль над) к столь могущественному средству тоталитарного контроля над ними. (Телевидение — тотально. И тем оно в тысячи раз опаснее всех сотрудников доктора Геббельса и его очень эффективной некогда системы пропаганды.) *Для свободной циркуляции идей свобода доступа к телевидению сегодня важнее, чем свобода печати, слова и свобода собраний, вместе взятые.* Ибо все они могут быть осуществлены на телевидении. Любая система управления телевидением была бы справедливее существующей сегодня системы телеэтатизма.

Даже если бы только телепрограммы были распределены между существующими общественными институциями санаторного общества. На освобождение телевидения от контроля государства Администраторы не пойдут. Ибо это живая и, следовательно, опасная свобода. Это реальная власть. А Администрация не желает делиться реальной властью с "больными". Мертвыми привилегиями она с удовольствием делится.

Разумеется, Администратор, даже самого лучшего качества, не есть изобретатель мотора социального автомобиля, но один из множества шоферов этого многосложного аппарата. Очень возможно, что занятые борьбой с себе подобными и сложными отношениями с People Администраторы не сомневаются, что свободы, сформулированные пра-пра-прадедами, — живые свободы. Если это так, то их заблуждение не делает им чести. Если отдельные Администраторы знают, что свободы мертвы, держать в витрине мертвые свободы и похваляться ими перед своими и несанаторными гражданами равносильно фальшивомонетничеству.

"Свободные демократические выборы" — предмет особой гордости санаторной системы. В основе всеобщего избирательного права лежит устарелая досанаторная идея о том, что всеобщее образование сможет (способно) развить всех взрослых членов общества в сознательных граждан, понимающих равно и свое личное благо и умеющих, когда это необходимо, поступиться своим личным благом ради общего блага коллектива. Вторая основополагающая идея "свободных выборов" — предположение, что всякий гражданин способен иметь свое мнение. В идеале (если бы был возможен идеальный гражданин и все граждане были идеальны) демократическая система была бы идеальна. Однако реальность жизни человеческого коллектива доказывает как раз обратное — большинство граждан не имеют (не способны от рождения, нет времени выработать, нет желания выработать) своего мнения. Потому граждане (обработанные телевидением и всем оркестром *медии*) голосуют за кандидатов согласно prefabricated мнениям, подсказанным им медией и приготовленным в недрах все той же Администрации. Очевидно явное нежелание самих санаторных "больных" быть гражданами. В президентских выборах 1981 г. участвовало 28 517 660 человек, то есть половина населения Франции. В Соединенных Штатах в выборах

обыкновенно принимает участие подавляющее меньшинство населения!

Пользоваться для выборов королевы красоты системой, при которой ее поручено выбрать слепым от рождения, абсурдно, с этим согласятся все. Однако доверить выборы лидеров Санатория легко гипнотизируемым, легковерным (они однажды уже выбрали 30 января 1933 г. "свободным демократическим" голосованием одного очень известного лидера), куда в большей степени несамостоятельным, чем это принято признавать, массам People равносильно выборам слепыми от рождения королевы красоты. Однако престиж "свободных выборов" не падает, растет. Их экспортируют в несанаторные страны, и возможно наблюдать сюрреалистические феномены, вроде "демократических" выборов 1980 г. на Ямайке, в которых конкуренты обстреливали ралли политических противников из автоматического оружия. (Погибло 800 человек.)

"Свободные демократические выборы" никому не придет в голову заменить иной системой выборов администрации. Они так же вечны, как САНАТОРИЙ, так же неоспоримы, как PAIX ATOMIQUE. Без демократических выборов и администрация, и People значительно уменьшатся в размерах. Церемония нужна обоим как баптизм, как освящение власти, как право на власть.

Во Франции, стране, где я живу, права человека упоминаются сотни раз на день по поводу и без повода. На телевидении, в прессе, на радио. "Франция — страна прав человека", — смакуют лидеры администрации и журналисты. Парадоксально, но Франция судит своих граждан по кодексу Наполеона. Юридическая система Франции не знает презумпции невиновности! Зато важнейшим принципом этой системы является "признание" подсудимого (заставляющее вспомнить о средневековой инквизиции), открывающее широкие возможности полицейского произвола. Обвиненного гражданина в стране прав человека арестовывают, и он ждет суда в тюрьме (системы выкупа под денежный залог, как в Соединенных Штатах, не существует). Ждет и два года, и четыре, и даже... пять. Право человека быть судимым и осужденным или оправданным не входит в хваленую Декларацию прав. Пересмотреть несправедливую средневековую юридическую систему обещают все администраторы, приходящие к власти. А пока судят по кодексу 1804 г.

Самой важной свободы (и индивидуальной, и коллективной) — выйти из-под козырька PAIX ATOMIQUE, если гражданин или коллектив граждан желают, у обитателя санаторного общества нет. В Декларации прав человека она не записана — свобода от коллективного безумия. Нет этой свободы и в законах отдельных стран-Санаториев. Обсуждению эта свобода не подлежит. Референдумов по данному вопросу не проводят. Согласия на наше самоуничтожение у нас не спрашивают.

1989 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Лимонов Эдуард
Л58 Исчезновение варваров. М.: Журн. "Глагол", 1992.— 270 с.
ISBN 5—87532—002—8

Автор книги — один из видных представителей русского литературного зарубежья. В сборнике, подготовленном для издания в нашей стране и составленном из острых, полемичных статей, как уже опубликованных в отечественной периодике, так и написанных специально для данной книги, собрана публицистика Эдуарда Лимонова, созданная в последние два года и посвященная судьбе государства, его прошлому, настоящему и будущему. Несмотря на то что далеко не все читатели, очевидно, разделяют политические убеждения автора, новая книга писателя никого не оставит равнодушным.
Адресуется широкому кругу читателей.

ББК 84. Р6

Эдуард
Лимонов

(Эдуард Вениаминович Савенко)

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВАРВАРОВ

Сдано в набор 30.04.92. Подписано в печать 18.06.92.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс".
Печать офсетная. Усл. печ.л. 15,81. Уч.-изд.л. 15,47.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 2867.

Полиграфическая фирма "Красный пролетарий"
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

